ТОТИ ДАЛЬ МОНТЕ

ГОЛОС НАД МИРОМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Тоти Даль Монте — выдающаяся итальянская оперная певица XX века. Настоящее имя и фамилия — Антониетта Менегелли.

Эта книга, изданная в Советском Союзе, является книгой ее воспоминаний.

«Воспоминания Тоти Даль Монте великолепно отражают эмоциональную, непосредственную натуру артистки, бесконечно преданной своей профессии. Здесь мы не найдем глубокого анализа основ итальянского вокального искусства, методологии певческого мастерства. Да автор и не ставил перед собой подобных задач. Это увлекательный рассказ о жизненном и творческом пути, приведшем певицу к вершинам мировой славы.»

- Тоти Даль Монте
  -
  - Предисловие
  - Советским читателям
  - I. Как родились эти воспоминания
  - II. Менегель и Даль Монте
  - III. Пианистка или певица?
  - IV. Вольф-Феррари и Тальяпьетра
  - V. Барбара Маркизио
  - VI. Птичка должна летать
  - VII. Упадешь на сцене — жди удачи
  - VIII. Масканьи. А, так это вы «малышка» Барбары Маркизио?
  - IX. Две Лодолетты
  - X. «Нежное пение утешает в горести»
  - XI. «Колокола Сан Джусто»
  - XII. Девятая симфония под управлением Тосканини
  - XIII. Мои цветы
  - XIV. Первое южноамериканское турне
  - XV. «Риголетто» в постановке Тосканини
  - XVI. Между молотом (Тосканини) и наковальней (Гуарньери)
  - XVII. Новая взбучка от Тосканини
  - XVIII. В Австралии. Нелли Мельба
  - XIX. Первые успехи в Англии
  - XX. Роковой коктейль из улиток
  - XXI. Бриллианты, собаки и… контрабанда
  - XXII. Австралийские воспоминания и свадьба в Сиднее
  - XXIII. Материнство

- XXIV. Россия. Встреча со Сталиным. Сибирь. На пути в Азию
- XXV. Китай и Япония
- XXVI. Мой муж Энцо Де Муро Ла Манто
- XXVII. Среди великих оперного театра
- XXVIII. Знаменитые певцы
- XXIX. Альпийские звезды
- XXX. Выигранное сражение. «Травиата»
- XXXI. Моя любимая Чио-Чио-Сан
- XXXII. Прозаическое интермеццо. Роль Лючеты в «Кьоджинских перепалках» Гольдони
- XXXIII. Грозные сороковые годы
- XXXIV. Между партизанами и немцами
- XXXV. «Чио-Чио-Сан» для бандита
- XXXVI. Актриса венецианского театра
- XXXVII. Прощание

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

Тоти Даль Монте
Голос над миром

Перевод с итальянского
Л. А. ВЕРШИНИНА

Под редакцией
Н. К. ГЕОРГИЕВСКОЙ

Предисловие

С чувством глубокого уважения и восхищения перед искусством и самоотверженным трудом большой итальянской певицы, нашей современницы, я пишу эти вступительные строки к книге воспоминаний Тоти Даль Монте. Ее имя знакомо нам не только по грамзаписям. Друг нашей страны, замечательная певица четырежды посещала СССР. Первый раз — проездом в начале 30-х годов. Затем, в 1956 году, она была дорогой гостьей москвичей и познакомила нас со своим вокальным мастерством на концерте в Доме ученых, а приехав в 1963 году с труппой Эдуардо Де Филиппо, показала свое искусство драматической актрисы.

В последний раз мы встретились с Тоти Даль Монте в Москве в 1965 году, когда она, приехав в качестве гостьи Министерства культуры СССР, щедро делилась с педагогами-вокалистами и молодыми певцами своим опытом и размышлениями по поводу вокального искусства, которому посвятила свою жизнь.

Воспоминания Тоти Даль Монте великолепно отражают эмоциональную, непосредственную натуру артистки, бесконечно преданной своей профессии. Здесь мы не найдем глубокого анализа основ итальянского вокального искусства, методологии певческого мастерства. Да автор и не ставил перед собой подобных задач. Это увлекательный рассказ о жизненном и творческом пути, приведшем певицу к вершинам мировой славы. Может быть, здесь кое-что идеализировано, кое-что рассказано лишь конспективно. И все же, прочтя эти правдивые строки, понимаешь, каких жертв, труда и напряжения сил стоили Тоти Даль Монте ее искусство, ее слава, которой она в большой мере обязана самой себе, своему умению работать, а также осознанному с юных лет чувству ответственности. Искусство Тоти Даль Монте никак нельзя назвать «слепым даром природы». Из ее воспоминаний ясно, что голос у нее был поначалу совсем небольшой. Но врожденная музыкальность и воспитанная с детства привычка к труду, а также безграничная любовь к своему делу помогли Тоги Даль Монте стать одной из крупнейших лирических певиц первой половины нашего века.

Дочь школьного учителя и «по совместительству» руководителя провинциального оркестра, Тоти пяти лет уже хорошо сольфеджировала и играла на рояле. Девяти лет она пела песни Шуберта, нетрудные классические арии. Но в консерваторию поступила как пианистка, учась у маэстро Тальяпьетро, ученика Феруччио Бузони. И кто знает, как

сложилась бы ее судьба, если бы, уже почти заканчивая консерваторию, она не повредила руку. Это привело ее к «королеве бельканто» Барбаре Маркизио, одной из знаменитых сестер Маркизио, любимиц Россини и других великих композиторов. И вот малышка Тоти, как называла ее Барбара Маркизио, уже подписывает свой первый в жизни контракт с ничтожным вознаграждением по десять лир в день…

Высокий профессионализм итальянской оперной сцены, в то время еще богатой замечательными певцами и дирижерами во главе с великим Артуро Тосканини, завершает шлифовку таланта Тоти Даль Монте. Она выдвигается в первый ряд мастеров итальянского бельканто.

Очень ценными являются те строки книги Тоти Даль Монте, где она пишет о Тосканини. Мы видим, какую огромную роль в воспитании молодого певца, в развитии его музыкальной культуры и техники, а также в художественном истолковании им образа играет дирижер.

Я подчеркиваю важные этапы творческой биографии певицы для того, чтобы еще и еще раз напомнить молодым вокалистам и всем, кто любит пение, о сложности нашей профессии. Как часто молодые певцы уже готовы принять за искусство одну еще только голосовую одаренность, думая, что этого достаточно для успеха. Нет, подлинный, прочный успех приходит к тому артисту, который владеет большой музыкальной культурой, который умеет разумно, самоотверженно трудиться и самокритично оценивать свои удачи и ошибки даже тогда, когда встречает широкое признание слушателей. Жизнь каждого большого певца — это непрерывный самозабвенный труд.

Бесчисленные турне по странам мира, по крупным и провинциальным городам Италии требовали большого, напряженного и беспрерывного труда, часто лишали певицу многих простых человеческих радостей. В этом тоже поучительна для нас безыскусственная книга Тоти Даль Монте, хотя певица вовсе не стремится сосредоточить внимание читателей на трудностях и лишениях своей жизни. Наоборот, воспоминания ее привлекают глубоким оптимизмом, искренним и доброжелательным отношением ко всем «великим и малым», кто встретился на ее жизненном и творческом пути. Никакого оттенка соперничества, зависти, жалобы… Это тоже говорит нам о чистой душе подлинного художника, открытой для всего доброго и хорошего. Название книги Тоти Даль Монте «Голос над миром» отвечает ее содержанию. Голос певицы звучал действительно в странах всего мира.

Я с большим удовольствием прочла присланную мне с теплой

дарственной надписью автора книгу Тоти Даль Монте, еще раз ощутив всю непосредственность моего милого друга, которая так чарует и в ее искусстве и в ее общении с людьми.

Надеюсь, что эта книга с интересом будет прочитана всеми, кто любит пение и оперный театр. И, конечно, в первую очередь теми, кто вступил или только мечтает вступить на прекрасный, но трудный путь служения вокальному искусству.

Елена Катульская,
народная артистка СССР

Советским читателям

Могла ли я думать в далеком 1931 году, очутившись проездом в Москве, что еще раз вернусь сюда. И не только вернусь, но установлю самые дружеские связи с моими коллегами из Москвы и Ленинграда, ближе узнаю их, проникнусь симпатией к гостеприимным советским людям.

Большим и приятным сюрпризом для меня было известие, что книга моих воспоминаний будет издана в Советском союзе.

В ожидании встречи с моими новыми читателями у меня в груди живет одно-единственное желание — предстать перед вами такой, какая я есть. Я не хотела прибегать в своей книге к стилю примадонны, которая легко, играючи, рассказывает о своих огромных успехах за тридцать лет артистической деятельности. Этот стиль теперь не в моде, да и вряд ли это укрепило бы вашу симпатию ко мне.

Мне хотелось рассказать о неимоверных усилиях, о беспрестанном тяжком труде, без которого немыслимо развивать и совершенствовать свое вокальное мастерство, каким бы высоким оно ни было вначале. Я много и напряженно занималась, отрабатывая каждую каденцию, каждый пассаж с упорством, достойным инструменталистов.

Со священным трепетом и даже с робостью приступала я к изучению произведений наших великих композиторов — Россини, Беллини, Доницетти, Верди.

Я горячо стремилась постичь всю глубину гуманизма, пронизывающего лучшие оперы этих замечательных мастеров.

Мне выпало счастье петь много лет подряд под руководством несравненного Тосканини. Он открыл передо мной широкие музыкальные горизонты и показал, как по-новому можно исполнять даже всем известные произведения.

Очень многое я почерпнула для себя и выступая под руководством таких прекрасных дирижеров, как де Сабата, Гуарньери, Серафин.

Из книги моих воспоминаний вы узнаете, что единственной моей учительницей была великая Барбара Маркизио.

Ученица самого Джоаккино Россини, она была изумительной певицей и чудесным педагогом. Когда я начала у нее учиться, Барбаре Маркизио было почти восемьдесят лет, но это ничуть не мешало ей заниматься со мной много и напряженно.

Лишь благодаря Барбаре Маркизио я постигла «тайны» бельканто, приобрела по словам критиков, безупречность стиля, хорошую дикцию и, главное, научилась с большой

выразительностью исполнять речитативы, играющие столь важную роль в наших операх.

Я не стану утомлять вас, моих читателей, педагогическими премудростями, но хочу вкратце рассказать об основных вокальных правилах, без которых нельзя достичь мастерства исполнения.

Вот эти правила.

Прежде всего хорошее дыхание. Без него невозможно стать настоящим певцом.

Дыхание берется глубоко и плавно. При этом происходит расширение брюшного пресса. Но глубины дыхания нельзя добиваться за счет поднятия плеч. Тренировать дыхание следует осторожно, мало-помалу усложняя исполняемые вокализы. При этом подбородок должен быть слегка опущен, губы и язык ненапряжены. В то время как подбородок должен оставаться неподвижным, хотя и не скованным, верхняя часть лица должна быть подвижной, скулы несколько приподняты. Когда певец берет высокие ноты, у него появляется такое ощущение, словно он неудержимо хочет зевнуть.

При исполнении гамм и арпеджио голосовой аппарат должен оставаться свободным, но неподвижным.

Для достижения совершенной техники очень большое значение имеют вокализы.

В начальной стадии обучения весьма полезны простые гаммы, а затем хроматические, сначала в одну, а позже в две октавы, арпеджио в стиле легато и стаккато, триоли и, наконец, особые каденции для укрепления дыхания.

Наиболее распространенные в пении гласные — полуоткрытые «а» и «о». Но важное значение для тренировки и развития голоса имеет также французское «iu».

Привожу для примера несколько вокализов.

Первый вокализ надо петь легато и без напряжения. Гортань опущена.

Второй вокализ надо петь на большом легато (molto legato) при спокойном состоянии голосового аппарата, опираясь на каждую первую долю триолей.

В третьем вокализе первую долю каждого такта необходимо брать сразу точно, без подъезда.

В четвертом вокализе арпеджио до верхней ноты поется легато; затем следует легкий и быстрый спуск по ступеням гаммы.

В пятом вокализе арпеджио поется на большом легато (molto legato) на хорошо опёртом дыхании и полным голосом, но без напряжения. После небольшой ферматы на высокой ноте дальше петь протяжно и связно. Этот вокализ следует повторить, спев его тихо (piano), но голос должен сохранять всю тембровую окраску.

Пятый вокализ следует петь стаккато (staccato) три раза на одном дыхании в быстром темпе.

Все вокализы поются на полуоткрытом «а».

Выбор тесситуры зависит от певца.

В кратком предисловии всего не охватишь, но мне хотелось бы еще сказать о моей любви к русской музыке. Из всех русских опер я больше всего люблю «Бориса Годунова» Мусоргского. Мне посчастливилось впервые услышать эту оперу в «Ла Скала» под управлением Тосканини. Партию Бориса исполнял несравненный Шаляпин.

Я восторгаюсь музыкой Глинки, Чайковского, Рахманинова, Шостаковича — мне близок их романтизм, их умение раскрыть глубину и благородство русской души.

После 1931 года, спустя двадцать пять лет, уже в 1956 году я вновь приехала в Москву по приглашению Министерства культуры СССР. Третий раз я побывала в Москве в 1962 году вместе с итальянской драматической труппой Де Лулло. Ведь я всегда любила выступать в драматических спектаклях, особенно в пьесах Гольдони.

И вот теперь я снова приехала к вам, чтобы дать ряд показательных уроков в Большом театре и Московской консерватории. Не знаю, ошибаюсь ли я, но у меня такое впечатление, что советский народ любит итальянскую музыку. И я надеюсь, что эта книга еще больше сблизит меня с советскими любителями музыки. Лучшей наградой для меня будет ваше уважение и симпатия ко мне, как к человеку и к певице.

Тоти Даль Монте

I. Как родились эти воспоминания

Решение поделиться воспоминаниями о пройденном артистическом пути возникло у меня не случайно; впрочем, и заранее обдуманным его тоже назвать нельзя. В большей мере, чем внутреннее побуждение и вполне понятная и законная гордость актрисы, меня толкнули на это чисто внешние причины.

В течение многих лет, с тех пор как я в расцвете сил покинула сцену, поступив весьма мудро, не было дня, чтобы то один, то другой из моих друзей и близких, певцов и музыкантов, учеников и критиков, деятелей культуры и многочисленных поклонников настойчиво не убеждал меня: «Почему бы тебе не написать свои воспоминания?»

Особенно часто повторяли это те, кто знал о существовании моих многочисленных «тайных» дневников — обычных альбомов в переплете из толстой кожи, где в строгом хронологическом порядке собраны и наклеены вырезки из итальянских газет, тысячи фотографий, драгоценные автографы, оперные и концертные программы, контракты, связывавшие меня с различными импрессарио, телеграммы, письма, ленты, засохшие цветы.

Все материалы в этих альбомах и записных книжках подобраны столь тщательно и любовно, что представляют сейчас очень ценный архив, но моя заслуга здесь относительна.

Это плод долголетней работы моего бесценного брата Пьеро и золовки Рины, которые взяли на себя труд годами кропотливо собирать бесчисленное множество документов.

Мне бы хотелось заранее предупредить читателей, что я без всяких претензий хочу рассказать о своей жизни актрисы.

Я никогда не расставалась с дневниками. Они сопровождали меня во всех моих странствиях, я поверяла им все свои мысли и чувства.

Обычно я открываю дневник, когда хочу уточнить или документально подтвердить воспоминание, когда мною внезапно овладевает желание воскресить прошлое и, наконец, в те таинственные минуты, когда в памяти всплывают далекие образы людей, что любили меня и были со мной рядом в опьяняющие мгновения славы.

Это прежде всего мой отец (о нем я постараюсь рассказать как можно подробнее), мой великолепный педагог Барбара Маркизио, незабвенный Тосканини, который с самого начала поверил в меня, Тито Рикорди, Маргерита и Карло Клаузетти, Эрманно Вольф Феррари, маэстро Тальяпьетра, Масканьи, Франко

Паолантонио, мой муж Энцо Де Муро Ломанто и… сотни других.

Легко сказать: «Пиши». Но когда у тебя столько документов, воспоминаний, извлечь сокровенную суть нашей «радостной и ужасной» жизни — задача столь трудная, что она пугает меня не меньше, чем встреча со зрителями на самом ответственном концерте.

И все же я взялась за этот нелегкий труд из уважения к памяти тех, кого уже нет, и из любви к молодежи, умеющей отличить подлинное искусство от бесчисленных подделок нашего времени, к той молодежи, которая упрямо остается верна идеалам романтического искусства, но, сбитая с толку всевозможными современными веяниями и мифами, опасается, что слава итальянской блистательной оперы клонится к закату.

Нередко у меня и у других артистов итальянской оперы конца XIX — начала XX века спрашивают, правда ли все то, что рассказывают об удивительном певческом таланте Патти, Тетраццини, Таманьо, Карузо, Титта Руффо, Шаляпина, Страччари, Бончи, Раизы, Мельба, Джиральдони, Маццолени, Вильоне Боргезе да и о наших современниках — Джильи, Скипа, Галеффи, Аурелиано Пертиле, Монтесанто, Лаури-Вольпи, Надзарено Де Анджелис, Пинца, Флета, Ладзаро, Данизе, Габриэллы Безанцони, Мариано Стабиле, Римини и, наконец… о Тоти Даль Монте.

Да, это правда, что оперный сезон длился почти весь год и даже самые маленькие и глухие провинциальные городки становились свидетелями незабываемых спектаклей.

Да, это правда, что итальянская опера постоянно выезжала в традиционные заграничные турне в Северную и Южную Америку, Африку, Японию, Новую Зеландию, Австралию, на Филиппины, не говоря уже об обязательных гастролях в парижском театре «Гранд-Опера», в Лицее Барселоны, «Штатс-опере» Вены, в Монте-Карло, Лиссабоне, Стокгольме, Осло, Берлине, Будапеште, Цюрихе, Праге, в России.

Да, да, все это правда, сущая правда! Даже теперь, несмотря на то, что времена изменились да и структура театра, так же как и сценические приемы, иные, итальянской опере удается завоевать всеобщее признание, всякий раз, когда ее представляют певцы с хорошей вокальной школой, поющие с присущим нам прежде мастерством.

Однако молодежи, всегда любопытной или скептически настроенной, мне хочется сказать: не всегда путь артиста был усыпан розами, и эта известная истина вполне применима ко многим великим певцам, живущим поныне или же отошедшим в иной, лучший мир.

Чем ослепительней была слава этих артистов, тем трудней, а подчас просто невыносимой становилась их жизнь, требовавшая многих жертв.

С одной стороны, судьбе оперного певца как будто можно позавидовать — деньги, успех, слава, но с другой — строгая сценическая дисциплина, самоограничения, напряженные занятия, неизбежное волнение и постоянный страх, которые мало-помалу подтачивают силы даже наиболее уверенных в себе и одаренных артистов.

Конечно, для бельканто голос — это чудодейственный дар, но в то же время он подобен чрезвычайно хрупкому сосуду, и его надо очень беречь.

Я не обойду молчанием в своих воспоминаниях и мои первые отнюдь не легкие шаги в карьере оперной певицы, карьере, которая все же была счастливой и принесла мне столько радости.

Я постараюсь как можно точнее воссоздать обстановку второразрядных миланских пансионов, где мне пришлось провести первые годы моего, так сказать, артистического «послушания». Комнаты, которые я обычно делила с другой певицей, импровизированные завтраки и обеды, весьма скудные для аппетита двадцатилетних девушек, торопливые постирушки, удручающая бедность гардероба. Но все это не угнетало меня: природный оптимизм и умение приспосабливаться к любым условиям позволяли мне радоваться всякой безделице. Веселая, жизнерадостная, я никогда не желала больше того, что имела, и потому всегда чувствовала себя счастливой. Я не завидовала ни туалетам, ни окружавшей тогдашних великих артистов роскоши, ни их жизни в первоклассных отелях.

Когда я отправилась в Милан, мой «туалет» составляли голубое пальтишко, легкое коричневое платье, широкополая шляпа и пара кожаных сапожек. Сапожки были непомерно высокие, потому что отец боялся, как бы я не простудила ноги, и потом… такая обувь, по его убеждению, не скоро снашивалась.

С каким волнением вспоминаю я теперь о тех десяти лирах, да-да, это не опечатка, именно о десяти лирах, которые я получила по моему первому контракту с «Ла Скала». А контракт был заключен на целых три месяца!

Даже в далекие времена первой мировой войны на десять лир в день, право же, трудно было обернуться.

Уплатишь за пансион, и не успеешь опомниться, как оставшиеся деньги уходят на частные уроки пения, мелкие чаевые, на почтовые марки для посылки писем домой и, наконец, на починку обуви, ведь, шагая каждый день из одного конца Милана в другой, я снашивала немало туфель. А тут еще

парикмахерская Монфорте!

Подумайте только, до моего приезда в Милан я ни разу не переступала порог парикмахерской! При весьма скромных заработках моего отца такая роскошь была просто непозволительна. Здесь же, в небольшой парикмахерской Монфорте, меня научили причесываться и делать маникюр.

В сущности, я страдала куда меньше, чем многие мои менее удачливые коллеги, достойные иной раз лучшей участи. Довольно скоро я добилась успеха, и фортуна ни разу не повернулась ко мне спиной. Но, лишь навсегда распрощавшись с любимым искусством, я поняла, какая огромная работа мною проделана и какую страшную ответственность взвалила я на свои плечи. Бесконечные переезды из страны в страну, из одного театра в другой, долголетняя борьба с убийственной рутиной отнимали столько сил.

Мой добровольный уход со сцены, когда я была еще в завидной форме, не стал для меня причиной горестных переживаний; более того, я даже почувствовала облегчение. Цена моего долгого и безоговорочного успеха была по-истине мучительной.

В довершение всего моя ослепительная карьера «виртуоза» бельканто и прирожденной драматической актрисы отчасти лишила меня тихих семейных радостей, доступных большинству простых смертных. Поэтому я с восторгом отдалась материнским обязанностям, а после замужества моей дочери Мари посвятила себя заботам о внуках.

И все же лет десять назад я не устояла перед неожиданным соблазном вновь вернуться на сцену. Но на этот раз речь шла уже о драматическом театре.

Да, я стала исполнительницей пьес Гольдони вместе с моей дочерью, которую вскоре после ее дебюта критики назвали надеждой венецианского и всего итальянского театра. Впрочем, желание стать драматической актрисой возникло у меня еще в 1937 году под влиянием Ренато Симони, о чем я расскажу позднее.

Драматический театр всегда привлекал меня, даже в годы моих шумных оперных успехов. Вот почему, не приняв пока никаких определенных решений, я часто подумываю о возвращении, хотя бы на короткое время, на сцену.

Тщеславие актрисы? Боязнь забвения? Нет, мне кажется, что главная причина не в этом. Когда вы годами дышите пыльным воздухом сцены, трудно расстаться с этой «тлетворной» атмосферой. Мир сцены — удивительный мир, независимо от того, опера это или драма. Счастлив тот, кто вступает в него во

всеоружии своего таланта.

Мне повезло, и я неустанно благодарю бога и всех тех, кто поддержал меня на бесконечно трудном пути, а также зрителей многих стран мира. Велика моя благодарность и моим божественным покровителям, с детских лет ставшим моими кумирами в музыке: Верди, Беллини, Россини, Доницетти, Масканьи, Пуччини.

Немного позже я расскажу о моей давнишней страсти к оперным либретто и партитурам, которыми буквально был завален маленький кабинет отца. Гиганты итальянской оперы оставили неизгладимый след в моей детской душе, быть может, в этом раннем влечении к музыке было что-то пророческое, и впоследствии юная девушка, полная неудержимого энтузиазма, веры и горения, стала с великим усердием изучать секреты бельканто.

Из всех своих героинь я больше всего любила и люблю восторженно и пылко Джильду и Виолетту. Роль Джильды я исполняла в самом начале своей оперной карьеры, а Виолетты — уже в полном расцвете таланта.

Все величие и совершенство опер Верди, и особенно «Риголетто» с партией Джильды, звучащей необыкновенно свежо и проникновенно, дал мне почувствовать маэстро Тосканини.

«Риголетто» — это величайшее достижение Верди, одинокая и недостижимая звезда на безграничном небосводе оперы.

При одной мысли о роли Джильды, а позднее Виолетты я испытывала священный трепет и спеть главную партию в «Травиате» отважилась лишь после долголетних серьезных и глубоких размышлений.

В партитуре «Травиаты» тоже есть немало бессмертных страниц, на которых Верди сумел проникновенно рассказать о любви и горе.

Романтизм музыки «Травиаты» совершенно лишен ложного пафоса, он приобретает классическую чистоту и прозрачность.

Итак, повторяю, я долго думала, прежде чем решилась спеть Виолетту. Образ любящей и страдающей женщины привлекал и манил меня, но я знала, что мои внешние данные не подходят для этой роли, хотя я и обладала достаточно нежным, лиричным голосом, чтобы передать всю глубину страсти Виолетты, силу ее чувств и, наконец, все безмерное отчаяние и страдания, закончившиеся смертью героини.

Работая над партитурой «Травиаты», я обратилась за помощью не к музыканту, а к великому драматическому актеру Эрмете Цаккони. Это он приободрил меня и благословил на новый, нелегкий труд.

Что касается опер Беллини, то понять их чистейший и возвышенный пафос мне помогла несравненная моя наставница Барбара Маркизио. Настойчиво работая под ее суровым и твердым руководством, я убедилась, что в беллиниевских операх кроме бессмертных арий огромную роль играют речитативы, в которых слова неразрывно связаны с музыкой, рождающейся прямо из глубины сердца.

Истинным чудом стилевой ясности, искренности и простоты безусловно является его «Сомнамбула». В этой опере я пела бесчисленное число раз и всегда предпочитала ее другим.

Амина, простая и честная крестьянская девушка, была моей любимой героиней, и я с неизменным трепетным волнением пыталась в пении передать ее счастье, наивность, бесхитростную любовь и горе.

В последнем акте, когда я спускалась с моста и, начав редкой красоты речитатив, доходила до слов: «Ах! Не гадала тебя здесь встретить…» — я испытывала такое ощущение, словно таинственная сила возносила меня над землей, и всей душой отдавалась пению.

Если Беллини на всю жизнь пленил меня своей чистейшей мелодической волной, поэтически окрылявшей самые простые чувства, Россини околдовал меня бьющей через край живостью, которую можно сравнить с неисчерпаемым каскадом искрометной, безудержной радости. Он был гением веселья. Мне кажется, что и через тысячу лет человечество, как и мы с вами, будет наслаждаться оглушительным, озорным смехом «Севильского цирюльника».

Мне довелось очень часто и с неизменным удовольствием исполнять роль Розины.

Блестящей, дьявольски хитрой, прирожденной актрисой, удивительно женственной, нежной, но еще больше коварной — полной противоположностью Амине — представлялась мне Розина. Мне думается, что я сумела очень по-своему воплотить образ Розины, оставаясь, однако, предельно верной тексту и духу бессмертного творения Россини. Особенно лестно вспомнить, что за исполнение этой роли меня удостоили похвал величайшие певцы того времени.

С Гаэтано Доницетти связаны воспоминания о моих успехах в операх «Лючия ди Ламмермур» и «Дон Паскуале». Лучшие арии в «Лючии ди Ламмермур» Доницетти написал для тенора, но должна признаться, что сцена безумия вместе со знаменитым «рондо», хотя и не принадлежит к самым интересным страницам оперы, не раз приносила мне величайший триумф.

Когда я пела в «Лючии», то часто ловила себя на мысли: как

жаль, что я не могу петь и арии Эдгара!

Конечно, подобные мечты были немного ребяческими и наивными, но они рождались от переполнявших меня чувств.

С огромным старанием, испытывая большую радость, я с первых моих выступлений на сцене пела Норину в опере «Дон Паскуале». К этому изумительному созданию, чей характер так прекрасно передан в музыке, я испытывала живейшую симпатию. Меня всегда привлекал комический жанр, и я сразу же нашла точную интонацию для образа Норины. Вокально партия Норины не особенно трудна, но ее сложность, по-моему, заключается в гармоничном сочетании неподдельного веселья с тонкой иронией.

Приятным воспоминанием осталась для меня и опера «Линда де Шамуни», в которой я пела долгие годы. В этой опере тоже есть сцена безумия, вокально не столь виртуозная, как в «Лючии ди Ламмермур», но более напряженная и драматичная.

О Пьетро Масканьи я впоследствии постараюсь рассказать подробнее. Меня он окружил особым вниманием, всегда относился ко мне, словно к родной дочери, и с первой же встречи угадал в начинающей певице незаурядный талант.

Нам с Хуанитой Караччоло Армани посчастливилось стать первыми исполнительницами партии Лодолетты. Образ трепетной голландки бесконечно волновал меня, особенно в последнем акте, когда она, отчаявшись и потеряв все надежды, умирает среди снежных сугробов. Ария Лодолетты хватает за сердце. Сколько слез заставила она пролить самого Масканьи, дирижировавшего своей оперой уже во время второй мировой войны в нашем последнем незабываемом турне. Волнение старого маэстро передавалось мне и всем исполнителям.

По мере того как будет разматываться нить моих воспоминаний, я постараюсь рассказать подробнее и о Джакомо Пуччини.

Если чудесная мелодичность итальянских опер сохранила все свое очарование и в первой четверти XX века, то заслуга в этом принадлежит именно Пуччини, продолжателю традиций плеяды великих композиторов XIX века, моих первых кумиров, о которых я уже упоминала. Пуччини обладал остро развитым чувством театральности, умел тонко очертить в музыке характер бессмертных героинь своих опер. И в этом его большая заслуга.

Мне доставляло истинное наслаждение слушать «Чио-Чио-Сан» даже в те годы, когда по причинам, о которых расскажу позже, я уже не могла петь в ней ведущую партию. Мой по-детски чистый голос очень подходил к роли нежной, наивной японки, особенно в первом акте. Любовь, материнство, долгое ожидание

превращают робкую, доверчивую Чио-Чио-Сан в умудренную горьким опытом женщину, и Пуччини удалось с предельной искренностью и убедительностью передать все это в своей музыке.

Я остро чувствовала горе Чио-Чио-Сан, и мне нетрудно было его передать. С увлечением исполняла я эту роль, отдавая ей много душевных сил. Каждый раз после представления я испытывала предельную усталость, но роль мадам Баттерфляй позволяла мне со всей полнотой выразить собственные чувства, особенно жажду материнства, что было совершенно невозможно в более легковесных произведениях.

С неизменной благодарностью вспоминаю я и об Умберто Джордано, гениальном авторе «Андре Шенье», оцененном мною в полной мере, когда он специально для меня написал оперу «Король», впервые исполненную на сцене «Ла Скала».

II. Менегель и Даль Монте

Дочь Амилькара Менегеля и Марии Цаккелло, Антониетта Менегель — таково мое полное имя.

Мое артистическое имя «Тоти Даль Монте» не было, выражаясь словами Гольдони, плодом «хитроумной выдумки», а принадлежит мне по праву. Тоти — уменьшительное от Антониетта, так меня ласково называли в семье с раннего детства. Даль Монте — фамилия моей бабушки (с материнской стороны), происходившей из «благородного венецианского рода». Имя «Тоти Даль Монте» я взяла со дня моего дебюта на оперной сцене случайно, под влиянием внезапного импульса.

Произошло это в феврале 1916 года в театре «Ла Скала».

Мне была поручена партия Белоснежки в опере «Франческа да Римини» композитора Цандонай. На одной из последних репетиций маэстро Маринуцци, просматривавший партитуру, вдруг окликнул меня и с добродушной иронией заметил, что Антониетта Менегель звучит как-то слишком провинциально, по-домашнему. Конечно, я вольна сохранить свою фамилию и любоваться ею на многочисленных афишах, но лучше подыскать какую-нибудь наиболее артистичную.

— Знаете, маэстро, — робко сказала я, — в семье меня из-за моего небольшого роста всегда называли Тоти.

— Гм… Тоти — это, пожалуй, лучше, но постарайся придумать также и другую фамилию, а то «Менегель», знаешь, звучит уж очень по-венециански.

Тут меня осенило, что фамилия моей бабушки — Даль Монте; значит, я в известной мере могу считать ее и своей. С того дня я стала для всех Тоти Даль Монте.

В первый момент мне даже в голову не пришло, что скажет или как отнесется к этому отец. Честно говоря, его немного огорчило это сценическое «крещение». Но я уже не могла вновь стать Антониеттой Менегель, хотя никогда не собиралась отказываться от своей фамилии, особенно дорогой моему сердцу, потому что ее носил отец.

Однако вернемся к моей анкете.

Место рождения — Мольяно Венето. Год рождения… Гм… оставим этот вопрос открытым. Родилась в июне месяце, ярким солнечным днем, в один из самых последних годов прошлого столетия. Кто пожелает узнать поточнее, пусть заглянет в мою метрику.

Сейчас Мольяно маленький городок, оживленный, даже шумный; его улицы освещены неоновыми лампами, а на главном

перекрестке стоит светофор. В годы же моего детства это было чистенькое приятное селение, выходившее на большую проезжую дорогу, соединявшую Местре с Тревизо. Мольяно славилось главным образом своими великолепными садами и парками, окружавшими многочисленные чудесные виллы, построенные венецианскими патрициями еще во времена дожей. Эти виллы, разбросанные вдоль дороги Терральо на всем протяжении от района Марокко до Преганциоля, сохранились до сих пор. Но теперь они уже не столь одиноки и безмолвны. Тысячи новых вилл, домиков и даже большущих зданий выросли вокруг за последние тридцать лет, особенно за годы после второй мировой войны.

Несмотря на это, Терральо, дорога, столь милая мне по воспоминаниям детства, остается одной из красивейших в Италии. По ней так же приятно мчаться в машине, как прежде в повозке, или дилижансе, или же на электрическом трамвайчике, ходившем между Тревизо и Сан-Цулианом после первой мировой войны. А от Сан-Цулиана, расположенного у самой лагуны, можно было на пароходике добраться до Венеции.

Мои родители переселились в Мольяно после свадьбы. Оба были учителями начальной школы и поженились в городке Цермон, где преподавала моя мать, происходившая из состоятельной, цивильной, как говорили тогда, семьи, а отец был сыном ткачей, живших в Кастеллетто ди Солигетто.

Родился он в Пьеве ди Солиго и с ранних лет проявил себя удивительно способным мальчиком, очень музыкальным и любознательным. Человек железной воли, отец не захотел мириться с незавидной судьбой простого ремесленника, пусть даже мастера своего дела. Он пожелал учиться и, хотя жил далеко от города Тревизо, сумел получить диплом учителя начальной школы, что было в те времена довольно трудным делом. Ему удалось даже стать музыкантом и, осмелюсь сказать, подлинным музыкантом. Он не раз и подробно рассказывал мне, как это случилось. Первым его учителем был слепой органист, игравший по воскресеньям в сельской церквушке. Однако очень скоро органист уже ничему не мог научить прилежного, удивительно восприимчивого, настойчивого и… донельзя бедного мальчугана. Все же единственный, превзошедший самого учителя ученик не бросил старого органиста. Он продолжал разучивать новые мелодии на стареньком церковном органе и ценой тяжких лишений покупал ноты, партитуры, учебники по композиции… Словом, отец сумел стать не только школьным учителем, но и преподавателем музыки.

Когда отца вместе с мамой перевели на работу в Мольяно, он

получил место дирижера тамошнего оркестра.

Пока маэстро Менегель проводил репетиции с оркестром, старательно переписывал бесчисленные партитуры, сочинял органную музыку, которая затем исполнялась на торжественных мессах в окрестных церквах, нежная и романтичная «синьора Мария» посвящала свободные часы чтению и, кажется, даже сочинению стихов. Она была счастлива в браке. Впрочем, очень скоро у нее появились свои заботы и хлопоты — родилась Антониетта, иначе говоря, Тоти.

Сколько раз я пыталась воскресить в памяти образ моей дорогой матери, которая, увы, умерла, когда я была еще крошкой. С помощью нескольких пожелтевших фотографий я припоминаю задумчивое лицо, тоненькую фигурку в наглухо закрытых простеньких платьях. И тогда в памяти всплывает, как не раз я подвергала тяжкому испытанию терпение мамы своей резвой беготней, постоянным пением и всякими шалостями.

Однажды я умудрилась оторвать несколько пуговиц от ее платья и отправилась играть в «блошки» со своими друзьями, уже шумевшими во дворе.

Когда же я закрываю глаза, погружаясь в воспоминания далекого прошлого, то словно слышу мамин голос, умоляющий служанку увести меня, потому что от моих бесконечных трелей у нее голова кругом идет. Пожалуй, моя страсть к пению, проявившаяся с самых ранних лет, была единственным яблоком раздора между отцом и матерью.

В самом деле, маэстро Менегель ни о чем больше не мечтал, как привить мне свою пламенную любовь к музыке. А синьора Мария хотела видеть дочь благоразумной, смирной девочкой, которая внимательно слушает ее сказки, стишки и прилежно учится вышиванию. Но вот заставить меня посидеть спокойно было весьма нелегкой задачей.

В моих играх, повадках, во всем поведении было что-то предвещавшее мою будущую судьбу, словно уже тогда меня инстинктивно (да-да, это несомненно был инстинкт) влекло к сцене, к театру.

В этой связи помнится случай, происшедший со мной на званом обеде в честь бракосочетания моей тети Ракеле с графом Градениго. На обед были приглашены папа, мама и я. Мне кажется, я и сейчас вижу улыбающиеся лица, нарядные платья, цветы, сверкающую белизну пышного стола, мешочки с конфетами, в форме рога фамильного герба старинного рода Градениго… Вспоминаю смех, веселые шутки, крики «эввива», манящие запахи еды, искрящуюся пену вина. Внезапно, подчиняясь таинственному порыву, девочка встает на стул, смело

взбирается на заставленный подносами, бутылками, тарелками, стаканами, вазами с цветами стол, немного растерянно оглядывается вокруг, подозревая, очевидно, что шалость зашла слишком далеко, собирается с силами и начинает… петь. Да-да, я запела, зазвучали песенки, которым меня с такой любовью и терпением учил отец, преподавший мне и первые уроки игры на фортепьяно. На этом мое туманное воспоминание обрывается. Но нетрудно дополнить его, прибегнув к помощи воображения. Аплодисменты гостей и хозяев, строгие взгляды мамы и еле сдерживаемая радость моего растроганного отца.

Зато я хорошо помню, как разбила в нашей столовой коньячный хрустальный сервиз, настоящую редкость для того времени. Произошло это в тот самый миг, когда я, завернувшись в воображаемую мантию, принялась разыгрывать перед зеркалом одну из своих самых драматических сцен.

И вот снова наплывают воспоминания из далекого-далекого прошлого. Теперь передо мной возникает известный музыкант Амилькар Менегель: он дирижирует популярными воскресными концертами оркестра Мольяно. В котелке на гордо поднятой голове, кругленький и весьма торжественный в своем тесном черном костюме, он с воодушевлением, уверенно взмахивает дирижерской палочкой, а затем с достоинством кланяется бурно аплодирующим зрителям.

Я точно слышу голос матери, которая читает удивительно трогательные страницы из «Сердца»,[1] а я, притихнув, обливаюсь слезами. Я уверена, что и сейчас, если начну перечитывать рассказы Де Амичиса и его книги «Маленький ломбардский разведчик», «Сардинский барабанщик», «Маленький падуанский герой», «Римская кровь», «От Апеннин до Альп», при воспоминании о милой маме у меня снова потекут слезы.

А как можно забыть поездки из Мольяно в Пьеве ди Солиго? Мы с отцом садились в первый поезд, идущий из Мольяно в Сусегана: вагоны третьего класса были старые, скрипучие, слабо освещенные масляными лампами, качавшимися при каждом толчке. И, словно в такт их покачиванию, мы с отцом, прижавшись друг к другу, вполголоса напевали дуэты Мендельсона. Выезжали мы еще затемно и, добравшись до Сусегана, в ожидании, пока приведут в порядок дилижанс, отправлялись в полутемную гостиницу, где за тесно сдвинутыми столами многочисленные посетители пили кофе с молоком из большущих чашек. До сих пор при одном воспоминании о тех временах я ощущаю запах этого суррогатного кофе, которое торжественно подавали на медных подносах с изображением короля и королевы Елены.

В начале этого века мама произвела на свет сына, Пьеро, который стал ее последним ребенком. Родители были безмерно счастливы. Наконец-то родился долгожданный мальчик. Но их радость, увы, длилась недолго.

Мама так и не поднялась с постели. Она заболела послеродовой горячкой и дней через сорок умерла.

Я не помню ее во время долгой агонии. Впоследствии отец рассказывал, что, когда к ней возвращалось сознание, мама хотела меня видеть и все звала меня слабеющим голосом.

Отец, совсем еще молодой, остался с двумя маленькими детьми на руках.

В первые недели траура он сочинил песню и заставил меня ее выучить. Она была примерно такой:

Отец, не надо одежды этой черной.
Ведь цвет ее меня пугает.
Как будто вечером вдруг лампа угасает
И ночь во тьму наш домик погружает.
Нет-нет, одежда эта мне не мила,
Ее, ты помнишь, мама не любила.

Конечно, стихи эти риторичны, незатейливы и не слишком складны, но они хранят аромат больших человеческих чувств, который не заглушить нашему легкомысленному времени.

Мне остается добавить, что благодаря постоянным урокам отца уже в пять лет я знала теорию музыки, сольфеджировала и успешно справлялась с гаммами, играя на фортепьяно. В девять лет отец научил меня петь простейшие романсы Шуберта, Шумана и несложные классические арии других композиторов.

Однако я не собираюсь утверждать, что была вундеркиндом, а лишь с твердой уверенностью хочу сказать, что при всей своей природной одаренности я всецело обязана отцу моим музыкальным развитием.

Конечно, справедливо, что артистами родятся, но столь же справедливо, что ранняя и строго продуманная подготовка совершенно необходима для того, чтобы талант достиг наивысших результатов.

Да, всякое искусство безусловно требует природного таланта и вдохновения, но добиться успеха можно, лишь в совершенстве изучив его и овладев техникой.

III. Пианистка или певица?

После двух лет траура отец женился вторично. Разве легко ему было жить одному с двумя малышами? Ему пришлось бы продать дом и поручить меня и Пьеро заботам бабушки, содержавшей тратторию в Пьеве ди Солиго, или какой-нибудь другой великодушной родственницы.

Позже он не раз рассказывал мне со слезами на глазах, что был не в силах разлучиться с детьми, особенно со мной, уже приносившей ему столько маленьких радостей.

И тогда он вновь женился, если так можно выразиться, в семейном кругу. Он повел под венец юную кузину моей матери, дочь сестры моей бабушки Даль Монте.

Джудитта Прандстраллер, венецианка по происхождению, несмотря на свою тевтонскую фамилию, была женщиной скромной и, так же как мой отец, очень религиозной.

Должна сказать, что для меня и брата она была второй матерью и оставалась неизменно доброй и ласковой с нами и после рождения трех других детей: Эльзы, Лены и Джанантонио. Могу добавить, что сводный брат и сестры стали мне бесконечно родными. Они неизменно радовались моим успехам и относились ко мне, как к любимой старшей сестре. Их дети и внуки все до одного дороги и близки мне.

Обычно я проводила каникулы в Пьеве ди Солиго, у моей бабушки Терезы Менегель, очень приветливой и энергичной хозяйки гостиницы. Дни сельской жизни, постоянные встречи с крестьянами, посетителями бабушкиной траттории, торговцами, возчиками, всегда шумными, веселыми, наделенными неизменным венецианским добродушием, ярко запечатлелись в моей памяти.

Траттория, не знаю уж почему, возможно, в честь знаменитого падуанского кафе, называлась «Аль Педрокки». Иногда мне кажется, будто я ощущаю дразнящий запах кофе, вкус простого деревенского вина, незатейливой деревенской пищи, дымящейся аппетитной поленты.

Эти воспоминания неразрывно связаны с моим домом, моей родной землей. Даже в зените своей славы, в короткие промежутки между путешествиями по всему свету, я никогда не упускала случая побыть несколько дней в Пьеве ди Солиго. В конце концов я построила там виллу, где каждый год провожу лето.

У бабушки Менегель было верное средство удержать меня подле себя: она позволяла мне петь до изнеможения с раннего

утра до позднего вечера и помогать ей в домашних делах.

Мне доставляло огромное удовольствие стирать, гладить, чинить одежду и совать свой нос в кастрюли, полные всякой вкусноты.

Можно смело сказать, что моя концертная деятельность началась именно в траттории Пьеве ди Солиго. Я отличалась редкой неутомимостью, да и посетители не уставали слушать мое пение, громко аплодировали и требовали, чтобы я пела на «бис».

Если бы бабушка не следила за мной в оба глаза, честное слово, я бы не раз напилась допьяна, потому что мои «поклонники» наперебой угощали меня полными стаканами слегка терпкого белого вина, которое вместе со знаменитым местным маслом остается предметом величайшей гордости всей округи.

— Вы что, с ума сошли? — кричала бабушка, стараясь оттащить меня подальше от пирующих.

— Пусть бедная малышка горло промочит. Всего один глоточек.

Но глоточек здесь, глоточек там — и «бедная малышка» непременно очутилась бы под столом.

Утром я вместе с бабушкой подымалась ровно в пять и, встав на скамейку, потому что не доставала до стола, принималась гладить большущие стопки салфеток.

Теперь в семье нас было шестеро, и отец решил, что дом для нас слишком мал и тесен. Кроме того, он во что бы то ни стало хотел дать мне музыкальное образование и начал подумывать о переезде в Венецию.

А пока в ожидании подходящего случая он продолжал заниматься со мной музыкой и пением. Когда его пригласили дирижировать хором в церкви Санта Дона ди Пьеве по случаю установления нового органа, он пожелал, чтобы я тоже приняла участие в торжестве.

И я вместе с хором спела «Аве Мария» Гуно. Я до сих пор живо помню этот второй выпавший на мою долю успех, говорю «второй» потому, что впервые я пела на благотворительном концерте в муниципалитете Пьеве ди Солиго.

Вскоре я поступила в начальную школу, где слыла непоседой, болтуньей, даже озорницей, хотя и была, как говорится, от горшка два вершка.

Не проходило дня, чтобы отец не рассказывал мне о славной истории вокального искусства, не обучал меня музыке и новым романсам.

Иногда он заставал меня в своем кабинете буквально «пожирающей» бесчисленные оперные либретто. Однако мне

почти всегда удавалось спрятать запретный плод под передником, и лишь когда мой «строгий родитель» не извещал о своем приближении обычным покашливанием, я попадалась на месте преступления. В этих случаях приходилось выслушивать бесконечные нравоучения. Я внимала наставлениям отца с самым серьезным видом и давала обещание не притрагиваться больше к его магическим либретто, в душе твердо решив при первом же удобном случае нарушить запрет.

Сказочным миром моего детства был мир итальянской оперы. Моими первыми «классическими» книгами были Франческо Мария Пьяве, Романи, Гисланцони и другие либреттисты, преданные своим богам — Россини, Верди, Доницетти, Беллини; моих голубых принцев звали Манрико, Эльвино, Эдгар, Альфред, Эрнани, Радамес; моими любимыми героинями были Розина, Джильда, Леонора, Виолетта, Лючия, страстные, трагические и патетичные, моими «мучителями» — вспыльчивые, гневные, жестокие басы и баритоны, чаще всего несчастливые в любви.

Подсознательно я уже с детства погрузилась в мир итальянской оперы, впоследствии много лет окружавшей меня на всех театральных подмостках Нового и Старого Света.

* * *

Наступил день, когда волевому и предприимчивому маэстро Амилькару Менегелю наконец удалось перебраться со своей, теперь уже довольно многочисленной, семьей в Венецию.

Чудесный город мгновенно околдовал меня своими чарами, и даже теперь, вдали от него, я испытываю тоску по милой Венеции. Отец получил место учителя в начальной школе Сан Самуэле. Одновременно его назначили дирижером венецианского оркестра «Даниэль Манин», одного из лучших оркестров того времени.

Теперь отец облачился в парадную черную, всю расшитую форму и поистине адмиральский головной убор с белыми перьями. Ну просто на удивление! Несмотря на полноту и небольшой рост, маэстро Менегель умел носить свой новый костюм с достоинством и непринужденностью. Аккуратно расчесанные и слегка надушенные каштановые усы, выразительные, а когда надо, и строгие глаза, мягкие, правильные черты лица — все это в немалой степени способствовало укреплению престижа синьора дирижера и концертмейстера оркестра.

Впрочем, отец выглядел очень импозантно и вне службы, в своем обычном партикулярном платье. Котелок он носил слегка

набекрень, а летом не расставался с неизменной панамой.

Он прекрасно говорил, пересыпая свою речь яркими, самобытными оборотами, любил общество людей интеллигентных, артистов, знатных лиц, но при этом сам был демократичен, сердечен и благожелателен ко всем. Энергичный, а при необходимости и требовательный, он умел быть очень душевным и непосредственным, особенно в кругу семьи. Он инстинктивно ненавидел все, что отдавало ложью, мистификацией, трюком. Нам, детям, он прощал любые шалости, но приходил буквально в ярость, если ему случалось уличить нас в обмане, что, впрочем, бывало довольно редко, ведь мы росли в страхе перед всякой ложью. Человек глубоко верующий, ревностный католик, отец бдительно, следил за нашим религиозным воспитанием, не впадая, однако, в ханжество.

В Венеции мы поселились в красивом здании вблизи Сан Тровазо, что неподалеку от Сан Барнаба.

Наш образ жизни был скромным, обычным для семьи мелких буржуа. Маэстро Менегель и синьора Джудитта были людьми простыми, без всяких капризов и затей. Поэтому сравнительно небольшого заработка отца хватало на то, чтобы без особых забот содержать семью. Правда, в те времена потребности людей были куда более скромными, чем сейчас. Большинство удовлетворялось тем, что честно зарабатывали, легко мирились с необходимостью экономить и жить скромно, без чрезмерных претензий и несбыточных надежд. Жизнь Венеции была тогда примерно такой, какой рисует ее в своих превосходных комедиях Джачинто Галлини.

Несмотря на довольно скудный семейный бюджет, отцу все же удавалось иногда сводить нас в театр.

Незабываемое впечатление произвели на меня две первые оперы, которые я увидела в театре «Фениче»: «Сельская честь» и «Паяцы». Кто бы мог подумать, что через несколько лет я буду петь партию страстной Недды в опере Леонкавалло и исполнять в миланском «Ла Скала» роль Лолы в спектакле, которым будет дирижировать сам Масканьи!

В дни семейных праздников или каких-либо торжеств отец иной раз водил всю семью ужинать или обедать в один из приличных ресторанов, чаще всего в старинный Буонвеккьяти, угощая нас удивительно вкусными блюдами. Маэстро Менегель умело и экономно распоряжался своим небольшим жалованьем, но, когда ему хотелось побаловать жену и детей, никаких трудностей для него не существовало.

Ближайшими друзьями отца в Венеции были известный художник Ноно и его жена, талантливая пианистка и камерная

певица. Отец, понятно, не преминул похвастаться перед ними удивительными успехами своей дочки в музыке. Друзья захотели познакомиться со мной и послушать мое пение. Они стали убеждать отца не мешать моему призванию. Но добряк маэстро Менегель не нуждался ни в каких уговорах. Он и сам твердо решил дать мне настоящее музыкальное образование. Вот только не знал, учить ли меня игре на фортепьяно или пению. Однако для серьезных занятий пением я была еще слишком мала.

IV. Вольф-Феррари и Тальяпьетра

Решение обучать меня игре на фортепьяно отец принял незадолго до переезда в Венецию.

Он хотел, чтобы я попала в консерваторию Бенедетто Марчелло, которая по сей день слывет одной из лучших в Италии. В то время консерваторию возглавлял самый венецианский из всех композиторов первой половины XX века, Эрманно Вольф Феррари, автор «Четырех деспотов», «Кампуэлло», «Лукавой вдовы», «Ожерелья мадонны», «Секрета Сюзанны». Своим мелодическим богатством он сродни классическим венецианским композиторам славного для Венеции XVIII века. В его музыке ощущается ритм неторопливых взмахов весла, плавно скользящих, изящных гондол, эхо журчащих ручьев, шепот волны в лагуне и прозрачность венецианского неба.

Попасть в эту консерваторию было отнюдь нелегко — очень мало вакантных мест и весьма много желающих. Рассчитывать на влиятельных друзей не приходилось.

К обучению в консерватории допускались лишь те, кто успешно выдержит экзамены по теории музыки, сольфеджио и хорошо сыграет несколько сонатин перед комиссией грозных педагогов. Надо сказать, что в те времена не существовало так называемой протекции.

Полный уверенности в моих способностях и в беспристрастности приемной комиссии, отец выполнил необходимые формальности, и в одно ясное сентябрьское утро мы отправились поездом из Мольяно в Венецию. Я была в новой голубой матроске и черных лаковых туфельках, на голове торчал огромный бант, а шею украшало довольно безвкусное ожерелье. Мне казалось, что вся комиссия любуется моими новыми блестящими туфельками.

А в зале ожидания я так старалась выставить напоказ мои туфельки, что даже не слушала наставлений и увещеваний отца.

Но когда в зале прозвучало мое имя, мною овладел панический страх, лишь тут я поняла, какое меня ожидает испытание. Я поспешно схватила папку с нотами и бросилась к массивной двери, мгновенно забыв о чудесном новом платьице и лакированных туфельках.

Войдя в зал, где происходили испытания, я очутилась перед комиссией суровых профессоров и встала, робко потупив глаза.

Наконец я положила на пюпитр ноты и стала прилаживать табурет, слишком низкий для меня. Возможно, ноты лежали с краю, возможно, я нечаянно толкнула инструмент, но только все

мое добро очутилось на полу.

Маэстро Вольф Феррари встал, желая мне помочь, и тут ему бросилось в глаза, что кроме пьес для фортепьяно я принесла немало арий Шуберта и Шумана.

— Ты что же, пришла обучаться фортепьяно или пению? — спросил он.

— Фортепьяно, — застенчиво ответила я, — но папа учит меня и петь.

— Коль так, — сказал Вольф Феррари, — давай попоем.

Он сел за фортепьяно, выбрал одну из арий, и я запела.

Маэстро, видимо, был доволен; я осмелела и пела одну арию за другой.

Наконец маэстро встал и сказал:

— Хорошо, иди, иди, хватит. Сонатину Клементи разучишь в классе. Скажи своему отцу что ты принята.

Я выбежала из зала, сияющая от счастья, но, честно говоря, немного удивленная — мне казалось, что я не заслужила высокой оценки. Ведь я только пела.

Отец вначале не поверил мне, а потом растрогался и крепко обнял. Мне пришлось несколько раз повторить слова директора консерватории, пока он окончательно не убедился в моем успехе.

На следующий день мы получили официальное извещение о принятии меня в класс фортепьяно, и месяц спустя, уже переехав в Венецию, я стала ученицей консерватории. Моим первым педагогом был знаменитый Джарда, отец органиста Гоффредо, а затем я перешла в класс маэстро Тальяпьетры, ученика Бузони. Мне хотелось бы написать как можно больше добрых слов о Тальяпьетре, музыканте редкой интуиции, прекрасном композиторе и подлинном виртуозе игры на фортепьяно.

Грузный, хмурый с виду, с гривой косматых волос, Тальяпьетра был человеком великодушным, душевным, тонко чувствующим, подлинным артистом.

В течение пяти лет я с огромной пользой для себя занималась у него в классе. Я была прилежной, старательной, толковой ученицей, не уставала заниматься в консерватории и дома под контролем отца, который следил за моими успехами пианистки и певицы, стараясь также поднять мой общий культурный уровень. Необходимо было пополнить мои знания, довольно скромные после учебы в начальной школе.

Но все же главной целью отца да и моей оставалось пение, хотя я очень увлекалась и игрой на фортепьяно, твердо решив получить диплом пианистки. Но когда я готовилась на шестом курсе к экзаменам и играла с утра до вечера, стараясь в совершенстве отработать технику, что было нелегко с моими

слишком короткими руками, я однажды ощутила острую боль в большом пальце правой руки. На следующий день я вновь села за фортепьяно, но боль становилась все сильнее. Пришлось прервать занятия. Не на шутку испугавшись, я рассказала обо всем отцу, он тоже забеспокоился, но всячески старался меня утешить. Наутро он повел меня к врачу, и… как это ни печально, оказался разрыв сухожилия.

Врач предписал мне длительный отдых, и, сколько я ни плакала, ни отчаивалась, экзамены в этот год мне сдавать уже не пришлось.

— Не огорчайся так, — повторял отец, — неделька, другая отдыха тебе не повредит. Что страшного, если ты и потеряешь год? Будешь больше заниматься пением.

У отца было много друзей и среди них торговец музыкальными инструментами синьор Фьори. Этот Фьори был знаком со знаменитой Барбарой Маркизио, которая давно уже жила на своей прекрасной вилле в Мира, на берегу реки Бренты, продолжая, однако, преподавать пение в консерватории Неаполя. Барбара Маркизио и ее сестра Карлотта — обе превосходные певицы. Первая обладала красивым контральто, вторая — сопрано. Они были любимицами Россини в годы его пребывания в Париже. Сестры пользовались мировой известностью и познали истинную славу. Реликвии, напоминающие об их искусстве, по сей день хранятся в музее «Ла Скала».

Карлотта Маркизио умерла молодой, и Барбара, глубоко переживая эту утрату, не пожелала больше выступать на сцене.

Когда я впервые увидела Барбару Маркизио, передо мной воскресла благородная синьора XIX века, чудесным образом появившаяся в XX-м. Одевалась она очень просто, по старинной моде: узкая в талии юбка, скромная блузка с вышитыми широкими рукавами и кружевным воротничком. Барбара Маркизио была очень доброй, молчаливой; глаза ее, глядевшие спокойно и дружелюбно, несколько смягчали резкие черты лица.

Мягкая, но сдержанная по характеру, она умела держать вас на почтительном расстоянии и в то же время внушала доверие и симпатию. Гостиная и кабинет изумительной виллы в Мира хранили немало следов ее былой славы.

В годы ее артистической карьеры Барбаре Маркизио посчастливилось встречаться не только с Россини, но и с другими величайшими композиторами и певцами Европы того времени; она была знакома с королями и принцами, и все единодушно признавали ее королевой бельканто.

Жила она вместе с Эммой Горин, своей близкой подругой, женщиной тонкого ума и редкого чувства прекрасного.

Встреча с Барбарой Маркизио оказалась для меня решающей.

V. Барбара Маркизио

Итак, однажды отец, синьор Фьори и я отправились на виллу в Мира. Для меня это было особым событием — предстояла встреча с Барбарой Маркизио и поистине сказочное путешествие. Ведь я никуда не выезжала из Венеции, кроме как в Пьеве ди Солиго. От Венеции до Фузины мы плыли на пароходике, а затем трамваем отправились из Фузины в Мира.

Тут мне впервые открылись прелестнейшие места моего чудесного края, берега Бренты, где высились старинные виллы. Меня поразило название одной из них — «Malcontenta» («Недовольная»). Мне объяснили, почему эту виллу назвали так. Когда-то в ней была заточена знатная венецианская дама, уличенная в неверности мужу.

В наши дни, когда понятия верности и неверности изрядно изменились, «романтическому приключению» никто не придал бы особого значения, но тогда проступок «грешницы», обреченной проводить свои дни в печальном одиночестве, дал необычное имя даже расположенной по соседству с виллой деревушке. До сих пор деревня называется Недовольная.

Вилла Барбары Маркизио была выстроена в стиле XVIII века и окружена роскошным садом со множеством цветов и статуй, как это принято у итальянцев.

Когда мы подошли к вилле, сторож открыл массивные железные ворота и повел нас по длинной полутемной аллее, по сторонам густо заросшей цветами, которых я почти не видела, но ощущала легкое головокружение от их дурманящего аромата.

Наконец мы вошли в огромный зал, который показался мне волшебным дворцом. На стенах под стеклянными витринами хранились реликвии, говорившие о всемирном признании, которое получило искусство этой прославленной певицы.

Мантильи, веера, золотые кубки, диадемы, медали, драгоценные книги с автографами величайших знаменитостей, скульптуры оперных персонажей, воплощенных на сцене выдающейся артисткой, и тысячи других редкостных вещей.

Я совершенно терялась среди этого артистического великолепия, приводившего меня в священный трепет. Но вот отворилась дверь, и на пороге появилась тоненькая фигурка седовласой женщины с необыкновенно добрыми голубыми глазами. Она поздоровалась с моим отцом и с синьором Фьори, протянула даже мне руку и пригласила сесть. Ее интересовало буквально все: где я училась раньше и учусь ли теперь, каковы мои мечты и планы. Папа подробно отвечал на все ее вопросы.

Некоторое время синьора молча, слегка улыбаясь, глядела на меня. Вероятно, ее забавлял вид совсем маленькой девчушки, которая зачарованно уставилась ей в лицо широко раскрытыми глазами, полными веры и великой надежды.

Наконец она заговорила, горячо и страстно. Прежде всего она предупредила, что бельканто требует жертв, иногда на протяжении всей жизни (то же самое я постоянно твержу своим ученикам) и, чтобы научиться петь, надо много не только настойчивости, но и умения мыслить. Потом добавила, что поспешностью тут можно только повредить делу, что профессия оперного певца или певицы одна из самых тяжелых и сложных и нужно быть готовым к самым горестным разочарованиям.

Я слушала ее с величайшим вниманием. Все, что синьора Маркизио произносила своим немного глухим, спокойным и гармоничным голосом, было для меня неоспоримой истиной, не допускающей возражений.

Отец тоже внимал ее словам с восхищением, изредка робко кивая головой в знак согласия. Затем синьора встала и медленно направилась к фортепьяно. Села, откинула крышку и поставила на пюпитр ноты двух сторнелей Бацини, которые я принесла с собой.

Я была страшно взволнована, сердце у меня бешено колотилось, к горлу подступал ком. Постепенно я немного успокоилась и взяла себя в руки. Доверяясь своей музыкальной интуиции, я запела довольно свободно.

Когда я закончила сторнели, наступила тишина. Не высказав своего мнения, Барбара Маркизио спросила, что бы мне хотелось еще спеть. Я без колебаний ответила: «Из „Фауста“… арию с жемчугом… Но только разрешите мне, синьора, не брать в конце чистое „си“, потому что я не смогу».

Синьора Барбара сняла с полки ноты, открыла их и заиграла вступление. Я собралась с духом, зажмурила на мгновение глаза и запела. Когда я закончила арию, обойдя, понятно, подводный камень в виде чистого «си», непревзойденная россиниевская Золушка с минуту молчала, затем поднялась и сказала просто, неторопливо:

— Да, голос у тебя есть, он приятного тембра, но… небольшой. Тебе придется много работать, моя дорогая città. Кроме голоса у тебя есть, к счастью, темперамент, ты уже умеешь петь, придавать голосу нужную окраску, смеяться… как настоящая артистка.

Это пьемонтское «cita» (малышка) Барбара Маркизио произнесла ласково и неизменно называла меня так все время, пока я училась у нее.

Одобрение синьоры Маркизио бесконечно растрогало меня. Нечего и говорить, что я не смогла сдержать слезы и бросилась целовать руку великой певицы. Должна сказать, что я всецело обязана Барбаре Маркизио, ибо под ее руководством я сформировалась как артистка.

Отец и синьор Фьори тоже были растроганы. Отец сказал, что готов на любые жертвы, хотя его жалованье преподавателя довольно скромно. Но Барбара Маркизио прервала его, объявив, что будет учить меня бесплатно. Она столь твердо сказала о своем благородном решении, что больше об этом разговор уже не возникал. Однако она поставила непременным условием величайшее прилежание и рвение в учебе с моей стороны и беспрекословное повиновение. Она запретила мне продолжать занятия по игре на фортепьяно, объяснив, что это утяжелит мое дыхание, а значит, повредит пению. Потом добавила, что мне следует отдохнуть несколько месяцев и перестать петь до будущей весны. А уж весной, вернувшись из Неаполя, где она собиралась последний год давать уроки в консерватории, она начнет заниматься со мной.

Свой вынужденный отдых я провела в нетерпеливом, трепетном ожидании, часами изучая музыку, итальянский язык, историю искусства.

Наконец пришла долгожданная весна, и я стала три раза в неделю ездить на виллу в Мира. Я садилась на пароходик, полная надежд и мечтаний, и в своем энтузиазме готова была петь тут же на палубе.

Возвращаясь с занятий, я до того была поглощена волшебным миром звуков, открывшимся передо мной, что не замечала ни сияния солнца, ни иссиня-черной лагуны, когда надвигалась буря.

На пристани меня всегда поджидал отец, молча вопрошавший взглядом: как прошел урок?

Барбара Маркизио! Она с бесконечной любовью учила меня правильной эмиссии звука, четкой фразировке, речитативам, художественному воплощению образа, вокальной технике, не знающей трудностей при любых пассажах. Но сколько пришлось петь гамм, арпеджио, легато и стаккато, добиваясь совершенства исполнения!

Полутоновые гаммы были любимым средством обучения Барбары Маркизио. Она заставляла меня на одном дыхании брать две октавы вниз и вверх. На уроках она была всегда спокойной, терпеливой, объясняла все просто и убедительно и очень редко прибегала к сердитым выговорам.

Но кто приводил меня иной раз в отчаяние, так это Эмма Горин, неизменно присутствовавшая на занятиях. Своими

упреками она иногда доводила меня до слез. Женщина весьма странная, властная и капризная, она без конца курила сигары, а после уроков провожала меня до остановки трамвая. И по дороге, в зависимости от исхода занятий и своего капризного настроения, то хвалила меня, то ругала. Часто она повторяла в сердцах:

— Бесполезно с тобой возиться! Ты ни рыба ни мясо. Синьора хочет сделать из тебя легкое сопрано, а тебе, похоже, нравится огорчать ее. Ты, видно, хочешь стать драматическим сопрано. Думаешь, мы не заметили?

Это было неправдой, я спорила со слезами на глазах, не в силах выносить постоянные упреки синьоры Эммы.

Впрочем, я убеждена, что ругала она меня не со зла: она просто хотела направить меня строго по пути, начертанному Барбарой Маркизио.

Вернувшись домой, я, понятно, изливала отцу свои обиды, и он, всегда ласковый и спокойный, утешал меня. Отец был непоколебимо уверен в моем успехе. Следуя советам моей наставницы, он каждый день заставлял меня съедать кровяной бифштекс, хотя это и отражалось на нашем скромном семейном бюджете. Всем известно, что певцы должны хорошо питаться, если хотят быть в должной форме и сохранить крепкое дыхание и голос. Бифштекс остается неотъемлемой частью рациона певца, и бессмысленно заменять его разными современными витаминами.

Моя наставница научила меня четкой фразировке, уверенному исполнению арпеджио, гибкости в вокализах, выразительному, полному чувства пению.

Священные каноны бельканто были мне преподаны Барбарой Маркизио с поистине монашеским терпением и с непоколебимой верой в мои силы. Ей я обязана моим стилем пения, который хвалили музыкальные критики всего мира.

Природный артистический темперамент и способность к перевоплощению довершили мое формирование певицы.

У Барбары Маркизио в Мира была еще одна ученица, Роза Райза. Когда я начала заниматься, Роза Райза была уже великолепным сопрано и вскоре с огромным успехом дебютировала на сцене. Русская еврейка, высокая, темноволосая, она отличалась умом и красотой. Будущая блестящая исполнительница Нормы Роза Райза сразу же выказала мне свою дружбу и симпатию. Как человек экспансивный и доверчивый, я, понятно, сразу ответила ей тем же.

Кто мог тогда знать, что я вместе с Райзой буду дебютировать на сцене «Ла Скала»?

С Барбарой Маркизио связаны мои воспоминания и о чудесных цветах ее сада. Желтая акация, жасмин, розы, анемоны,

которые Эмма Горин осторожно срезала и дарила мне после особенно удачных занятий, были для меня самой желанной наградой, и отец, видя, что я возвращаюсь с цветами, безмерно радовался этому доказательству моих новых успехов.

VI. Птичка должна летать

После нескольких месяцев занятий Барбара Маркизио объявила, что переезжает в Рим, где собирается провести зиму, и посоветовала мне последовать за ней в столицу. Там она будет продолжать регулярно заниматься со мной все так же бесплатно. Я не знала, как сообщить об этой новости отцу, у меня просто не хватало смелости поговорить с ним. Ведь речь шла о немалых расходах на дорогу и на мое содержание вдали от дома.

Наконец я собралась с духом. Не знаю уж как, но мой дорогой папочка все устроил. Он подыскал для меня в Риме скромный пансион и однажды вечером отвез меня на станцию, поручив заботам Барбары Маркизио и Эммы Горин.

Прощание с отцом было очень трогательным и взволновало нас обоих. Меня и его обуревали два противоположных чувства — ему было горько расставаться со мной, хоть он знал, что это необходимо для продолжения моей учебы, мне тоже разлука была тяжела, но уж очень хотелось увидеть Рим.

Впервые в жизни я отправлялась в столь далекое путешествие.

Едва поезд тронулся, я залилась горючими слезами, а затем забилась в уголок и предалась своим радужным мечтам.

Прибыв в Рим, я проводила Барбару Маркизио и Эмму Горин до их дома на виа Баббуино и в том же экипаже добралась до моего нового жилища, расположенного возле Пантеона. Хозяйка пансиона встретила меня довольно неприветливо, она предупредила, что ее жильцы все люди степенные и она не потерпит никаких вольностей. Очень скоро я обнаружила, что в доме царит ханжество. Почти все обитатели пансиона были приезжими священниками.

Я почувствовала себя как-то неуютно, и не столько из-за соседства священников, сколько из-за гнетущей, мрачной атмосферы нашего пансиона.

Такое уныние и тоска охватили меня, что я немедля приняла решение поскорее выбраться оттуда. В самом деле, как я могла спокойно заниматься и петь бесконечные вокализы? Ведь каждую минуту мне могли помешать: дверь моей комнаты не запиралась даже изнутри. Под тем предлогом, что мне надо купить в лавке почтовые марки, я вышла на улицу и словчилась даже найти дорогу от Пантеона до площади Испании.

Барбара Маркизио, увидев меня, сразу поняла по моему возбужденному виду, что случилось что-то неладное. Узнав, в чем дело, она совсем не рассердилась и не стала меня бранить, а тут

же подыскала мне другой пансион. Я поселилась у сестер Пачифико, на соседней виа Кроче.

Сестры Пачифико оказались на редкость приятными людьми, комната была уютной, и в ней стояло фортепьяно.

Мои новые хозяйки увлекались музыкой, искусством, литературой.

Облегченно вздохнув, я сразу же принялась устраиваться, а оставшиеся часы первого дня своей жизни в Риме решила посвятить благотворному сну. Уже на следующее утро начались занятия. Моя преподавательница сама приходила в дом к сестрам Пачифико, хотя жили они на четвертом этаже, а лифт работал не каждый день. Страстная жажда побольше узнать заставляла меня заниматься с огромным увлечением и старанием. Иногда после уроков синьора Маркизио брала меня с собой на прогулку по городу. Конечно, в те времена Рим не был похож на современную шумную столицу, но после тихой, спокойной Венеции он показался мне городом с поистине бурным ритмом жизни.

В доме сестер Пачифико собирались молодые музыканты, которые часто забавы ради вторили моим песням и вокализам. Однажды эти весельчаки сыграли со мной апрельскую шутку. Взяли да выдумали, что у церкви Сан Паоло меня ждет какое-то весьма важное лицо, желающее меня прослушать.

Сгорая от волнения и надежды, я помчалась на место встречи, захватив множество партитур, и, подойдя к церкви, стала поджидать «важное лицо», но из-за колонн внезапно выскочили эти обманщики, включая сестер Пачифико, и с шумом и хохотом окружили меня, довольные, что я попалась на удочку. В первый момент я, правда, очень обиделась и чуть не заплакала, но быстро отошла и стала смеяться вместе со всеми.

Весной Барбара Маркизио вернулась на виллу в Мира, и я возобновила свои поездки туда. Так как за несколько лет я сделала большие успехи, Барбара Маркизио от тщательных занятий по вокальной технике перешла к изучению партитур. Я начала разучивать партии в операх, которые затем целые тридцать лет составляли мой репертуар: «Сомнамбула», «Дон Паскуале», «Севильский цирюльник», «Любовный напиток», «Риголетто», «Искатели жемчуга».

Зимой 1914/15 года синьора Маркизио решила не ехать в Рим. Италия стояла на пороге войны, и обстановка была тревожной.

Однако синьора Маркизио сочла необходимым покинуть Мира и перебралась в городок Монтегротто. Там она поселилась в гостинице «Терме», разумеется, вместе с неразлучной Эммой Горин.

Постоянные поездки в Монтегротто были бы для меня затруднительными, но моя наставница еще раз показала, как она добра и великодушна, поселив меня в той же гостинице «Терме», Там мне жилось очень хорошо, было уютно, а главное — тепло.

Впервые я жила в настоящей гостинице и чувствовала себя в эти счастливые деньки почти как Арлекин в роли принца.

Однажды, когда мы гуляли по Эуганейским холмам, синьора Маркизио ласково обратилась ко мне:

— Моя дорогая малышка, что же мы будем делать дальше? По-моему, ты вполне готова… птичка должна вскоре расправить крылья! Не бойся, маленькая, я издали буду руководить тобой, поручу заботам моей любимой Маргериты, которая отлично заменит меня.

Я была ошеломлена и не находила слов, не знала, смеяться мне или плакать. Наконец я пролепетала что-то, посмотрела в лицо своей дорогой наставнице, подступившие к горлу слезы неудержимо хлынули из глаз, и я с плачем обняла ее.

После Монтегротто я целый месяц безвыездно пробыла на вилле синьоры Маркизио в Мира, а следующим летом уже пела на благотворительном концерте в чудесном зале виллы Фоскари.

Публика собралась самая изысканная; многие знатоки специально приехали из Венеции, чтобы послушать и увидеть, чему научила меня Барбара Маркизио.

Среди присутствующих, конечно, был и мой отец, вначале дрожащий от волнения, но бесконечно счастливый после концерта.

Для меня этот концерт вылился, осмелюсь сказать, в опьяняющий успех, достигший своего апогея, когда я исполнила каватину из «Севильского цирюльника» и вместе с тенором Макнец дуэт из «Дон Паскуале».

В сентябре Барбара Маркизио, дав последние напутствия, проводила меня в Милан. Она направила меня к своей любимой племяннице Маргерите, дочери ее сестры Карлотты Маркизио. Маргерита незадолго до этого вышла замуж за Карло Клаузетти, директора известного музыкального агентства «Рикорди». Благодаря этому я могла с полным основанием считать себя «в надежных руках».

VII. Упадешь на сцене — жди удачи

Маргерита, дочь Карлотты Маркизио и художника Косселли, в детстве оставшись сиротой, нашла приют в доме тетки, где и прожила, окруженная любовью и заботой вплоть до своего счастливого замужества. Умная, добрая, красивая, находчивая, наделенная высокими душевными качествами, Маргерита была типичной венецианкой. Ко мне она всегда относилась с нежностью, и ее советы и наставления были для меня многие годы путеводной звездой.

Карло Клаузетти, муж Маргериты, возглавлял в то время крупное музыкальное агентство «Рикорди». Неаполитанец по происхождению, элегантный, настоящий синьор по манерам и поведению, музыкант в подлинном смысле слова, он был человеком замкнутым. Его единственной страстью был театр, оперный театр, и он жил только ради него. Глубокая дружба связывала Клаузетти с Джакомо Пуччини и другими крупными композиторами того времени. В музыкальных и театральных кругах Милана Карло Клаузетти несомненно был признанным авторитетом.

Синьора Клаузетти, можно без преувеличения сказать, заменила мне мать. Благодаря рекомендации Барбары Маркизио она встретила меня очень радушно и с первых дней моей жизни в Милане поддерживала добрыми советами. Помню, я впервые предстала перед ней в дешевеньком платьице, выглядевшем, однако, довольно претенциозно из-за нелепо торчащего воротничка, в узеньком пальто и высоких кожаных сапожках.

Было это в октябре, шел уже не первый месяц войны, станции и составы, особенно в районе Венето, были битком набиты солдатами. Несмотря на военную атмосферу, в Милане, в отличие от Венеции, на долю которой выпали тогда наиболее тяжкие испытания, жизнь кипела по-прежнему.

Прибыв в Милан, я поселилась у тетушки Рины Сачердоти, которая вместе со своим мужем Марко жила на окраинной улице Пиолти де Бьянки.

Маргерита Клаузетти тут же постаралась устроить мне пробу. Вначале я спела перед маэстро Винья, но нужно было добраться до верхов, попасть к музыкальным богам «Ла Скала».

Благодаря все той же Маргерите Клаузетти меня согласились послушать Маринуцци, Паницца и Туллио Серафин. Как не помянуть добром этих крупных музыкантов, которые помогли мне сделать первые шаги и затем утвердиться в оперном мире. Наконец я переступила порог и агентства «Рикорди». Невозможно

описать, с каким ужасом я ждала встречи с синьором Тито Рикорди, который представлялся мне неумолимым тираном. И вот в январе 1916 года со мной впервые был подписан контракт! Я чуть не сошла с ума от счастья. Контракт на целых три месяца! С театром «Ла Скала»! Десять лир в день! Я пела, танцевала, смеялась, плакала — словом, буквально обезумела от радости!

Я уже говорила, что на десять лир и в те времена особенно разгуляться нельзя было. Они приблизительно соответствовали нынешним пяти-шести тысячам лир. Интересно знать, кто из первоклассных певцов согласился бы в наши дни выступать за столь мизерное вознаграждение. Правда, сейчас тон задают знаменитые исполнители эстрадных песенок, которые требуют за свои концерты баснословные деньги.

Для моего дебюта в «Ла Скала» мне была поручена партия Белоснежки в новой опере композитора Цандонай — «Франческа да Римини». Роль эта была не главной, но довольно трудной, ведь предстояло петь с хором и исполнить сложный дуэт с Франческой.

Наконец-то я на подмостках величайшего в мире оперного театра! В моем безмерном счастье мне представлялось, что опера написана только для меня.

Моими партнерами были Роза Райза, которая встретила меня с искренней симпатией, знаменитый тенор Аурелиано Пертиле, баритон Денизе, Ванда Феррарио в роли самаритянки и другие превосходные артисты. Дирижером и концертмейстером был Джино Маринуцци, достигший расцвета своей славы.

Зима была очень суровой, но я являлась на репетиции минута в минуту, чем обязана нашему Пизоне. Этот Пизоне уже целых сорок лет был своего рода знаменитостью театра. Грузный и весьма живописный Пизоне служил возчиком в «Ла Скала» и пользовался большой популярностью среди артистов. Он правил каретой, запряженной парой лошадей, предоставленной дирекцией театра в распоряжение певцов, дабы они, надежно защищенные от непогоды, без опоздания прибывали на репетиции и спектакли. Так как я жила на самой окраине, Пизоне приходилось выезжать заранее и сильно удлинять свой маршрут.

Подъехав к моему дому, он сигналил рожком и неизменно ворчал:

— Угораздило же вас поселиться у черта на куличках, — когда в центре квартир и гостиниц не оберешься. Ну поторопитесь, мы и так опаздываем.

На репетициях «Франчески да Римини» я очень огорчалась тем, что вездесущий Тито Рикорди, весьма внимательный, энергичный, властный, словно вовсе не замечал меня и не

удостаивал мою персону ни единым взглядом. Я чувствовала себя униженной и поделилась своей обидой с синьорой Клаузетти. Милая Маргерита стала уговаривать меня не расстраиваться из-за такого пустяка. Но после моих настойчивых просьб однажды заговорила об этом с «тираном». Тито Рикорди лишь пожал плечами и с грубоватой простотой сказал, показав на меня рукой:

— Так ведь она рождена для сцены.

Я сразу успокоилась.

И вот настал день премьеры. На сцене и в артистических уборных царило лихорадочное возбуждение. Элегантная публика, заполнившая все места в зрительном зале, с нетерпением ждала, когда поднимется занавес; маэстро Маринуцци подбадривал певцов, которые нервничали и очень волновались. А я, я… ничего не видела и не слышала вокруг; в белом платье, белокуром парике… загримированная с помощью моих партнеров, я казалась себе воплощением прекрасного.

Наконец мы вышли на сцену; я была самой маленькой из всех. Смотрю широко раскрытыми глазами в темную пропасть зала, вступаю в нужный момент, но мне кажется, что голос не мой. Да к тому же подвела неприятная неожиданность.

Взбегая вместе со служанками по ступенькам дворца, я запуталась в своем слишком длинном платье и упала, сильно ударившись коленом. Я ощутила острую боль, но тут же вскочила. «Может, никто ничего и не заметил?» Я приободрилась, а тут, слава богу, и акт кончился.

Когда смолкли аплодисменты и актеры перестали выходить на «бис», мои партнеры окружили меня и стали утешать. Из глаз у меня готовы были брызнуть слезы, и казалось, что я самая несчастная женщина на свете.

Ванда Феррарио подходит ко мне и говорит:

— Не плачь, Тоти… Запомни… Упала на премьере — значит, жди удачи!

Маринуцци делает вид, что вообще ничего не заметил. Проходя мимо, он улыбается мне. Улыбается и Пертиле.

«Ну, в сущности же, ничего страшного не произошло, просто пустяковый случай. Все, кроме меня, давно уже и думать о нем забыли. Просто впредь надо быть осторожнее и внимательнее».

Я на собственном горьком опыте убедилась, как много ловушек и случайностей подстерегает нас на сцене. Но на этом неприятности не кончились. В четвертом акте новый сюрприз. Из-за маленького роста мне не удалось зажечь лампаду от светильника Франчески. Роза Райза, заметив, что я растерялась, улыбнулась мне и кивком головы велела уйти со сцены.

Так невольно условный сценический жест на миг обрел

подлинный, реальный смысл.

Постановка «Франчески да Римини» на сцене «Ла Скала» явилась незабываемым событием в музыкальной жизни. Газеты пестрели восторженными отзывами о спектакле.

По газетным вырезкам, хранящимся в моем первом альбоме, я обнаружила, что кое-кто из музыкальных критиков заметил и маленькую Белоснежку.

Газета «Сценическое искусство» писала: «Тоти Даль Монте — одна из подающих надежды певиц нашего театра», а «Музыкально-драматическое обозрение» замечало: «Тоти Даль Монте в роли Белоснежки полна грации, она обладает сочным тембром голоса и незаурядным чувством стиля».

Несмотря на то, что я споткнулась и упала, мой дебют прошел удачно. Критика отнеслась ко мне благосклонно. Излишняя поспешность — враг артистов. Это были мои первые шаги на сцене, и пока я не претендовала на большее.

Я не имела никакого права возомнить о себе оттого, что впервые пела с такими знаменитыми артистами, как Пертиле, Роза Райза, Данизе, и удачно дебютировала во второстепенной роли, пусть даже на сцене величайшего итальянского театра.

Отец, родственники, друзья, знакомые — все безмерно радовались моему первому успеху. Правда, маэстро Амилькар Менегель немного сердился, что я изменила свое имя, но очень скоро его обида прошла.

Барбара Маркизио тоже была очень довольна моим многообещающим дебютом. До самой своей смерти она просила, чтобы я подробно сообщала ей о всех моих новых ролях.

VIII. Масканьи. А, так это вы «малышка» Барбары Маркизио?

Когда закончились спектакли «Франчески да Римини», я целый месяц сидела без дела. Свои десять лир в день я получала регулярно, но долгое безделье наверняка деморализовало бы меня, не будь дружеской поддержки синьоры Клаузетти. «Чего же ты хочешь, моя дорогая Тотина, чтобы тебе давали роль в каждой опере? — не раз повторяла она. — Наберись терпения и спокойно жди подходящего случая».

Театр «Ла Скала» готовил тогда новую, весьма пышную постановку «Богемы» Пуччини.

Мне неудержимо хотелось принять участие в этом спектакле, который стал потом незабываемым. Партию Мими поручили ни больше, ни меньше, как великой Розине Сторкьо. Еще и поэтому я страстно мечтала исполнять партию Мюзетты.

Какое счастье, если мечта моя сбудется! Тогда я буду петь со Сторкьо и со всемирно известным Бончи, которому поручена партия Рудольфа.

Синьора Клаузетти пыталась поговорить с импрессарио Вальтером Мокки, но партия Мюзетты уже была обещана другой певице.

Много лет спустя, когда я уже «пробилась», Мокки воскликнул:

— Чудно́, право, что тогда я не решился доверить тебе партию Мюзетты!

Мне предложили петь в оратории Франка «Блаженство», которая была с успехом исполнена в самом конце сезона. Понятно, я согласилась и получила большое удовлетворение от концертов.

Но этого мне было недостаточно, я мечтала о другом и терпеливо ждала счастливого случая.

Между тем в театре начались репетиции «Сельской чести», которую собирались поставить под руководством самого автора в день двадцатилетия со дня появления этой оперы.

Я набралась смелости, подошла к помощнику дирижера Габриэлю Сантини и попросила его поручить мне партию Лолы.

Сантини заметил, что роль мне не подходит, поскольку она написана для меццо-сопрано. Я настаивала, взяла у него ноты, удачно спела отрывок, и Сантини пообещал подумать над моим предложением. Тогда я вновь обратилась за помощью к синьоре Клаузетти и добилась желанной роли.

Партия Лолы была мне почти незнакома, я никогда ее не репетировала, но благодаря хорошей музыкальной подготовке быстро ею овладела.

Для новой постановки оперы театр пригласил самых выдающихся певцов. Партию Сантуццы исполняла прославленная Линда Каннетти, Турриду пел тенор Боттаро, а мстительного Альфио — также весьма популярный баритон Данизе.

Репетировать мы должны были в знаменитом красном зале театра, а затем перейти на сцену. Настал день первой репетиции вместе с Масканьи. Все собрались к назначенному часу. Время идет, проходит полтора часа, а Масканьи все нет и нет. Каннетти начинает сердиться и грозит, что она вообще уйдет. Данизе молчит, но заметно, что и он слегка нервничает. Боттаро пытается убить время, рассказывая последние анекдоты. Я же в ожидании первой встречи с самим Масканьи притаилась в уголке, боясь пошевелиться.

Наконец уже около полудня в зал, словно ураган, влетает Масканьи и сразу же обрушивает на нас шквал объяснений, пытаясь оправдать свое опоздание. Его приглашают сесть за пианино, на что он резко отвечает:

— Что нам, собственно, здесь делать? Пошли, пошли прямо на сцену.

И первым устремляется к дверям, быстрый, уверенный в себе.

Когда мы собрались на сцене, Масканьи заметил меня и воскликнул:

— А, так это вы «малышка» Барбары Маркизио? Молодчина. Вы хорошо знаете партию Лолы?

— Думаю, что да, маэстро, — отвечаю я.

— Посмотрим, — улыбнулся он. — От вас требуется предельная экспрессия, четкая дикция, спокойствие, и еще… не бросайте на меня панических взглядов…

Началась репетиция. В соответствующий момент Сантини дает вступление к арии «Цветок гвоздики…». Я волнуюсь, но пою, и как будто хорошо.

Затем Сантини буквально выталкивает меня из-за кулис; я выхожу, покачивая бедрами, отлично вписываясь в игровой эпизод, и без запинки исполняю сцену с Боттаро и Каннетти. Маэстро Масканьи не делает мне ни единого замечания, и репетиция продолжается.

Бросив губительный цветок гвоздики Турриду — тенору Баттаро, я с гордым видом ухожу… прямо за кулисы.

Когда кончился акт, Масканьи поднялся на сцену и в превосходнейшем расположении духа объявил, что репетиция проходит как нельзя лучше. Затем подошел ко мне и, ласково

потрепав меня по щеке, сказал:

— Ты, малышка, тоже пела отлично! Только не забывай, что Лола, бросив Турриду цветок, отправляется не на прогулку, а — в церковь!

Я с самого начала положила себе за правило не обольщаться своими успехами и держаться поближе к истине. Но должна сказать, что в роли Лолы меня ждал подлинный триумф. Доказательством тому — предложение спеть Лолу в театре города Кальяри, которое я получила сразу же после окончания спектаклей в «Ла Скала». Мне оплачивали проезд туда и обратно в вагоне первого класса, да и само вознаграждение было вполне приличным. Но синьора Клаузетти решительно восстала.

— Тоти Даль Монте больше не будет петь Лолу. Вы можете пригласить ее в Кальяри на роль, более подходящую для ее голоса, легкого сопрано, — ответила она импрессарио.

По окончании театрального сезона я покинула «Ла Скала» и вернулась домой, где меня встретили с восторгом. О моем исполнении партии Лолы газеты отзывались весьма одобрительно. Отец был вне себя от радости, водил меня по всем друзьям и знакомым и каждому рассказывал, какая я удивительная певица.

Вскоре все друзья уже окрестили его «моя доченька» — так называлась знаменитая комедия Галлины, в которой как раз изображен отец, безмерно восхищающийся мнимыми успехами своей дочки-певицы.

После того как я побывала в Мира, чтобы обнять мою седовласую наставницу, мы с отцом отправились в Пьеве ди Солиго. Там, на родине моих стариков, мне был оказан прием, достойный настоящей знаменитости.

Меня постоянно окружало множество людей, которые помнили, как я, будучи еще девочкой, беспрестанно распевала. Сразу же был организован концерт, который привлек много публики. Наконец-то после скромных ролей в «Ла Скала» я могла исполнить арии, разученные с Барбарой Маркизио. На этом памятном концерте я пела арии Беллини, Доницетти, Россини и многих других композиторов, пела без конца, до полного изнеможения.

Так в поездках между Венецией и Пьеве ди Солиго я провела счастливейшее лето и осень.

Меж тем война приближалась, и бои становились все яростнее. Море пролитой крови, сообщения о новых жертвах приводили меня в ужас, но мои мысли неизменно возвращались к любимому искусству, к моим надеждам и мечтам начинающей артистки.

В Венеции я с огромным удовольствием и старанием продолжила свои занятия по вокалу.

В конце года я вернулась в Милан, и вновь неотъемлемой частью моей жизни стали дом милых Клаузетти, фирма «Рикорди», театральные агентства, «Ла Скала».

В 1917 году на долю моей родины выпали тяжелые военные испытания. Это был год сражения под Капоретто, и наша семья, как тысячи других, тревожилась за жизнь моего брата Пьеро, призванного в армию и отправленного на фронт.

Тот памятный год оставил след и в моей личной жизни. Я влюбилась. Это не было исключительным чувством, а так просто, юношеским увлечением с перспективой возможного замужества. Я была сентиментальной, совсем молодой девушкой, полной безоблачных надежд, и нет ничего удивительного, если однажды я откликнулась на нежный зов любви, тем более что мой поклонник был очень умным, культурным юношей, из высокопоставленной семьи, а его чувства и намерения были весьма серьезны. Но после недолгих колебаний я поняла, что искусство и слава слишком сильно манят меня, трудно было распрощаться с музыкой, со сценой, да и обмануть надежды отца я не могла.

Свое решение я приняла совершенно сознательно, без всякого давления с чьей-либо стороны. Это не помешало нам на долгие годы сохранить большую дружбу, и мой верный друг неизменно приходил мне на помощь в трудные минуты, которых в моей жизни было немало.

Вспомнив о своем первом юношеском увлечении, я хотела бы только добавить, что и у меня были свои человеческие горести и радости и я иной раз ошибалась.

Но все-таки мои заблуждения и порывы в какой-то мере можно оправдать тем, что я всегда действовала по велению сердца, и к тому же порой мне приходилось принимать решения, не имея советчиков, а я отличалась наивностью, доверчивостью и неисправимым оптимизмом.

Теперь, конечно, умудренная опытом, я не совершила бы многих ошибок прошлого, доведись мне начать жизнь сызнова. Но я и сейчас не жалею о том, что на заре своей артистической карьеры подавила в себе первое нежное чувство.

IX. Две Лодолетты

Год 1917-й, год чрезвычайно серьёзных событий для Италии и ее союзников, принес много переживаний Тотине, как отныне называли меня все мои коллеги.

В апреле 1917 года во Флоренции, в великолепном старинном зале, под управлением несравненного Леопольдо Муньоне, одного из лучших дирижеров того времени, было исполнено изумительное по красоте произведение — «Stabat Mater» Перголези. Кроме меня солистами в концерте были Джаннина Русс и Гуэррина Фаббри.

После «Stabat Mater» я спела арию из «Вильгельма Телля», что позволило мне показать, насколько совершенны стали благодаря многолетним занятиям у Барбары Маркизио моя техника и стиль. Меня безоговорочно признали на редкость талантливой певицей, причем слова эти принадлежали самому Пиццетти, тогда музыкальному критику газеты «Национе».

Муньоне, этот исключительно яркий, самобытный дирижер, тоже отзывался обо мне в самых лестных выражениях. В сущности, это было для меня первым серьезным испытанием, и лучшего результата нельзя было и желать.

В мае я подписала контракт на три выступления в опере «Дон Паскуале» в генуэзском театре «Паганини». Моими партнерами были бас Пини-Корси, непревзойденный исполнитель комических ролей, и баритон Бадини. Я с нежностью вспоминаю о первом посещении Генуи. Пини-Корси отнесся ко мне, как старший друг, и дал множество драгоценных советов, которые сослужили мне впоследствии добрую службу.

«Дон Паскуале» был моим первым крупным оперным успехом, и я до сих пор храню бесконечную признательность к замечательным генуэзским зрителям, которые тепло приняли меня с первого столь ответственного выступления.

Я и сейчас отлично помню тот спектакль. Моя первая Норина была совсем не похожа на более поздних. Ведь впоследствии я пела эту партию под управлением крупнейших дирижеров, на сцене самых знаменитых театров мира, где великолепные костюмы, световые эффекты и декорации так помогают артисту.

Генуэзскую Норину я сыграла так, как мне подсказывала артистическая интуиция. Костюмы были самые скромные, и все же мне удалось создать столь блестящий и запоминающийся образ, что на генеральной репетиции Пини-Корси мне сказал:

— Браво, Тотина! Еще два-три спектакля — и Сторкьо будет кусать пальцы от зависти!

А надо сказать, что Сторкьо, хотя ее слава тогда уже клонилась к закату, все еще оставалась величайшей Нориной нашего национального театра.

Я испытала тогда истинное счастье в Генуе, хотя и получала всего двадцать пять лир в день, которых едва хватало, чтобы уплатить за комнату и обед. Но аплодисменты восторженных зрителей заставляли меня забывать мелкие житейские неурядицы.

После Генуи, в июне, агентство «Рикорди» пригласило меня петь в опере Пуччини «Ласточки». Оперу эту собирался ставить городской театр Болоньи, и зрители с огромным интересом ждали первого представления.

В «Ласточках» мне была поручена партия Лизетты. Моими партнерами были Линда Каннетти, Пертиле и Доминичи, а режиссером и концертмейстером — Этторе Паницца, талантливый музыкант, о котором у меня остались наилучшие воспоминания.

Спектакль прошел с большим успехом, превзошедшим все ожидания.

Темпераментные болонцы, всегда весьма требовательные в музыкальном отношении, как, впрочем, и все зрители областей Эмилия и Романья, встретили оперу «Ласточки» с искренним восторгом.

В «Джорнале ди Маттина» обо мне было написано: «Тоти Даль Монте замечательно исполнила партию Лизетты. Грациозность и наивное плутовство Даль Монте, ее гибкий, свежий голос, прекрасно звучащий на верхних нотах, завоевали певице симпатию зрителей».

А газета «Ресто дель Карлино» отмечала: «… Тоти Даль Монте предстала перед зрителем в роли „soubrette“,[2] полной живости и лукавства, своеобразный характер которой передан ею великолепно».

После этого выступления я завоевала и Пуччини, который требовал, чтобы я пела во всех последующих постановках оперы.

«Ласточки» были поставлены затем в миланском театре «Даль Верме» и туринском «Кьярелла».

В Милане, экономии ради, я поселилась со своей партнершей, болонской певицей Леа Риццоли, на центральной улице, в квартире одного преподавателя игры на скрипке. С тяжелым сердцем пришлось распрощаться с гостеприимным домом Сачердоти, который находился очень далеко от «Ла Скала».

Новый хозяин разрешил нам пользоваться кухней, так что Леа Риццоли почти каждый день готовила мне удивительно вкусные tagliatelle[3] с мясным рагу — любимое блюдо болонцев.

Увы, это принуждало нас выслушивать бесконечные скрипичные уроки, ибо профессор давал их прямо в большущей кухне, отгородившись, правда, занавеской.

Вот было мучение!

К тому же жена скрипача, женщина донельзя жадная, не скрывала своего раздражения, видя, как мы с Леа возимся у плиты. Частенько она призывала нас к порядку, когда мы, наделенные завидным оптимизмом, начинали шутить и неудержимо хохотать.

Очень скоро я решила «сняться с места», хотя Леа и соблазняла меня своими аппетитными тальятелле. Я устроилась в пансионе синьоры Лизы Поли на виа Паскуироло, 3, в маленькой комнатке, стоившей дешевле остальных, так как она примыкала к кухне.

В пансионе синьоры Поли жило довольно много артистов. Моя комната сообщалась с другой, которую занимала звезда варьете, симпатичная девушка, относившаяся ко мне с искренней добротой и даже с восхищением. Мой гардероб, в отличие от ее, все еще оставался очень и очень скромным. У меня было всего два платья, одна-единственная шляпка и неизменное пальтецо. Соседка, наоборот, не знала, куда девать все свои экстравагантные наряды. Я никак не могла понять, каким образом ей удается заработать столько денег. Частенько синьора Поли, которая тепло относилась ко мне, говорила:

— Пора и тебе, Тотина, за ум взяться. Артистка, поющая в «Ла Скала», должна купаться в золоте.

Я молчала, быть может потому, что была слишком наивна.

Но однажды звезда варьете воскликнула:

— Да перестаньте вы сравнивать свои платья с моими и чувствовать себя ниже из-за каких-то тряпок! Знали бы вы, как я вам завидую! Я готова иметь одно платье, но петь, как вы!

Спустя несколько недель моя соседка заболела и вскоре умерла. Смерть ее очень меня опечалила. Я была на похоронах. Какие же это были жалкие похороны! За гробом шло всего несколько человек.

У меня больно сжалось сердце, и я с горечью подумала о мимолетности человеческих страстей. Бедняжка, при жизни наивно верившая, что она любима, была мгновенно забыта своими недавними поклонниками и даже тем «любимым, единственным», который безраздельно царил в ее доверчивом, верном сердечке.

* * *

Наступили страшные дни Капоретто. Весь театральный мир Милана был потрясен.

Австро-немецкие войска с угрожающей быстротой наступают в Венето. У кого же появится желание идти в оперу?

Я кроме всего прочего очень беспокоилась о брате Пьеро, сражавшемся на фронте.

Его видели на позициях у Тальяменто, но вскоре и эти укрепления были прорваны, осталась последняя надежда на Пьяве.

Тут и у Монте Граппа свершилось чудо. С помощью всевышнего наши удивительные солдаты сумели остановить врага на «моей» Пьяве, и с тех пор ее называют «священной рекой родины».

В это самое время уже начала распространяться эпидемия испанки, страшной болезни, унесшей в Европе не меньше жертв, чем война.

В пансионе синьоры Поли ею переболели почти все. Жильцы и хозяйка были в панике. Я не избежала общей участи, но отделалась тремя-четырьмя днями постельного режима.

Однако беда никогда не приходит в одиночку, и вот однажды я получила известие, что отец тяжело заболел. Высокое давление и мучительные волнения за судьбу Пьеро вызвали у него кровоизлияние в мозг, а ведь ему было всего пятьдесят лет. Когда прошел острый кризис, он все же полностью не поправился и навсегда остался полупарализованным. Я была в отчаянии: у меня ни на миг не выходили из головы печальные мысли о почти полной беспомощности отца и тяжелом положении всей семьи.

Я решила во что бы то ни стало зарабатывать как можно больше. На следующий год в дни карнавала меня пригласили выступить в генуэзском театре «Политеама». К этому времени мужественное и стойкое сопротивление наших солдат несколько подняло дух у моих соотечественников.

Для меня и моей семьи приглашение петь в «Политеама» было якорем спасения. Я перечитываю контракт, заключенный со мной синьором Гаэтано Бульдрини от имени театрального агентства «Лусарди» в Милане. Вот его дословный текст:

«Заключен между синьором Гаэтано Бульдрини и синьориной Тоти Даль Монте. Контракт должен выполняться добросовестно и нерушимо.

Синьорина Тоти Даль Монте должна считать себя занятой с полудня 18 декабря вплоть до 12 февраля включительно.

Первое сопрано в опере „Бал-маскарад“ (паж), в „Риголетто“ (Джильда), в „Федóре“ (Ольга), в „Лорелее“ (Анна).

Пять спектаклей в неделю, причем не свыше трех подряд,

кроме репетиций, время для которых не ограничено. Петь два спектакля в день не разрешается.

Общее вознаграждение 1350 лир (тысяча триста пятьдесят) с выплатой каждые десять дней. 2,5 % идут в пользу агентства „Лусарди“».

Таким образом, речь шла о вознаграждении немногим более чем пятьсот лир в месяц, что давало мне возможность жить вполне прилично, не позволяя себе, понятно, никаких излишеств.

Я безмерно радовалась этому контракту, так как мне предложили ответственную партию Джильды, причем театральный костюм — за счет дирекции, а сапоги для четвертого акта можно взять напрокат.

Я была на седьмом небе от счастья, когда взамен второстепенной партии в опере «Федóра» мне впоследствии поручили труднейшую роль Недды в «Паяцах».

Дебют в «Риголетто» прошел столь успешно, что вскоре мне пришлось выступить три раза подряд в течение всего лишь двадцати четырех часов, ради этого по настойчивому требованию зрителей было перенесено дневное представление «Манон».

Я пела Джильду в субботу вечером и затем дважды в воскресенье.

И все это за восемнадцать лир в день! После третьего спектакля Бульдрини сунул мне за корсет ассигнацию в пятьсот лир, сказав:

— На, держи. Сделай себе хороший горчичник на грудь.

Не чувствуя под собой ног от счастья, я помчалась на почту, чтобы отправить домой денежный перевод. Хоть на этот раз театральные успехи Тоти принесли моим близким реальную пользу.

Во время первых представлений «Риголетто» в Генуе произошел трагикомический эпизод.

Главную роль исполнял баритон, испанец по имени Альмодовар, человек довольно самоуверенный.

Однажды на сцене, когда он пел: «Да, недалек час ужасного мщения…» — я заметила, что у него отстегнулись на спине подтяжки и штаны вот-вот упадут.

В ужасе я несколько раз повторила ему вполголоса: «У вас падают брюки… У вас падают брюки». Никакого впечатления. Альмодовар, ничего не замечая, продолжал невозмутимо петь и двигаться по сцене. И, о ужас, штаны упали! Тогда он наконец понял, в каком оказался смешном положении, но было уже поздно, и занавес опустился под оглушительный хохот зрителей. Скрывшись за кулисы, Альмодовар накинулся на меня — почему я его не предупредила.

— Так ведь я несколько раз повторила вам, что у вас падают брюки.

— Откуда же я мог знать, что «braghe»[4] означают наши «calzones»,[5] — ответил он.

В тот сезон я познакомилась с маэстро Франко Паолантонио, с которым нас затем связала долголетняя крепкая дружба.

Он родился в Аргентине, но его родители были уроженцами Абруццо. Паолантонио отличался высокой образованностью и был отличным музыкантом. Нервный, чувствительный, мгновенно зажигающийся новой идеей, он сразу взял меня под свое покровительство и не скупился на указания и советы.

Весьма сведущий в вокальной технике, он научил меня моим знаменитым каденциям, сумел наилучшим образом выявить мои певческие возможности и развить чувство стиля. Ему я обязана своей артистической зрелостью и вокальным совершенством, которым так восхищались зрители и критика.

Его горячая заинтересованность в моей судьбе не могла оставить меня равнодушной, я тоже прониклась к нему большой симпатией.

Из Генуи я вернулась в Милан, в пансион синьоры Поли, и здесь встретилась с Уго Фатта, импрессарио палермского театра «Массимо». Фатта представлял собой классический тип сицилийского аристократа: высокий, элегантный, в широкополой шляпе и с моноклем, он был неисправимым мотом и дамским угодником. За обедом, который он украсил обильной порцией ветчины, синьор Фатта предложил мне выступить в Палермо в «Риголетто» и на премьере оперы Масканьи «Лодолетта».

Что касается «Лодолетты», то сначала надо было получить согласие музыкального агентства «Сонцоньо». А добиться этого было отнюдь не легко.

Не теряя времени даром, с помощью подруги, графини Малатеста, я стала изучать партитуру и вскоре с бьющимся от страха сердцем предстала перед строгими судьями агентства «Сонцоньо».

Онера, казалось, была написана специально для меня, композитор словно учитывал особенности моего голоса и моей артистической индивидуальности.

Невинность, глубокое чувство, горе и радость Лодолетты мне удалось передать необычайно естественно. В конце концов я завоевала сердца требовательных представителей агентства «Сонцоньо», и контракт был подписан.

Премьера новой оперы Масканьи состоялась одновременно в палермском театре «Массимо» и в миланском «Театро лирико». В Милане исполнение главной роли было поручено Хуаните

Караччоло, жене маэстро Армани, а в Палермо — совсем еще молодой певице Тоти Даль Монте.

Я не испугалась этого заочного состязания и думала лишь о том, как бы лучше разучить свою партию. Сам дирижер Баваньоли, обычно весьма осторожный и скупой на похвалы, во время репетиций охотно давал мне советы и всячески подбадривал.

Началась генеральная репетиция. Загримировавшись, я надела деревянные сандалии, в последний раз поправила белоснежный чепчик и появилась на сцене. Но тут я настолько вошла в образ своей бедной героини, что залилась горючими слезами и не смогла спеть ни единой фразы.

После репетиции Баваньоли зашел в мою комнату и сказал:

— Хорошо еще, что ты разревелась на репетиции. Будем надеяться, что завтра вечером ты все же попробуешь петь.

На премьере я постаралась, чтобы источник моих слез иссяк, больше не плакала и показала все свои возможности. В Палермо первое исполнение «Лодолетты» имело не меньший успех, чем в Милане. Палермские зрители приняли меня восторженно. Так же успешно прошел в Палермо и «Риголетто».

С тех пор я завоевала Сицилию и стала любимицей островитян, особенно после того, как приняла предложение петь в операх Беллини.

Эту главу мне хочется закончить описанием встречи с моей «соперницей», знаменитой Хуанитой Караччоло.

Прославленная, тонкая певица, она подошла ко мне и сказала с непередаваемой простотой и симпатией:

— Ты со своим ангельским голосом и с душой ребенка словно создана для роли Лодолетты. Я уверена, что ты спела и выразила ее чувства лучше меня.

Слова Хуаниты глубоко растрогали меня, и я подумала, что подлинно великие артисты искренны и благородны, им чужды низкая зависть и ревнивое, мелкое чувство.

Не стоит и говорить, что я навсегда осталась другом Хуаниты Караччоло и ее горячей поклонницей.

X. «Нежное пение утешает в горести»

Вернувшись в Милан после палермских триумфов, я немедля отправилась к Маргерите Клаузетти, и та сразу же постаралась устроить мой концерт в консерватории.

И на этот раз наши старания увенчались успехом. Я с обычной тщательностью стала готовиться к выступлению.

К несчастью, мне дали такого плохого аккомпаниатора, хуже которого нельзя было найти. Он имел весьма своеобразные суждения о том, какие вещи следует петь на концерте. Навязывая свой псевдоклассический стиль исполнения, он заставлял меня петь не в полный голос и без всякой необходимости приглушать звук, что противоречило стилю исполнения, привитому мне Барбарой Маркизио, и сковывало меня. Однако пришлось подчиниться: я очень боялась отмены концерта. Но меня подстерегала другая неприятность — в моем весьма скромном гардеробе не оказалось платья, в котором я могла бы достойно предстать перед публикой консерватории.

И вновь меня спасла синьора Клаузетти. Она повела меня в дом к знаменитой сопрано Марии Фарнетти, жившей неподалеку от театра «Даль Верме». Апартаменты Марии Фарнетти поразили меня своей роскошью, сочетавшейся с тонким вкусом, что придавало комнатам очень уютный вид. В жизни не видела я такой прекрасной квартиры!

Фарнетти приняла меня весьма любезно и от души поздравила с первыми театральным успехами. Когда Маргерита Клаузетти попросила ее одолжить мне на концерт вечернее платье, она охотно согласилась помочь своей начинающей и… не слишком богатой коллеге.

Она провела нас в свою гардеробную, жестом доброй феи распахнула один из громадных шкафов и просто сказала:

— Выбирай, Тоти, что тебе больше всего нравится!

Я даже растерялась. Шкаф был полон элегантнейших платьев любого цвета и на любой вкус. Я высмотрела великолепное лиловое платье — этот цвет до сих пор остается моим любимым — и, не колеблясь, еле слышно произнесла, указывая на него:

— Вот это.

— Оно твое, — тут же сказала Фарнетти. — Я тебе его дарю.

У меня от счастья навернулись на глаза слезы.

Настал день концерта.

Я была безмерно рада, что выступаю в чудесном новом платье, но очень нервничала оттого, что аккомпаниатор заставил меня петь тускло и чуть ли не вполголоса.

Все же концерт прошел более или менее сносно.

Синьора Клаузетти сказала, что, возможно, на концерте будет сам Тосканини, но у меня не хватило смелости спросить ее, был ли маэстро в зале. Тем более что сама я даже синьору Клаузетти там не заметила.

После этого печальной памяти концерта я уехала в Турин, где вместе с тенором Крисманом и баритоном Кашманом пела в операх «Дон Паскуале» и «Риголетто».

После одного из спектаклей коммендаторе Кьярелла преподнес мне чудесное белое платье, очень подходящее для партии Джильды.

Когда я вернулась из Турина, ко мне явился театральный агент Трамонтано и предложил выехать в Фаэнцу для выступления в «Риголетто».

Я согласилась, и мы тут же отправились в путь. По приезде в Фаэнцу он отвез меня в старую, плохо освещенную гостиницу и порекомендовал не вступать ни с кем в разговоры и не выходить из комнаты до его возвращения. Весьма удивленная, я спросила, что за причина моего внезапного «заточения», но он уклонился от ответа.

Я не стала настаивать, так как устала с дороги и хотела отдохнуть. Немного спустя раздался стук в дверь.

— Кто там?

Мне ответил робкий голос горничной.

Я открыла дверь, и, войдя в комнату, горничная спросила:

— Простите, синьорина, это вы певица, приехавшая из Милана? Настоящая певица?

— Видите ли… Не знаю… Кажется, да…

— Мне вас жаль, синьорина, — продолжала горничная, — но только завтра вы петь не будете.

— Как?.. Почему?.. Что вы хотите этим сказать?..

— Вы попали в неприятную историю, синьорина. Та, другая, эта дрянь не даст вам выступить.

— Какая другая? Кто она?

Тут горничная рассказала мне, что у импрессарию Трамонтано есть любовница, сопрано, доморощенная певица, от которой он и так уже натерпелся много горя. А теперь обладательница «очаровательного» голоса вбила себе в голову, что Джильду будет петь она и никто другой. Бедный импрессарио, понимая, какие неприятности его ожидают, если его любовница появится перед требовательными зрителями Фаэнцы, решил привезти меня, причем, видимо, из осторожности тайком.

Этим и объяснялось мое неожиданное «заточение» в

гостинице. Все случилось так, как и предсказывала горничная.

Трамонтано не помогли никакие уловки, никакие тонкие дипломатические ходы, и ему пришлось отступить перед поистине змеиной яростью его подруги. Ночью, чтобы никто меня не видел, я уехала обратно в Милан.

Нечто подобное случилось со мной немного позже в Парме. И там из-за каприза довольно неудачливой певицы, но безраздельной владычицы сердца одного импрессарио мне пришлось отказаться от выступлений.

Когда я вернулась в Милан, мой адвокат, защитник законных интересов певцов, заставил Трамонтано заплатить мне за все несостоявшиеся спектакли.

После этих профессиональных «потерь» я пела в благотворительном концерте, устроенном синьорой Кларой Тосканини в знаменитом салоне «Мостра дель Ритратто».

Неутомимая синьора Клаузетти посоветовала мне включить в программу мои самые выигрышные арии из «Севильского цирюльника», «Искателей жемчуга», «Вильгельма Телля». Сам Тосканини ожидался на концерте. Я готовилась с величайшей тщательностью и пела с подлинным увлечением. Наградой были горячие аплодисменты.

По окончании концерта синьора Клара пожелала познакомить меня с великим маэстро.

Едва я подошла к Тосканини, как он воскликнул:

— Кто тот осел, который подготовил для вас программу концерта в консерватории?

Тут я сразу догадалась, что маэстро был на том злосчастном концерте.

В первый момент я немного растерялась, но потом, набравшись храбрости, объяснила, что на том концерте выступила столь неудачно по вине аккомпаниатора, который заставил меня петь механически, выхолостив все чувства.

— Пусть это будет в последний раз. Вы должны петь, как чувствуете — сердцем, а уж музыкальностью вас всевышний не обидел.

Эти мудрые слова вселили в меня новые надежды. С того дня я не давала покоя синьоре Клаузетти, мне хотелось непременно петь в опере под руководством Тосканини.

Однако в то время маэстро был очень занят. С самого начала войны он создал большой симфонический оркестр из числа солдат и теперь то и дело давал концерты на фронте.

Выступление оркестра под управлением Тосканини, исполнившего патриотические гимны на вершине горы Сан Габриэле, только что отбитой нашими солдатами у врага, вошло в

историю. Тосканини был награжден серебряной медалью за воинскую доблесть.

Наступило лето. Наши войска одерживали все новые победы в великой, решающей битве на реке Пьяве.

Небо над моей родной Италией сразу посветлело, и у всех появилась уверенность, что война приближается к победоносному концу.

Покинув Милан, я возвращалась в Венецию в сильнейшем смятении чувств. С одной стороны, я радовалась своим успехам, а с другой — тревожилась за отца. Бедный мой папочка! Я нашла его неподвижно сидящим в кресле, почти парализованным, говорил он невнятно, с трудом.

Увидев меня, отец просиял; когда я нежно обняла его, бедняга расплакался. Бесполезно было бы утешать его пустыми, ненужными словами.

Все же мало-помалу здоровье отца улучшалось, он даже мог сделать несколько шагов по комнате.

Однажды меня пригласили в гостеприимный дом музыканта Уго Леви, где бывали многие венецианцы из высших слоев общества. Среди гостей оказался Габриэле Д'Аннунцио в форме улана, со значком летчика на груди.

Человек поистине обворожительный, Д'Аннунцио в разговоре дал понять, что он в курсе моих последних успехов, и попросил меня спеть какую-нибудь арию Скарлатти. Леви сел за фортепьяно, а я спела несколько арий, и среди них, не помню уж какую, арию Скарлатти. Поэт был очень благодарен за это, и, когда мы решили покататься в гондоле по Большому каналу, он сел рядом со мной.

Венеция была погружена во тьму; воздушные налеты уже нанесли ей немалый урон. Достаточно сказать о страшных разрушениях, причиненных бомбардировкой старинной церкви дельи Скальци.

Д'Аннунцио почти все время говорил о музыке. Он сказал, что никогда не забудет мой голос.

Должна признаться, что в присутствии этого очень своеобразного человека я чувствовала себя смущенной. У меня навсегда сохранилось к нему глубочайшее уважение и восхищение, которые лишь усилились после новых встреч, вылившихся в подлинную дружбу. В моем альбоме, который хранит великое множество автографов знаменитых людей, Д'Аннунцио написал: «На память об одном летнем вечере и о чудесной арии Скарлатти. Нежное пение утешает в горести».

Трудно представить, что именно в эти дни Д'Аннунцио в строжайшей тайне готовился к крупнейшему воздушному налету

на Вену во главе своей эскадрильи.

Мой безмятежный, счастливый отдых в Венеции в незабываемом 1918 году закончился концертом в консерватории Бенедетто Марчелло.

Сколько воспоминаний связано у меня с этим огромным залом!

Здесь совсем еще девочкой по окончании учебного года я сдавала экзамены в окружении дорогих моему сердцу людей: маэстро Вольфа Феррари, моего учителя Тальяпьетри, отца, мамы Джудитты, братьев.

Я пела без конца и без устали, пела бессчетное число раз, повторяя арии на «бис», и аплодисменты моих добрых венецианцев были лучшей за это наградой.

В начале сентября, незадолго до решающего сражения в Витторио Венето, я возвратилась в Милан.

XI. «Колокола Сан Джусто»

Приближение победы в длинной и кровавой войне создало более радужную обстановку и в театральных кругах Милана. Шли приготовления, строились планы, и, разумеется, все мечтали о скорейшем открытии «Ла Скала».

Клаузетти рады были видеть меня снова, да и в театральной среде меня приняли очень сердечно. Значит, я оставила о себе добрую память. Прекрасно! Это дает надежду на хорошие контракты.

Милан всегда был подлинной столицей итальянского театра, особенно оперного. В те времена в нем безраздельно царили могущественные импрессарио и театральные агенты, без которых немыслимо было заключить удачный контракт.

Молько, Лусарди, Минольфи, Делильер и другие крупные импрессарио обеспечивали выступления не только перед миланской публикой, всегда великодушной и щедрой на овации музыкантам, но устраивали и заграничные турне, а главное, сезонные гастроли в провинции, Это позволяло многим молодым талантливым певцам, которых тогда в стране было куда больше, чем теперь, проявить себя в полном блеске. По-моему, кризис, который переживает сейчас оперный театр в Италии, вызван пренебрежением к провинциальной сцене, а также все возрастающим засильем кино.

Сколько больших и малых театров с давней славной историей было безрассудно закрыто для оперных спектаклей в течение последних тридцати лет в провинциальных городках! Это печальное явление приобретает все больший размах и коснулось уже крупных провинциальных центров.

Грубейшая ошибка — ограничивать сферу деятельности оперного театра несколькими большими городами. Это неизбежно должно было привести к кризису, который все единогласно признают и осуждают, не имея в то же время элементарной честности и смелости указать на его причины.

Причин много, они весьма сложны, но, повторяю, главная и основная заключается в постепенном забвении славных традиций оперного театра в заброшенной и грубо игнорируемой итальянской провинции.

Я получила выгодное предложение петь в опере «Мадам Баттерфляй» в миланском «Театро-лирико» и с восторгом согласилась, с легким сердцем подписав контракт. Опера Пуччини привлекала меня своим мелодическим богатством и трогательной поэтичностью образа главной героини Чио-Чио-Сан,

влюбленной и обманутой маленькой японки.

Мечтая найти молодых исполнителей для старых и новых опер, издаваемых его музыкальной фирмой, Тито Рикорди проиграл мне на фортепьяно оперу «Мадам Баттерфляй». Угадывая, что я обладаю всеми данными для исполнения ролей лирического плана, он хотел, чтобы я постепенно от партий для легкого сопрано перешла к репертуару лирическому.

Роль Чио-Чио-Сан очень подходила для моего невысокого роста и нежного голоса.

Но не так-то просто было сразу изменить тесситуру и репертуар.

Мои друзья Клаузетти, с которыми я поделилась приятной новостью, в первый момент просто растерялись. Многие знакомые уговаривали меня не спешить с лирическими партиями. Но я уже приняла решение: от роли Чио-Чио-Сан я не откажусь ни за какие блага на свете.

С необыкновенным упорством принялась я изучать партитуру, пребывая в совершенно восторженном состоянии и будучи глубоко уверенной, что добьюсь успеха.

Маэстро Анджело Феррари, концертмейстер и дирижер оркестра, на каждой новой репетиции все больше хвалил меня и подбадривал. Моими партнерами были тенор Барра и меццо-сопрано Маннарини, впоследствии всегдашняя и превосходная исполнительница партии Сузуки.

И вот наконец день премьеры.

В театре яблоку негде было упасть. Зрители сгорали от нетерпения. И хотя все признавали меня талантливой, многообещающей певицей, в трудной роли Чио-Чио-Сан я все же была еще загадкой.

Горе мне, если я не выдержу этого ответственнейшего испытания.

Я вышла на сцену… совершенно спокойной, не задумываясь о том, что мне предстоит.

Лишь спустя несколько лет я вдруг начала ощущать чувство страха, но тогда!.. Мне было немного более двадцати лет, и весь мир лежал у моих ног! А кроме того, я была полна огромной, несокрушимой веры в свои силы. Премьера прошла хорошо, даже очень хорошо!

Это был один из незабываемых вечеров в моей артистической жизни. Аплодисментам не было конца, во втором акте после монолога Чио-Чио-Сан зрители наградили меня громовыми овациями, и я, конечно, спела ее на «бис».

Опера была исполнена шесть раз подряд. Я уже не говорю о восторженных отзывах газет.

Моя работа в «Театро-лирико» длилась ровно месяц. В итоге я получила тысячу триста лир, и мне казалось, что я стала богачкой.

В кругу артистов мой успех в опере «Мадам Баттерфляй» был оценен по-разному. Однако большинство считало, что увлечение партиями лирического репертуара приведет меня в конце концов к катастрофе.

Думаю, что и Барбара Маркизио осталась не очень довольна моим «подвигом». Партия Чио-Чио-Сан требовала слишком сильного напряжения.

— Смотри, это кончится для тебя печально! — мудро предупредил меня Карло Клаузетти.

И я с величайшим сожалением отказалась от многочисленных предложений вновь выступить в этой опере Пуччини, решив все же поберечь свои голосовые связки. Кимоно и сандалии Чио-Чио-Сан я подарила одной из своих коллег.

Возможность вернуться к привычному репертуару представилась мне, когда генуэзский театр «Политеама» предложил мне спеть в операх «Риголетто», «Фра-Дьяволо» и «Паяцы». Вознаграждение — пятьдесят лир в день, поистине сказочная сумма!

Мои выступления в Генуе совпали с сообщением о победе наших солдат в Витторио Венето.

Все были взволнованы, счастливы, бурно выражали свои патриотические чувства.

Вечером 4 ноября 1918 года в антракте представления «Риголетто» оркестр заиграл «Гимн Пьяве». Зрители пришли в полное неистовство.

Маленькую, взволнованную Джильду торжественно вынесли на сцену, завернутую в трехцветный национальный флаг.

И тут меня осенило: я запела известную песню «Колокола Сан Джусто», и в мгновение ока все зрители, хористы, мои товарищи по сцене в полный голос подхватили мелодию. Я так волновалась, что и смеялась и плакала словно безумная. С тех пор я стала любимицей генуэзцев.

К сожалению, в самый разгар этого счастливого сезона я заболела испанкой, которая продолжала еще свирепствовать. Пришлось некоторое время пролежать в постели, но, к счастью, форма моей болезни не была особенно тяжелой.

Среди лечивших меня врачей был доктор Оксфорд из английского Красного Креста. С этим заботливым и вдумчивым врачом я несколько лет спустя встретилась во время своего пребывания в Англии.

Окончательно выздоровев и закончив гастроли в Генуе, я

приняла предложение Лусарди в течение шести месяцев петь в различных театрах страны.

Мои выступления начались в болонском театре «Верди», где я пела в операх «Риголетто» и «Богема» (партию Мюзетты), причем дирижером в обоих случаях был Паолантонио. Партию Мими в «Богеме» пела Линда Каннетти.

После Болоньи я с успехом выступила во многих других местах.

Восторженно встретили меня в Пьяченце. Моя популярность в роли Джильды росла изо дня в день. Я столько раз пела эту партию в тот сезон, что мои сценические башмачки совершенно истрепались. Я сама не верила своим успехам и не понимала, что именно с этих пор началась моя подлинная слава.

Когда кончился карнавальный сезон, я не смогла даже немного отдохнуть в Венеции вместе с отцом. Пришлось отправиться в Триест, где в театре «Россетти» предполагалась постановка «Риголетто» с моим участием.

В недавно освобожденном городе оперы национального репертуара производили настоящий фурор. Я тоже выступила с огромным успехом. И в той мере, в какой росли мои успехи и популярность, возрастало вознаграждение. Пятьсот лир за выступление!

Несмотря на свое плачевное состояние, мой дорогой папочка непременно захотел поехать в Триест, чтобы послушать меня в роли Джильды. Сопровождала его мама Джудитта.

Нечего говорить, я была счастлива, что отец увидит и услышит меня в «Риголетто»; особую радость я испытывала от мысли, что он будет свидетелем моего успеха.

Триест всегда доставлял мне много приятных минут. По этому поводу хочется, забегая несколько вперед, рассказать об одном эпизоде, происшедшем со мной несколько позже, когда я пела Лючию.

Стояла холодная зима, и сердито завывал ветер. Однажды в полдень, отправившись пообедать вместе с импрессарио и проезжая на машине мимо театра, я увидела длинную очередь людей, которые под ураганным ветром стоически ждали, когда откроют двери.

Печальный вид добрых триестинцев так растрогал меня, что я попросила импрессарио немедленно впустить в театр всех этих людей, иначе я просто не смогу спокойно обедать.

Импрессарио возразил, что раньше положенного времени зрителей в театр не пускают, но я настаивала, пригрозив вообще отказаться от выступления. И, честно говоря, я сдержала бы слово, потому что меня бросало в дрожь при одной мысли, что

эта пытка на холодном ветру может продлиться для зрителей еще два-три часа.

В конце концов импрессарио уступил, и зрителей впустили в помещение.

По ложам и галерке мгновенно пронесся слух, что этого добилась Тоти Даль Монте, и, когда во втором акте я вышла на сцену, меня встретили неистовыми аплодисментами.

— Да здравствует наша Тоти! — кричали зрители, и не скрою, их рукоплескания доставили мне огромное удовольствие.

В конце апреля в Милане я получила печальнейшее известие: умерла Барбара Маркизио.

Я знала, что моя почти девяностолетняя наставница постепенно угасает в своей вилле, но все же весть о смерти той, что дала мне вторую жизнь, жизнь на театре, глубоко потрясла меня. Я долго, безудержно плакала и несколько дней не могла прийти в себя.

Через несколько недель я вернулась в Венецию — петь в опере «Лодолетта». Театр был переполнен, зрители с живейшим интересом ждали первого представления этой незнакомой для Венеции оперы Масканьи.

Отец, несмотря на свою тяжелейшую болезнь, захотел присутствовать на премьере.

С величайшими предосторожностями привезли его в театр и усадили в кресло. Зная, что отец находится в зале, я старалась петь как можно лучше, чтобы растрогать его своим исполнением и показать, как бесконечно благодарна я ему за то, что он так рано угадал во мне будущую артистку, поверил в мое призвание.

В первом акте я сама до глубины души расчувствовалась, исполняя арию Лодолетты, которая оплакивает смерть отца. В третьем акте последние предсмертные муки влюбленной голландки вновь взволновали меня.

В ту самую минуту, когда я, не в силах сдержать слез, исполняла арию Лодолетты, из партера донеслись приглушенные рыдания, нарушившие тишину в зале, где зрители, захваченные музыкой, слушали меня не шелохнувшись, с предельным вниманием.

В зале произошло движение, раздался легкий шум. Я поняла, что это как-то связано с отцом. Так оно и было: он не вынес столь сильного волнения и разрыдался. Родным пришлось тут же увезти его домой.

В тот вечер Амилькар Менегель слушал пение Тоти Даль Монте в последний раз.

XII. Девятая симфония под управлением Тосканини

В начале 1919 года оркестр под управлением Тосканини впервые исполнил в Турине Девятую симфонию Бетховена. Это было незабываемое, грандиозное событие, которое вошло в анналы истории музыки как недосягаемая вершина исполнительского мастерства великого дирижера.

Мне выпала честь петь в тот вечер вместе с тенором Ди Джованни, басом Лузикаром и меццо-сопрано Бергамаско. Всех четверых отбирал сам маэстро.

Хор состоял из трехсот человек, тщательно проверенных вечно неудовлетворенным Артуро Тосканини, этим гением совершенства.

Ни мне, ни другим артистам, покорным малейшему взмаху дирижерской палочки Тосканини, подлинного демиурга оперной и симфонической музыки, во время работы с ним не выпадало ни одной спокойной минуты.

Престиж и власть этого крупнейшего дирижера с редкой музыкальной памятью, беспредельным мастерством, безошибочным вкусом и абсолютнейшим слухом были столь велики, что, едва он появлялся за пультом, такой простой и такой пугающе суровый, все внезапно робели и чувствовали себя совсем ничтожными.

Он обладал магической способностью возвеличить или буквально изничтожить одним-единственным словом. Вспышки его ярости были поистине фантастическими, его редкая, сдержанная похвала возносила до небес и буквально опьяняла нас.

Одни считали его слишком резким, другие — злым, третьи — очень жестоким. На самом же деле он был существом высшего порядка, на редкость чувствительным, беспрестанно искавшим в исполнении исключительного совершенства. Никто другой так не уважал партитуру исполняемого произведения.

Репетиции Девятой симфонии были поистине мучительными, но по мере того, как шли дни, удивительные результаты тщательнейшей работы Тосканини становились все более очевидными.

При первой нашей встрече маэстро слегка улыбнулся и сказал:

— А, наконец-то вы объявились…

Я понимала, что это не бог весть какая похвала, но все же

сильно приободрилась. Свою партию, каждый пассаж, каждую каденцию я разучивала с величайшим старанием. Тосканини сразу это заметил. Хотя он ничего мне не сказал, я догадалась по его виду, что он доволен моим пением.

Невозможно описать, как прошло первое исполнение симфонии. Тосканини превзошел самого себя, установив своего рода эталон, который в последующие тридцать пять лет никто не мог превзойти.

По окончании концертов в Турине Девятая симфония была исполнена в Миланской консерватории с тем же грандиозным успехом.

По пути из Турина в Милан я обедала в компании моих коллег в вагоне-ресторане. Тосканини с семьей ехал с нами. Должно быть, я съела испорченные консервы, потому что вскоре почувствовала себя очень плохо.

Добравшись до пансиона, я стала лечиться своими средствами и прежде всего мечтала хоть немного отдохнуть. Я совершенно ослабела и уже собиралась предупредить, что вечером не смогу выступить. Но потом, собравшись с последними силами, кое-как дотащилась до консерватории и пошла на генеральную репетицию, попросив, чтобы Тосканини не говорили о моем недомогании.

Я прилагала поистине героические усилия, чтобы петь как можно лучше, но в конце одной очень трудной каденции у меня на миг закружилась голова, и в наступившей глубокой тишине мне не удалось держать достаточно долго полное «си». Я смотрела на Тосканини, словно умоляя о пощаде, а он, улыбаясь и желая, видимо, меня утешить, сказал:

— Сегодня наш соловей немного охрип.

Я стояла ни жива ни мертва, не в состоянии ни возразить ему, ни оправдаться. Но я подозреваю, что кто-то сказал Тосканини о моем недомогании.

В августе я получила ангажемент на несколько представлений «Лодолетты» в театре города Карпи. Ценители музыки этого маленького провинциального городка в то время пользовались славой весьма требовательных зрителей.

По контракту я должна была выступать всего в четырех спектаклях, но в Карпи опера Масканьи произвела такой фурор, что шла тринадцать вечеров подряд.

Весь город жил «Лодолеттой» и для «Лодолетты». На улицах, в кафе, в тратториях и на службе все говорили только об этой опере и напевали наиболее полюбившиеся мотивы и арии. Где бы я ни появлялась, на меня буквально накидывались поклонники, все наперебой приглашали меня в гости. Пришлось сиднем сидеть

дома и выезжать только вечером на очередной спектакль.

Я припоминаю даже, что именем Лодолетты были мгновенно названы мороженое, затем какое-то традиционное кушанье этих мест, ткань — зеленый шелк, дамская прическа и т. д. То были поистине золотые времена для оперного театра!

Можете вы себе представить сейчас, чтобы в городке с пятнадцатью тысячами зрителей опера шла тринадцать вечеров подряд?

В Карпи я жила в семье художника Баньи, который подарил мне на память чудесный разрисованный им веер.

После Карпи я отправилась в Чезену, где снова пела Лодолетту.

Утром 12 сентября перед самой репетицией я получила телеграмму, сообщавшую о смерти отца. Убитая горем, в полнейшей растерянности и в каком-то отупении бродила я по комнате. Когда прошли первые минуты отчаяния, я решила немедля ехать в Пьеве ди Солиго, куда отца перевезли после нового кровоизлияния в мозг. Там он лежал в оставшемся после войны полевом госпитале.

В Чезене я была гостьей семейства Де Поль. Когда импрессарио узнал о моем решении уехать, он тут же примчался и стал умолять меня выступить вечером того же дня. Его настойчивые просьбы и уговоры дали тот единственный эффект, что мое отчаяние сменилось гневом. Я пришла в неописуемую ярость. Как смеет этот делец профанировать мое святое горе ради каких-то денег! Неужели он не понимает, что умер человек, которого я любила больше всех на свете? Ведь из моего сведенного судорогой рыдания горла не вырвется ни единой ноты!

Тут несчастный импрессарио бросился передо мной на колени и, всхлипывая, пробормотал:

— Синьорина, вы сто… тысячу раз правы. Я бы на вашем месте повел себя точно так же. Но умоляю вас… подумайте. Если этим вечером спектакль сорвется, я разорен, а у меня жена и пятеро детей. Нас всех выбросят на улицу. Я и так по уши влез в долги. «Лодолетта» — мой якорь спасения… Прошу, заклинаю вас, не бросайте меня на произвол судьбы…

Взволнованная и смущенная, я подумала, что в жизни провинциальных театров такие драматические эпизоды случаются нередко. Разве мало нашего брата, артиста, еще до меня оказывалось в подобном трагическом положении? Певцы, актеры, музыканты, клоуны пели, декламировали, играли, дирижировали оркестром, веселили зрителей… со смертельной тоской в сердце. Нет, я никогда не жалела, что уступила тогда отчаянным мольбам

бедного импрессарио. Более того, я и по сей день испытываю гордость оттого, что выполнила свой долг в столь тяжелую минуту. Я распрощалась с импрессарио, сказав, что не подведу его, но сейчас хочу остаться наедине со своим горем.

Я бросилась ничком на постель и все пыталась представить себе отца неподвижно лежащим в гробу, четыре горящих свечи и множество живых цветов. Но это мне не удавалось. Отец возникал передо мной живым, деятельным, ласковым, энергичным, то на дирижерском возвышении, то за фортепьяно. Вот он ведет меня за руку в консерваторию или ласково треплет по щеке. Я слышала его голос, вспоминала каждый его жест. Или он стоял у меня перед глазами, каким я видела его в последний раз, — несчастный, больной человек, обреченный на преждевременную смерть.

В тот день я выплакала все свои слезы до начала спектакля. Когда в дверь мою постучали, я нечеловеческим усилием воли заставила себя подняться, несколько овладела собой и прошла за кулисы. Я действовала словно лунатик.

Театр был переполнен, и необычно оживленная публика сгорала желанием поскорее познакомиться с новой оперой Масканьи, наслышавшись о ней самых восторженных отзывов.

Я облачилась в живописный костюм голландки, надела деревянные сандалии, с помощью грима скрыла следы недавно пролитых слез и, призвав все свое мужество, приготовилась выйти на сцену.

Я не любила пользоваться снисхождением зрителей. Выходя из-за кулис, я мысленно поручила себя милосердию господа и запела свою игривую арию.

Но худшее ждало меня впереди: ведь мне предстояла сцена, когда Лодолетта видит смерть отца, потом идет за скорбной траурной процессией и, наконец, одинокая, убитая горем возвращается в свою жалкую хижину.

Исполняя арию о смерти отца Лодолетты, я оплакивала смерть моего дорогого папочки, в ту минуту бесконечно далекого от меня.

До сих пор не могу понять, как удалось мне выдержать это страшное испытание, и не перестаю удивляться, как из моего зажатого, точно тисками, горла смогла вырваться хоть одна нота.

Несмотря ни на что, мой успех превзошел все ожидания. Как прежде в Карпи, жители Чезены буквально обезумели от восторга. Аплодисменты нарастали и ширились, подобно бурному морскому прибою.

Когда в зале начали тушить огни, распространился слух о постигшем меня несчастье и о моем решении не срывать

спектакля. Добрые чезенцы были совершенно потрясены.

Выходя после окончания спектакля, я прошла мимо двух рядов молчаливых и растроганных людей. Никто не проронил ни единого слова, никто не захлопал, пока я шла по этому «коридору». Этим молчаливым присутствием зрители хотели выразить мне свою благодарность и глубокое сочувствие моему горю.

И снова начались скитания из города в город.

В Генуе я опять пела в «Риголетто», который был тогда моим коньком.

Затем я получила роль в «Искателях жемчуга» Бизе. Дирижировал оперой маэстро Паскуале Ла Ротелла, а партнерами моими были тенор Марчелло Говони, один из наиболее тонких и умных певцов среди всех, что я встречала за мою долгую карьеру, и баритон Ното.

В ноябре, сначала в Ферраре, а затем в Брешии, я пела «Сомнамбулу», ту самую партию, которую разучивала еще с Барбарой Маркизио, передавшей мне весь богатый опыт прошлого и познакомившей со всеми особенностями интерпретации этой роли и стилем исполнения таких великих певиц, как Аделина Патти и Карлотта Маркизио.

В конце года я с радостью возвратилась в туринский театр «Реджо», где дебютировала в двух новых операх. Мне была поручена партия Арджелии в «Дейаниче» композитора Каталани и роль героини в «Секрете Сюзанны» Эрманно Вольф-Феррари.

«Дейаниче» была поставлена благодаря энергичным требованиям Тосканини, который в те годы настойчиво боролся за достойную оценку и признание опер Каталани. Оркестром дирижировал Этторе Паницца, главные партии исполняли знаменитая Эстер Мацколени и тенор Таккани. Постановка оперы была безукоризненной. Самой высокой похвалы заслуживали костюмы и декорации.

Мой небольшой рост заставил постановщиков заказать для меня специальную обувь на высоком каблуке.

Тосканини приехал из Турина на генеральную репетицию. В перерыве он зашел в мою уборную и резко сказал:

— Убери эти ходули! Надень обычные сандалии!

Тосканини страдал сильной близорукостью, но, как это ни удивительно, видел все, что происходит на сцене, вплоть до мельчайших деталей.

Я беспрекословно подчинилась, пожертвовав кокетливым желанием казаться повыше, но зато обретя возможность куда свободнее двигаться по сцене.

В «Секрете Сюзанны», этой короткой, легкой, сверкающей

яркими красками опере, я пела под руководством поистине гениального дирижера Серджо Фашони и чувствовала себя счастливой, что серьезным и хорошо отработанным исполнением могу отблагодарить спустя много лет маэстро Вольф-Феррари за ту доброжелательность, которую он проявил ко мне на приемных экзаменах в консерватории Бенедетто Марчелло.

XIII. Мои цветы

Тысяча девятьсот двадцатый год начался для меня удачно, но тоска по умершему отцу не утихала ни на час.

В январе я вернулась в генуэзский театр «Политеама», где снова пела в «Риголетто». На этот раз мне довелось выступать с тенором Джакомо Лаури-Вольпи, которому также улыбалась блестящая карьера. Он отличался некоторыми странностями, но голос у него был поистине бесподобный. В историю театра навсегда войдет его неподражаемое исполнение Вильгельма Телля в театре «Ла Скала», он с необычной легкостью брал полное «до» своим удивительно приятного тембра голосом. А сколько счастливого, беззаботного легкомыслия было у Вольпи в песенке «Сердце красавицы склонно к измене»! Не часто встречаются такие оперные артисты. Достаточно сказать, что сейчас, когда я пишу эти строки, Лаури-Вольпи отважился вновь выступить в трудной роли Манрико в «Трубадуре» Верди и притом с грандиозным успехом.

В 1920 году Лаури-Вольпи, как и я, только начинал свой артистический путь. Он был в расцвете сил и горел желанием не останавливаться на достигнутом. Понятно, это был памятный «Риголетто», принесший много радости мне и моему партнеру.

Немного спустя мне посчастливилось петь в театре «Фениче», главном театре моей любимой Венеции. И снова я исполняла партию Джильды в «Риголетто».

В мае я спела Лодолетту в городе Тревизо, жители которого справедливо считали меня своей землячкой, так как я родилась неподалеку, в Мольяно, а родители мои — в близлежащем Солиго. Дирижировал спектаклем Паолантонио, постаравшийся создать яркое, запоминающееся представление.

На последнем спектакле тревизцы устроили настоящее празднество в мою честь. В театре яблоку негде было упасть, множество людей приехало из провинции, и особенно из Солиго. Зрители буквально опустошили все сады города и засыпали нас белыми розами.

Внезапно на макушку мне свалился какой-то тяжелый предмет — это была роза, но такая огромная, что походила, скорее, на кудрявый кочан капусты.

Все последнее действие мы пели под градом белоснежных лепестков, заменивших искусственные снежные хлопья. Запах роз был таким сильным и одуряющим, что, помнится, у меня даже закружилась голова.

* * *

Мне хочется сказать, что я любила и люблю цветы страстной и, как некоторым может даже показаться, болезненной любовью.

Для меня нет ничего более прекрасного, волнующего и трогательного, чем цветы. Я не люблю причудливых цветов, таких, как орхидеи, в которых есть что-то плотское, они кажутся мне похожими на животных. Даже розы с очень длинными стеблями, специально выведенные цветоводами, не вызывают во мне особой симпатии. Я предпочитаю им фиалки, цикламены, жасмин, садовые розы — словом, маленькие и скромные цветы. Я наслаждаюсь их запахом, красками, гармонией их форм, их чарующей хрупкостью. Мне нравится делать из них небольшие букетики и украшать ими гостиную, кабинет, спальню.

Когда я любуюсь ароматным букетом цветов, меня охватывает щемящее и одновременно нежное чувство, сердце наполняется сладким волнением и кажется даже, что я становлюсь лучше и чище.

Поэтому я всегда с радостью принимала и принимаю бесконечные цветочные подношения. Ни разу я не взяла букет цветов небрежно и равнодушно, как это случается иногда с другими артистами.

После спектакля, как бы поздно он ни кончился, я всегда нахожу время развязать букеты и поставить их в вазы. Я просто не в силах уснуть, если не освобожу цветы от больно стягивающего их шнурка.

Самым ярким воспоминанием, увезенным мною из Японии, было то неподражаемое искусство, с каким в этой стране выращивают цветы редкой красоты и изящества. Там цветы действительно обладают даром речи и многое говорят сердцу каждого японца: будь то женщина, юноша, старик или мальчик — безразлично, из какой среды.

Японцы с поистине неподражаемым мастерством умеют составлять букеты и декоративные украшения из цветов. И это признак не только душевной тонкости, но и высокой древней культуры.

* * *

После гастролей в Тревизо я получила от агентства «Тавернари» предложение совершить летнее турне по городам Италии. Мы везли с собой «Севильского цирюльника», в котором кроме меня пели баритон Молинари, тенор Дженцарди и бас Ди

Жулио, а дирижером был неизменный Паолантонио. Дебютировали мы в Парме, а затем гастролировали в Реджо-Эмилии, Модене, Брешии, Ферраре, Падуе, Тревизо, Венеции и в других городах.

Паолантонио тщательно работал над каждой сценой и требовал от меня необычайной живости исполнения в роли Розины.

— Главное — не будь монотонной, — предупреждал он меня. — Больше легкости, огонька. Твоя героиня должна быть яркой, очаровательной, лукавой.

Наше турне было довольно трудным, не обошлось и без недоразумений, нелепых случайностей, ошибок. Я могла бы привести немало забавных и комичных случаев. В Парме, одном из самых требовательных к оперному искусству городов, был тогда великолепный хор, пользовавшийся поистине мировой славой. Хористы из пармского театра, блиставшие прежде всего в операх Верди, обычно кочевали между Пармой и Нью-Йорком, так как «Метрополитен-опера» неизменно заключала с ними контракт. Летом 1920 года хор на короткое время решил отдохнуть в своем родном городе. Мы выступали в театре «Рейнах» и ангажировали большую часть хористов, что сослужило нам добрую службу.

Тонкие ценители бельканто, хористы очень симпатизировали нам. Они сразу же начали «болеть» за «патанейн», как они ласково меня окрестили. Я не знаю в точности, что означает «патанейн» на пармском диалекте, но покойный Мемо Бенасси, с которым меня связывала большая, нежная дружба, объяснил, что так местные жители называют маленькую ягодку или вообще что-то миниатюрное.

Тоти Даль Монте пятнадцати лет

Чио-Чио-Сан. «Чио-Чио-Сан» Дж. Пуччини

Для меня партия Розины была совершенно новой — понадобилось же импрессарио выбрать для моего дебюта именно Парму! И вот хористы, поклонники «патанейн», в полной тайне от меня решили в самом начале второго действия меня подбодрить. Они стали шумно аплодировать, когда я вышла на сцену, и кричать «браво».

Лучше бы они этого не делали!

Раздраженные продолжительными овациями, зрители начали свистеть и кричать: «Долой, долой!»

Такое начало второго действия было для меня сюрпризом, но весьма скверным сюрпризом. От волнения в горле у меня пересохло и я вся дрожала. До этого ни разу не случалось, чтобы меня освистали.

Я поняла, что зрители настроились враждебно ко мне, решив, что певица заплатила хористам за «шумную рекламу». Все же овладев собой, я подошла к авансцене и, собрав все свое мужество, запела: «В полночной тишине…» Я пела так вдохновенно и уверенно, что уже после первых фраз сами зрители дружно зааплодировали, заставив дирижера опустить палочку. Когда публика наконец успокоилась, пришлось повторить все с самого начала.

* * *

На время карнавала меня из года в год приглашали петь в генуэзском театре «Политеама». На этот раз я выступала там не только в «Риголетто», но и в опере Доницетти «Сомнамбула».

Моим партнером был тенор Джино Борджоли.

Зрители восторженно встретили двух молодых певцов, исполнявших ведущие роли.

В эти годы Борджоли тоже выдвигался в оперном театре.

После Генуи я пела Джильду в пармском театре «Верди». Этот театр, поврежденный бомбежкой во время войны, был полностью восстановлен, и для открытия сезона был приглашен ни больше, ни меньше, как знаменитый баритон Маттиа Баттистини, чья долгая и блистательная карьера приближалась к концу. Петь вместе с великим артистом было для меня огромной радостью. Добрый и милый человек, он щедро делился со мной своим опытом, давал советы и дружески хвалил меня.

В марте 1921 года я приехала в Рим, где выступила в театре «Костанци», как назывался тогда нынешний оперный театр. Энергичной и волевой директрисой театра была великолепная певица, сопрано Эмма Карелли, жена импрессарио Вальтера Мокки.

В «Риголетто» вместе со мной пели и тенор Ипполито Ладзаро и баритон Сегура Талиен.

Здесь впервые я столкнулась с неожиданным для себя явлением. Когда на генеральной репетиции в благоговейной тишине я спела арию «Внемля имени его…», в зале возник легкий шум. Странно, что бы это могло значить?

Уйдя за кулисы, я шепотом спросила у помощника режиссера, что происходит.

— Синьорина, это оркестр аплодирует вам за прекрасное исполнение арии. Знаете, такое случается весьма редко!

Так я узнала, что оркестр, когда его покоряет мастерство певца и он хочет выразить свое одобрение, начинает постукивать смычками по своим инструментам, и это ритмичное постукивание — высшее признание таланта исполнителя.

Огромный успех «Севильского цирюльника» позволил мне прочно закрепиться в театре «Костанци», и, главное, со мной подписали контракт на двухгодичное турне по Южной Америке. Грозный и всемогущий импрессарио Вальтер Мокки предложил мне ангажемент.

Я никогда не зазнавалась, это могут подтвердить все мои коллеги, но должна признаться, что этот контракт наполнил меня гордостью. Я предавалась мечтам о плавании на океанском пароходе в каюте первого класса, о роскошных туалетах, об изысканном ужине и даже о бриллианте, настоящем, сверкающем бриллианте.

Тоти! Тоти! Как далеко ты шагнула, и как изменилась жизнь некогда маленькой девочки в льняном передничке, бегавшей по

улочкам родного Мольяно. Могла ли я тогда представить, что мне придется не раз пересекать Тихий, Атлантический и Индийский океаны?

До отплытия в Америку, выполняя условия контракта, мне пришлось поехать в Катанию, где в театре «Беллини» я пела в операх «Риголетто», «Искатели жемчуга» и «Сомнамбула». Выступления прошли успешно еще и потому, что меня вдохновляла мысль о предстоящем турне по Америке.

Закончив гастроли в Катании, я помчалась в Милан, чтобы подготовиться к отъезду.

В те времена побывать в Новом Свете было совсем нелегко. Нужно было оформить разные документы и получить множество виз.

Мой контракт предусматривал выступления в Буэнос-Айресе, Рио-де-Жанейро, Сан-Паоло, Розарио, Кордове и Монтевидео, причем мне предстояло петь в операх «Риголетто», «Фальстаф», «Богема», «Миньон».

В состав великолепной труппы, набранной Вальтером Мокки, входили Габриэлла Безанцони, Роза Райза, баритон Римини, тенора Мингетти, Аугусто Конкато, тенор Пиккалуга и другие первоклассные певцы.

В конце апреля 1921 года мы погрузились в Генуе на пароход «Томмазо ди Савойя». Я была счастлива и сгорала от нетерпения увидеть новый для меня мир, испытать неизведанные чувства.

XIV. Первое южноамериканское турне

Моя радость мгновенно померкла и на глаза навернулись слезы, едва пароход снялся с якоря, провожаемый прощальными возгласами и напутствиями толпы, собравшейся на пристани.

Когда скрылись вдали огни маяка, я почувствовала себя совершенно опустошенной. Первое расставание с родиной вызвало грустные мысли. Отца больше нет со мной, моя любимая наставница тоже ушла навсегда, а полугодовая разлука с родными, с Миланом и Венецией бесконечно пугала меня.

Первые часы путешествия были самыми тоскливыми, тяжелые воспоминания нахлынули на меня. Но вскоре меня окружили самые заядлые весельчаки нашей труппы с Вальтером Мокки во главе и помогли справиться с хандрой.

Три недели плавания до берегов Бразилии прошли почти незаметно. Я до сих пор с благодарностью вспоминаю дружескую поддержку веселой, жизнерадостной Конкато, неизменно шутившей на венецианском диалекте, Розы Райзы да и других коллег.

Каждый день нас ждал какой-нибудь приятный сюрприз. По достоинству оценила я и разнообразное меню. Но все же мне не терпелось поскорее ступить на американскую землю.

Дебютировала я в Буэнос-Айресе в театре «Колизео», где спела Джильду. Публика была в восторге, но я очень ждала оценки критиков, и вскоре в газетах написали обо мне как о «превосходной певице» и «подлинном откровении».

Не меньший успех выпал на мою долю и в опере «Миньон». Я пела Филину, а партию Миньон исполняла меццо-сопрано Габриэлла Безанцони, обладавшая красивым, чарующим голосом и отличным сценическим мастерством.

Мне пришлось выдержать заочное состязание с прославленной Барриентос, кумиром южноамериканской публики. Год назад в театре «Колон» она с большим успехом выступала именно в партии Филины.

К счастью, знаменитый полонез Филины, представлявший серьезные технические трудности, со мной прекрасно разучила еще Барбара Маркизио. Я победила в этом поединке, зрители, мои поклонники и критика единодушно это признали.

* * *

Сценический успех неизменно сопутствовал мне во время турне по Америке. В Бразилии кроме «Риголетто» подлинным триумфом завершилось мое выступление в опере Гомеца «Раб».

Мое первое знакомство с Южной Америкой вылилось в бесконечное чередование выступлений и переездов. Я жила, словно в прекрасном сне, который вскоре нашел свое материальное воплощение в двух великолепных бриллиантах, до сих пор напоминающих мне о первом заокеанском путешествии. Я сделала себе отличный подарок и кое-что даже сумела отложить. Я упоминаю об этом лишь потому, что с тех пор взяла себе за правило тщательно подсчитывать свои ресурсы и, что называется, «по одежке протягивать ножки».

Турне было в самом разгаре, когда совершенно неожиданно я получила из Милана телеграмму: Тосканини предлагает мне роль Джильды в новой постановке «Риголетто», включенной в репертуар «Ла Скала» на сезон 1921/22 года. Но я не могла принять это предложение, так как была связана контрактом с Вальтером Мокки.

С 1916 года мечтала я выступить на сцене «Ла Скала» в какой-нибудь ведущей партии, и вот теперь, когда представилась такая возможность, меня нерасторжимо связал двухгодичный контракт.

Горя желанием петь в «Ла Скала», расстроенная, не зная, что в конце концов предпринять, я обратилась за советом к Паолантонио.

— Безнадежное дело! Вальтер Мокки шутить не любит.

И все же я решила поговорить с ним. Мокки был настоящим синьором: элегантным, изысканно вежливым, но неумолимым. При одном взгляде на него артистов охватывал страх, где уж тут отважиться на разговор, но я рискнула попытать счастья, собираясь поговорить с ним честно и открыто.

На следующий день мне удалось попасть к Мокки на прием, и, на мое счастье, грозный импрессарио пребывал в отличном расположении духа.

— О, Тотина! Зачем я тебе понадобился? Захотела икры? — воскликнул он, едва я вошла в комнату (он знал, что я обожаю черную икру).

— Какая там икра! Простите меня за смелость, но я хочу побеспокоить вас по одному важному делу, важному, понятно, для меня одной, — робко проговорила я.

— Ну что ж, послушаем.

Я собралась с духом и молча протянула ему телеграмму.

Вальтер Мокки прочел ее раз, другой, и по его лицу я поняла, что он недоволен. Наконец он сказал:

— Ничего не могу поделать. Ты сама знаешь, что связана со мной двухгодичным контрактом.

Я превратилась в само смирение и ответила, что у меня и в мыслях не было нарушать контракт, просто я считала своим долгом сообщить патрону о предложении «Ла Скала».

Тут меня осенила счастливая мысль: за день до этого в Рио-де-Жанейро состоялся большой концерт, в котором приняла участие и я. И вот я напомнила Мокки, как, обращаясь со вступительным словом к зрителям, он сам сказал, что надо поощрять и поддерживать молодых талантливых певцов. Мокки задумался. Я поняла, что попала в цель.

Две-три минуты Мокки молча шагал из угла в угол, затем вдруг его нахмуренное лицо озарилось дружеской улыбкой, он подошел ко мне и, легонько шлепнув меня по щеке, воскликнул:

— Ну что ж! Поезжай!! Я даю тебе полную свободу!

Невозможно даже приблизительно описать мое счастье, мой восторг. Голова у меня кружилась, я ничего не понимала, плакала и смеялась от радости.

В порыве благодарности я бросилась на шею своему доброму гению.

— Да-да, поезжай, поезжай в Милан. Ты свободна, я не хочу мешать твоей карьере. Но прошу тебя не забывать о нашем контракте.

Я с плачем выбежала из комнаты. У сурового и непреклонного кондотьера оперного театра душа оказалась великодушной и отзывчивой. С именем Вальтера Мокки и его жены Эммы Карелли связаны милые сердцу воспоминания о решающих, переломных моментах в моей карьере.

По возвращении в Италию Милан показался мне совсем иным. Я чувствовала себя более уверенно, но в то же время ни на минуту не забывала о возросшей ответственности.

Особенно волновала меня встреча с исключительно взыскательным Тосканини.

Я узнала, что маэстро отверг после первых же проб нескольких итальянских и иностранных претенденток на роль Джильды. Мое имя было названо Тосканини синьорой Карлой, его женой.

Синьора Карла слышала меня в роли Джильды в театре «Костанци» перед своим отъездом в Неаполь, где должна была встретить мужа, возвращавшегося из Соединенных Штатов. Ее слово оказалось решающим, и Тосканини отправил мне в Рио-де-Жанейро телеграмму.

Когда я проходила мимо «Ла Скала», сердце у меня билось сильно-пресильно. Приближался день моей встречи с Тосканини,

скоро я останусь с ним один на один в знаменитом красном репетиционном зале. Настало время собрать в кулак все свои силы и мужество.

XV. «Риголетто» в постановке Тосканини

Премьера оперы «Риголетто», поставленной Тосканини летом 1921 года в «Ла Скала», навсегда войдет в анналы истории итальянского оперного театра.

Достаточно сказать, что опера шла две недели подряд при переполненном до отказа зале; она шла бы и дольше, если бы не репертуарные требования, заставившие прервать представления «Риголетто». Много зрителей приехало специально ради этих спектаклей из Франции, Германии, Англии и особенно из Швейцарии.

Само собой разумеется, сценическое оформление оперы было совершенно новым, продуманным весьма тщательно, до мельчайших деталей. Необычайно сильной и драматичной была сцена бури в последнем действии.

Однажды на спектакль пришел скульптор Бистольфи, большой друг Тосканини.

— Как понравилась тебе постановка «Риголетто»? — спросил Тосканини.

— Все великолепно! — воскликнул Бистольфи.

— А какое впечатление произвела буря в четвертом действии?

— Знаешь, мне инстинктивно захотелось раскрыть зонт.

Эта фраза вскоре стала известна всему Милану.

Попытаюсь рассказать, как напряженно и вдумчиво работал Тосканини с исполнителями на репетициях.

Он был так требователен, так входил во все детали, что вначале я даже растерялась.

Кроме меня в опере пели баритон Галеффи, тенор Лаури-Вольпи, бас Мансуэто и меццо-сопрано Бертана.

Я никогда не забуду одну репетицию в красном зале «Ла Скала». Всю первую половину второго действия заняли дуэты с баритоном и с тенором. Тосканини прервал меня всего трижды, сделав несколько мелких замечаний. Он посоветовал мне спеть фразу «Какая нежность и забота…» с большим легато. Попросил повторить ее и после второго раза остался вполне доволен.

Наконец я дошла до знаменитой арии «Внемля имени его…». Я очень волновалась, но постаралась спеть ее как можно лучше. Тосканини остановил меня и сказал:

— Послушай, дорогая Тоти. В техническом отношении ты исполняешь арию безукоризненно. Но, черт побери, этого же

мало. Прежде всего ты должна понять, что героини Верди любят одинаково: Джильда, как Аида, Леонора, как Виолетта… Все они испытывают тот же трепет… И все же разница есть. Как ты думаешь, почему Верди написал эту арию в манере стаккато? Из прихоти? О нет, нет! Верди применил технику коротких пауз для того, чтобы живее передать смятение девушки, в сердце которой впервые зажглась любовь. При одной мысли о возлюбленном, смутившем ее душу нежными словами, у нее прерывается дыхание. В музыке Верди звучит смятение. Вот почему его героиня поет, как бы отделяя каждый слог: «внем-ля и-ме-ни е-го…». Если ты поймешь состояние Джильды, твой голос сумеет передать те чувства, которые хотел выразить композитор.

Слова маэстро ярким светом озарили мне всю эту знаменитую сцену, и я поняла, как глубоко проникся Тосканини духом музыки великого композитора.

Повторяя арию, я уже не беспокоилась о технике, а позволила заговорить сердцу Джильды, как хотел этого Верди.

Еще одно важное замечание сделал мне Тосканини в четвертом действии, в сцене смерти Джильды. Он сказал:

— Помни, что, когда Джильда произносит свои прощальные слова, она уже мысленно рассталась с жизнью. В этой арии есть что-то неземное. Тут нужен нежный, ангельский голос, взывающий с мольбой к небесам. Если ты проникнешься душевным состоянием Джильды, голос сам по себе будет звучать печально.

Впоследствии я всегда исполняла эту роль так, как мне подсказал Тосканини, и она неизменно вызывала у зрителей живейшее сострадание к героине. Когда закончилась первая репетиция, мои страхи сменились огромной радостью. Хотя Тосканини ничего не сказал мне, я поняла, что удачно выдержала трудное испытание. Очень напряженными были и репетиции, проводившиеся непосредственно на сцене. Я помню все советы, которые давал Тосканини моим коллегам.

С Галеффи он провел всю сцену из третьего действия, перевоплотившись на время в Риголетто и показывая певцу каждый жест, выражение лица, каждый речитатив, взрывы гнева обманутого шута.

Сколько страсти и самых разнообразных чувств вкладывал Тосканини в свое исполнение! Как глубоко умел он проникать в сокровенные глубины музыки Верди!

Во время одной из репетиций, в перерыве, Тосканини пришлось принять в своей артистической уборной непрошеного посетителя, который во что бы то ни стало хотел поговорить с великим маэстро. Секретарю театра «Да Скала» Аните Коломбо не

удалось его выпроводить, и она очень волновалась, видя, что назойливый субъект никак не уходит.

Когда незнакомец наконец удалился, Анита Коломбо попросила у маэстро извинения за то, что не смогла предотвратить это вторжение.

— Ничего, — ответил Тосканини, — пока он говорил, я мысленно повторил все четвертое действие.

— Но кто это был? — спросила Коломбо.

— Право, затрудняюсь вам ответить, — улыбнулся Тосканини.

После генеральной репетиции, сняв костюм и грим, я, сгорая от нетерпения, решила узнать суждение Тосканини о моем исполнении. Я выбежала со сцены и в коридоре столкнулась с Тосканини; он вместе с синьорой Карлой и несколькими друзьями уже направлялся к выходу.

Маэстро сразу понял, что́ я собираюсь у него спросить. Он обнял меня и громко сказал:

— Дорогая малышка, если ты споешь так же и на премьере, нас ждет успех, какой «Ла Скала» не снился тридцать лет!

* * *

Не могу не привести отзывов обо мне крупнейших музыкальных критиков Милана.

На страницах «Коррьере делла Сера» Чезари писал: «… удивительная чистота пения сочетается у Тоти Даль Монте в партии Джильды с редкой способностью легко передавать все оттенки чувств, даже в наименее выигрышных эпизодах. Ее исполнение отличается изяществом, но без манерности и слезливости. Красота голоса в сочетании с естественной фразировкой говорит о подлинном искусстве».

А вот рецензия Орефиче в «Секоло»: «Тоти Даль Монте преподнесла нам очередной сюрприз, спев сцену смерти на одном дыхании, как это и мыслилось Верди, и прекрасно модулируя голос».

Карло Гатти в «Иллюстрационе итальяна» отмечал: «Эта превосходная и умная драматическая актриса, обладающая серебристым, нежным и звонким голосом, блистательно выдержала испытание, и ее смело можно назвать одной из наших многообещающих и талантливых певиц».

В заключение приведу еще одну выдержку из «Коррьере делла Сера»: «Такого исполнения роли Джильды мы не слышали уже много лет».

Среди множества людей, пришедших поздравить меня с успехом, я увидела и Лусарди, самого грозного импрессарио того времени. Он пришел с таким большим букетом цветов (вещь для него неслыханная!), что еле протиснулся в дверь.

С ним были связаны контрактом такие замечательные певицы, как Лабиа, Муцио, Скаччати. Однажды они по собственной инициативе из симпатии ко мне пришли к Лусарди и сказали:

— Теперь вы можете быть довольны. Наконец-то вы нашли певицу, которую так долго искали!

— Кто это? — удивился Лусарди.

— Тоти Даль Монте.

— Конечно, конечно, она молодец, поет хорошо, но не будем преувеличивать, — ответил Лусарди.

И вот он положил на мой стол букет цветов, не проронив ни слова, сел рядом, затем встал, поцеловал меня и удалился.

Молчание грозного импрессарио ясно показало, что мой успех поразил его.

* * *

И на этот раз я поселилась в пансионе синьоры Поли на виа Паскуироло, 3. Я, конечно, могла снять номер в первоклассной гостинице, но предпочла приятную и дружескую атмосферу, царившую в пансионе синьоры Поли. К тому же моя добрая хозяюшка сделала вид, будто не замечает, что я приехала к ней с моей любимой собачкой Пирипиккио.

Я всегда обожала собак. Их у меня было несколько, хотя они и доставляли мне массу хлопот и неприятностей. Сейчас моим тираном стал Жолли, на редкость красивый чистокровный английский пудель с серебристо-серой кудрявой шерстью.

Вместе со мной и собачкой в пансионе синьоры Поли появилась весьма любопытная фигура — мой личный секретарь, элегантный, но немного тучный испанец, не расстававшийся с моноклем, «muy valiente senor Colodron».[6]

Очень деятельный и на редкость тактичный, синьор Колодрон обращался ко всем торжественно и начинал свою речь неизменным «nosotros»,[7] имея в виду, понятно, и своего «шефа», то есть меня.

Он приходил в пансион несколько раз в день. Когда я посылала моего верного секретаря с каким-нибудь поручением в театр к импрессарио, к Клаузетти или к лавочникам, он вежливо объяснял, что «nosotros» желаем то-то и то-то, «nosotros» придем в

такое-то время, «nosotros» хотели бы купить вот это.

Очень скоро синьор Колодрон стал весьма популярен в театральных кругах Милана, а некоторые его особенно красочные обороты вошли в поговорку.

Среди прочих важных дел, я поручила ему бдительно следить за моим песиком. Да-да, потому что Пирипиккио отличался необыкновенной живостью и склонностью к внезапным исчезновениям.

Однажды вечером, часов в семь, собираясь в «Ла Скала» на четвертое представление «Риголетто», я имела неосторожность, выйдя на миг из комнаты, оставить дверь приоткрытой. С ловкостью хорька Пирипиккио проскользнул в коридор. Волею случая в это время оказалась незапертой и дверь, ведущая на лестницу. Не долго думая, Пирипиккио выскочил за порог и в два прыжка очутился на улице.

Вернувшись в комнату и не найдя собачки, я заволновалась.

— Скорее, скорее… ловите Пирипиккио!.. Он убежал!.. Догоните его! — закричала я.

Колодрон, служанка и я втроем бросились в погоню. Но Пирипиккио и след простыл. Ужасно беспокоясь за судьбу пропавшего песика, я пришла на спектакль расстроенная, вся в слезах. Пела я как бог на душу положит, ибо мысли мои блуждали далеко-далеко.

В антракте между вторым и третьим действиями Тосканини пришел в мою артистическую уборную и спокойно сказал:

— Что ты сегодня такое съела? Я измучился, слушая тебя.

Я разразилась слезами и поведала ему о своем горе.

— Ну ладно, постарайся петь дальше, как следует, а я уж тебе обещаю, что «Ла Скала» найдет твоего Пирипиккио.

На другое утро за счет театра были расклеены печатные объявления, обещавшие солидное вознаграждение тому, кто отыщет и вернет Тоти Даль Монте ее собачку. Далее следовали приметы моего любимца.

Вечером Пирипиккио снова был со мной, голодный, сконфуженный, громко лаявший от счастья.

Я тоже была бесконечно рада и на следующий спектакль явилась уже совсем в ином настроении.

— Довольна? — спросил Тосканини, видя меня улыбающейся и веселой. — «Ла Скала» и не то может… «Ла Скала» может творить чудеса, моя дорогая Тоти. А теперь постарайся спеть лучше, чем вчера, прошу тебя.

* * *

По истечении контракта с «Ла Скала» я возобновила гастрольные поездки по разным городам страны. Сразу же было видно, что после успешного выступления в «Риголетто» под руководством Тосканини мои акции резко повысились.

В марте 1922 года я приехала в Феррару, где вместе с Пиккалуга и Аугустой Конкато должна была выступить в опере Каталани «Дейаниче». Дирижер спектакля, мой дорогой друг Паолантонио, поручил мне партию Арджелии.

Едва закончились гастроли в Ферраре, выгодный контракт заставил меня — к несчастью, как потом выяснилось, — немедленно отправиться в Милан, а затем в Казале Монферрато, где мне предложили петь Розину в «Севильском цирюльнике» с гонораром 1300 лир за каждое выступление.

Хотя был уже март, снег валил вовсю. Прибыв заполночь в Милан, я не смогла найти извозчика, а разыскать крайне редкие тогда такси было почти безнадежно. Одна, уставшая, промерзшая, я, постояв под непрерывно падающим снегом на привокзальной площади, решила поискать гостиницу, где можно было бы отдохнуть и выспаться. Тут, вероятно, сжалившись над моим несчастным видом, ко мне подошел какой-то синьор и предложил свое содействие. Он помог мне сесть в трамвай, идущий в центр. И здесь началась трагическая эпопея: лаконичное «все занято». Даже в пансионе Поли ни за какие сокровища нельзя было достать свободную комнату. Наконец, в гостинице «Венеция» мне предложили остановиться в ванной комнате, где стояла раскладная кровать и… была невыносимая духота.

Надо быть певцом, чтобы понять, какой серьезной опасности я подвергалась, очутившись в насквозь промокших туфлях, продрогшая до костей, в жарко натопленной ванной.

Всю ночь я не сомкнула глаз. Туфли, поставленные сушиться на батарею, так покоробились, что утром почти немыслимо было их надеть. Все же с превеликим трудом я втиснула в них ноги и, ощущая адскую боль, отправилась на вокзал.

Снегопад все еще продолжался, но я неустрашимо села в поезд вместе с группой офицеров, оказавшихся весьма галантными и предупредительными.

По случаю снежных заносов мы прибыли в Александрию с опозданием, когда поезд на Казале уже ушел. Пришлось остаться в этом городке на ночь. Я сильно проголодалась. Мне принесли в номер четверть цыпленка, по твердости ничуть не уступавшего бутафорскому цыпленку, которого подавали в «Паяцах».

На следующее утро я отправилась в Казале. Плохо осведомленная, я села в курьерский поезд, битком набитый торговцами, которые нещадно дымили трубками или сигаретами.

А я, окутанная облаками дыма, думала, как лучше исполнить вариации из «Севильского цирюльника».

Через несколько остановок проводник объявил, что мне надо пересесть в другой поезд. Я стала лихорадочно собираться. Меня высадили из вагона, провели в другой, кое-как положили мой чемоданище на багажную полку. Поезд тронулся рывком, чемодан свалился мне на голову, и от боли у меня искры посыпались из глаз. Наконец, благословение богу, мы прибыли в Казале. На перроне толпился народ. Спрашиваю у соседа по вагону, что происходит. В те времена разгула фашистских репрессий и бесчинств, едва собиралась толпа, каждую минуту можно было ждать самого худшего.

Сосед успокоил меня:

— Это городские власти пришли встретить вас, синьорина.

Полумертвая от усталости, чувствуя, что голова у меня разламывается, я сошла с поезда. Вижу, что важные синьоры во главе с мэром города идут мне навстречу. Когда я убедилась, что они действительно явились на вокзал ради меня, я забыла о головной боли, о нещадно жавших ноги туфлях, о снеге и одарила любезных синьоров самой очаровательной из своих улыбок.

Меня торжественно препроводили в гостиницу «Красная роза» и в виде особой чести поселили в комнате, где бог весть когда останавливался Виктор Эммануил II, о чем гласила соответствующая надпись. Комната была огромной, мрачной и полной таинственности; согревал ее большущий старинный камин. Когда его разожгли, гостиница чуть было не запылала, как чудовищный костер. Я не успокоилась, пока меня не перевели в другую комнату, менее роскошную, но зато более приветливую.

На следующий день я пела в «Севильском цирюльнике», и, право же, во всех отношениях это был «Цирюльник» с большой буквы.

В конце концов я была даже рада, что выступила в этом городке.

Худшее ждало меня в апреле, во время представления «Севильского цирюльника» в сицилийском городе Ачиреале. В нем была тогда одна-единственная гостиница, да вдобавок еще прескверная.

Моя артистическая уборная, если только ее можно так назвать, имела деревянный пол с потрескавшимися половицами. Из щелей шел противный запах: вероятно, внизу было стойло. Пришлось одеваться прямо на сцене, к вящему изумлению персонала театра.

Турне по Сицилии завершилось торжественным вечером в

Палермо, на котором присутствовал король Виктор Эммануил III.

До этой сицилийской поездки я выступала в римском театре «Костанци», где вместе с Сегурой Талиеном и Мингетти пела «Лодолетту» под управлением Масканьи. Столица встретила меня столь же восторженно, как и год назад. Особенно дороги мне были похвалы Пьетро Масканьи. Он пожелал лично выразить свою глубокую признательность за тот творческий жар, с каким я с февраля 1918 года несколько лет подряд исполняла роль героини в «Лодолетте».

Масканьи был обаятельным человеком. Я бережно храню его фотографию с собственноручной надписью: «Вы поете прекраснее феи».

XVI. Между молотом (Тосканини) и наковальней (Гуарньери)

Лето 1922 года было очень тревожным. Беспрестанные забастовки протеста против фашистских бесчинств, насильственный приход к власти Муссолини. В таких условиях довольно неприятно было совершать гастрольные поездки.

Я приняла участие в турне по Северной Италии. Вместе с баритоном Гирардини (Фигаро) и развлекавшим в пути всю труппу басом Аутори (дон Базилио) мы исполняли бессмертного «Севильского цирюльника». Дирижером был все тот же Паолантонио.

По окончании гастролей я вместе с Паолантонио на короткий срок поехала отдохнуть в Солигетто, к моему шурину Поссамай, давнему другу отца. В доме Поссамай было старое пианино, и это позволило мне с помощью Паолантонио разучить партию Лючии.

Однажды, когда я повторяла знаменитую каденцию, хозяйка дома, синьора Мария, попросила разрешения впустить в гостиную крестьянку-торговку, которая слушала меня, стоя за дверью. Я согласилась. Женщина робко вошла в комнату и присела в углу. Она смотрела на меня, широко раскрыв от удивления глаза и затаив дыхание. Продолжая разучивать каденцию, я подошла к финалу и, взяв последнюю высокую ноту, долго держала ее.

Тут бедная женщина бухнулась передо мной на колени и, отчаянно дергая меня за юбку, закричала:

— Хватит, синьора, хватит! Святая дева Мария, да вы умрете от натуги!

После короткого отдыха в Солигетто я пела в бергамском театре «Доницетти» партию Джильды в «Риголетто». Дирижером спектакля был венецианец Антонио Гуарньери, известный своими превосходными оркестровками, большой музыкант и постоянный соперник Тосканини.

Вместе со мной в опере выступали баритон Галеффи и тенор Беллотти.

Гуарньери встретил меня очень тепло, но без всяких предисловий сказал:

— Здравствуй, малышка. Учти, тут тебе не «Ла Скала»; ты будешь петь «Внемля имени его…» на полтона ниже, а потом возьмешь «ми-бемоль».

Делал он это явно в пику Тосканини, который очистил партитуру оперы Верди от произвольных добавлений и традиционных украшений. Все это Тосканини называл «цирковым

представлением» и требовал, чтобы я пела арию так, как написал Верди, то есть без «ми-бемоль» в конце.

Что мне было делать? Отказаться и уехать? Я решила остаться и подчиниться, тем более что Гуарньери был как-никак Гуарньери, иначе говоря, крупный дирижер, и с ним шутки плохи. До сих пор многие помнят его едкие замечания на живописном венецианском диалекте и гневные выходки, от которых в дрожь бросало.

Правда, когда он пребывал в хорошем настроении, то умел быть удивительно добрым и любезным, как истый венецианец. Ко мне он всегда относился с большой теплотой. Пришлось спеть арию на полтона ниже и с выигрышным «ми-бемоль» в конце арии.

По окончании спектаклей я возвратилась в Милан и с нетерпением стала ждать приглашения в «Ла Скала», где включили в репертуар «Лючию ди Ламмермур» в постановке Тосканини. Но вот позвонил директор театра «Ла Скала», адвокат Скандиани и любезно предупредил меня, что дела мои из рук вон плохи.

Когда из Бергамо вернулись оркестранты, Тосканини узнал от них, в какой тональности я пела арию Джильды, и пришел в ярость, решив, что это был мой каприз. Он объявил, что не желает меня знать и не станет дирижировать оперой с моим участием.

Теперь мне пришлось ждать вызова в «Ла Скала» с особым трепетом. И вот я в театре. Тосканини вошел в зал мрачнее тучи, и его вид не предвещал ничего хорошего. Буркнув в ответ на мое приветствие «здравствуй», он сел за пианино. У меня сердце сжалось в ожидании взрыва. Сыграв несколько аккордов, Тосканини в бешенстве воскликнул:

— Как ты смела петь Джильду на полтона ниже! Я этому тебя учил?! Думаешь, ты избранница искусства! А ты жалкая служанка, как и все остальные! Артистка бродячего цирка, вот ты кто! Со мной тебе больше не петь!

Он свирепо захлопнул крышку пианино, вскочил и вышел из комнаты, не дав мне возможности хоть как-то оправдаться.

Уже целую неделю я жила в страхе, и гневные упреки маэстро попали прямо в цель. Я бросилась в кресло и отчаянно зарыдала. Пришел Скандиани и стал меня утешать. Он уговаривал меня набраться терпения и уверял, что буря скоро пройдет.

Небосклон прояснился примерно через полчаса. За это время я подвергла строгому допросу свою совесть и в конце концов пришла к твердому убеждению, что никакой моей вины тут нет.

Гуарньери заставил меня в Бергамо петь в «Риголетто», как ему хотелось, и я не могла не подчиниться. Ведь что ни говори,

но Гуарньери был дирижером оркестра.

Постепенно я успокоилась и, когда Тосканини снова вошел в зал, по-прежнему весьма хмурый, но как будто настроенный уже не так враждебно, я смогла окончательно взять себя в руки. Маэстро, верно, заметил, что глаза у меня покраснели от слез, и молча приступил к прослушиванию.

От меня не ускользнуло, что, чем дольше я пела, тем больше прояснялось лицо Тосканини. Спасибо тебе за это, Доницетти! Когда я подошла к арии «Придут к тебе…», Тосканини остановил меня.

— Эту фразу ты спела неплохо. Но в голосе не чувствуется широты дыхания. Здесь нужно больше нежности, тонкости, выразительности.

Я повторила арию еще несколько раз и наконец добилась того, чего хотел маэстро. Тосканини еще несколько раз прерывал меня, требуя придать голосу предельную взволнованность. Настал черед сцены безумия, и я с замиранием сердца спела каденцию. Маэстро спросил:

— Кто тебя этому научил?

— Паолантонио, — ответила я. — Ему же принадлежат и остальные фиоритуры в этой партии.

— Хорошо, ничего не скажешь, хорошо, — произнес наконец Тосканини. — Но только эта каденция слишком коротка. Скажи ему, что надо добавить еще парочку тактов.

Когда прослушивание окончилось, маэстро встал из-за пианино и ласково сказал:

— Несмотря ни на что, ты отличная певица и у тебя красивый голос.

Я почувствовала, что у меня выросли крылья, и охотно простила Тосканини (по крайней мере в тот момент) грубое прозвище «цирковой актрисы», которым он меня наградил.

Из театра я вышла в чудесном настроении и сразу же отправилась к Паолантонио, который с нетерпением и страхом ждал не только результата прослушивания, но и судьбы своих каденций. Его опасения вполне понятны, ибо удовлетворить Тосканини было нелегко. Он ненавидел изощренные выкрутасы некоторых весьма популярных тогда певцов, убежденный в том, что техника должна быть целиком подчинена выразительности.

Само собой разумеется, Тосканини постарался поставить «Лючию» не хуже, чем в истекшем году «Риголетто». Режиссером спектакля театр пригласил Джоаккино Форцано, но тогда в понятие режиссуры, которым сейчас столь злоупотребляют, входила лишь забота о новых костюмах и разработка мизансцен. Моими партнерами были чудесный певец Аурелиано Пертиле,

баритон Страччари и бас Пинца. Какое это было счастье петь вместе сними!

Особенно любила я петь с Пертиле, в те годы любимцем Тосканини. Такой взыскательный, маэстро смотрел на все глазами Пертиле, доверял ему любую партию драматического или лирического плана, от «Трубадура» до «Любовного напитка». И надо сказать, что он был прав, ибо Пертиле ни разу его не подвел. Аурелиано Пертиле был артистом в высшем смысле этого слова. Обладая великолепным гибким голосом, он был неподражаемым мастером фразировки и прирожденным актером, подстать Шаляпину. Не многие могут с таким же правом называться властителями сцены.

Тот, кто не видел и не слышал Пертиле в «Кармен», «Манон Леско», «Паяцах» и в конце его блистательной карьеры в «Отелло», не представляет себе, каких вершин может достигать сценическое мастерство певца. В тесной дружбе, которая связывает меня с двумя сыновьями Пертиле, безусловно отразились и мое восхищение талантом их отца и наши искренние товарищеские с ним отношения.

Репетиции «Лючии ди Ламмермур», как всегда у Тосканини, были донельзя тщательными и утомительными. Кроме нас, певцов первого и второго плана, он подверг тяжкому испытанию и хормейстера, милейшего Венециани.

Даже властному и энергичному Форцано пришлось нелегко. Поручив ему режиссуру, Тосканини отнюдь не перестал интересоваться каждой мелочью, происходящей на подмостках. Только сцену проклятия мы репетировали тринадцать раз. На одной из последних репетиций, видя, что Тосканини пропускает сцену безумия, кульминационную в партии Лючии, я набралась смелости и сказала:

— Маэстро, мы еще не репетировали сцену безумия. Как мне быть?

Тосканини посмотрел на меня сверху вниз, потом шутливо ответил:

— Э, полно тебе! Ты всю жизнь была безумной, неужели же ты не сможешь сыграть безумие на сцене!

Но я настаивала.

— Хорошо, — сказал Тосканини. — Завтра в три ее прорепетируем в зале под фортепьано.

На следующий день ровно в три я пришла в театр. Нас было трое: я, Тосканини и концертмейстер. Мой выход. Я медленно спустилась с лестницы, доверяясь лишь своей артистической интуиции. Никто не показывал мне, как играть в этой сцене. И на этот раз я все придумала сама. Тосканини сразу же остановил

меня:

— Помни, что безумные сначала пристально глядят прямо перед собой и лишь потом начинают говорить.

Я повторила свой выход, глаза мои были широко раскрыты, на лице — выражение величайшей растерянности. Тосканини следил за мной, отходя назад и отбивая мне ритм. Я даже не смотрела на него, стараясь держаться как можно естественнее.

Повторяю, таких режиссеров, как теперь, которые обучали бы артистов даже как ходить по сцене, тогда не было.

Весь рисунок сцены безумия я придумала сама. Я падала на землю, вскакивала, меняя окраску голоса и выражая самые разнообразные чувства. Наконец наступил момент знаменитой фразы: «Теперь уж я твоя».

Внезапно Тосканини легонько положил мне руку на плечо и, не глядя на меня, тихо проговорил:

— Хватит, остальное — это уже концерт… для флейты.

Я посмотрела на него. По щекам маэстро катились две большие слезы. Это самое прекрасное воспоминание в моей артистической жизни.

* * *

Постановка «Лючии ди Ламмермур» была новым триумфом «Ла Скала».

Критики в один голос славили Тосканини, но не пожалели похвал и в адрес мой и Пертиле. Это был настоящий каскад одобрений.

После «Лючии» я пела на сцене того же «Ла Скала» в «Севильском цирюльнике» вместе с тенором Борджоли, баритоном Страччари (лучшим Фигаро того времени) и басами Аутори и Адзолини.

Дирижировал оперой Гуарньери, которому я поостереглась рассказать, что́ мне пришлось пережить по его вине. «Севильский цирюльник» в постановке Гуарньери отличался легкостью, искренностью — словом, был превосходен, как, впрочем, и «Сомнамбула», исполнявшаяся в Катании с моим участием.

Я уже говорила, что Гуарньери, как и Тосканини, шутить не любил, но ко мне он всегда относился удивительно хорошо, возможно, потому, что мы оба были венецианцами. Лет двадцать спустя, в самый разгар второй мировой войны, мне довелось снова встретиться с ним в венецианском театре «Фениче», где Гуарньери ставил «Сомнамбулу» с участием знаменитого Тальявини. Так как репетиции с Тальявини проводились в дикой

спешке, Гуарньери пришел позаниматься ко мне в гостиницу и принес с собой партитуру. Я пообещала угостить его чашкой настоящего кофе, и это очень соблазнило старого маэстро.

Мне нездоровилось, я лежала в постели. С удовольствием выпив чашку горячего кофе, Гуарньери сел на краешек кровати, открыл партитуру и, взяв в руки карандаш, сказал:

— А теперь спой мне вариации из последнего действия.

В 1923 году, по истечении контракта с «Ла Скала», я совершила новое путешествие в Южную Америку по приглашению Вальтера Мокки. Условия моего первого контракта с ним, понятно, уже устарели. После успеха в «Лючии» и в «Севильском цирюльнике» мои акции выросли, а соответственно вырос и гонорар. Я с легкой душой отправилась в это второе заокеанское турне, так как заранее знала, что приглашена «Ла Скала» на сезон 1923/24 года.

XVII. Новая взбучка от Тосканини

Дирижеры Маринуцци и Паолантонио, я, Пертиле, Флета, Лаури-Вольпи, Скипа, Галеффи, Франчи, Далла Рицца, а также ряд других отличных певцов составляли ядро труппы, приглашенной Вальтером Мокки для южноамериканского турне 1923 года.

На борту корабля царили веселье, смех, шутки. В Буэнос-Айрес мы прибыли в дни национального праздника. Мы дебютировали большим концертом, на котором я вместе с Галеффи спела второе действие «Севильского цирюльника».

Год назад я оставила в аргентинской столице добрую память о себе. Благодаря недавнему нашему успеху в театре «Ла Скала» местные любители оперного искусства с особым интересом ждали выступлений моего и Аурелиано Пертиле. В этом втором турне мне удалось полностью проявить себя, выступив в «Лючии» в театре «Колон» (дирижер Паолантонио), в «Риголетто» вместе с Галеффи и Флета и, наконец, в «Сомнамбуле» также с Флета. Мой гонорар значительно поднялся, я смогла заглянуть в знаменитые ювелирные магазины на центральной улице Флорида и подарить себе еще один бриллиант. Но о нем я расскажу позже.

Росарио, Кордова, Монтевидео, Сан-Паоло, Рио-де-Жанейро были этапами нашего турне, вехами новых блистательных успехов.

Вернувшись в Италию, я сразу же стала готовиться к новому сезону в «Ла Скала». Мне предстояло петь в операх «Сомнамбула», «Севильский цирюльник», «Лючия ди Ламмермур». Первой в программе была «Сомнамбула», но подготовка к спектаклю очень затянулась, и пришлось начинать с «Лючии».

Тосканини согласился принять на этот сезон должность генерального директора театра и руководил лишь премьерой. Вместе со мной в «Лючии» пели Пертиле, Страччари и другие артисты прошлогоднего состава, и надо сказать, что выступили мы с большим успехом. Режиссером спектакля был Антонио Вотто.

После «Лючии» в конце года театр намеревался возобновить постановку «Севильского цирюльника» под руководством Лукона.

Тосканини пришел на генеральную репетицию и не сделал мне ни единого замечания.

На следующий день я спела все второе действие, так же как год назад в том же «Ла Скала». Мои вариации в арии «В полуночной тишине» и дуэте с Фигаро признали и одобрили самые строгие ценители.

Я никогда не прибегала к излишним, ненужным фиоритурам, как это делалось во времена Патти, Барриентос, Тетраццини. То была эпоха барокко, когда искусство приносилось в жертву виртуозности певцов и певиц, стремившихся снискать любовь зрителей внешними эффектами, что нередко искажало замысел композитора.

У меня было легкое сопрано, и мне невольно приходилось прибегать к каденциям, но они всегда отличались чувством меры.

Едва кончилось второе действие, Тосканини пулей влетел в мою уборную и в бешенстве набросился на меня. «Пустышка», «кривляка», «балаганная певица» были самыми «ласковыми» из его эпитетов. Отведя душу, он хлопнул дверью и ушел. Вне себя от растерянности и обиды, я залилась горькими слезами.

Вернувшись в гостиницу, я написала адвокату Скандиани, что буду петь в «Севильском цирюльнике» только тогда, когда маэстро Тосканини сам пришлет мне каденции. Скандиани ответил, что я вольна петь как хочу, и в конце письма пожелал мне доброго здоровья.

Но я, наоборот, решила… притворюсь-ка больной, и, ссылаясь на мнимую простуду, улеглась в постель. Заменить меня другой певицей было не так просто. И вот вечером под Новый год двери театра «Ла Скала» впервые не распахнулись гостеприимно перед зрителями. На этот раз победила я.

Репетиция оперы «Сомнамбула» была назначена на 3 января. Я пришла в театр минута в минуту, твердо решив отказаться от выступлений при малейшем проявлении недоброжелательства. Но уже на лестнице меня встретил как ни в чем не бывало, самой любезной из своих улыбок адвокат Скандиани.

— Как ты себя чувствуешь, дорогая Тотина?

А я, мнимо больная, спокойно ответила:

— Спасибо, гораздо лучше.

В глубине души я ликовала, торжествуя победу.

Первая репетиция под руководством Гуй состоялась прямо на сцене. Присутствовал и Тосканини, он без конца давал советы Борджоли, Пинца и другим певцам, а меня словно не замечал. Па крайней мере мне так казалось. Я же потихоньку наблюдала за ним.

На предпоследней репетиции мне по ходу действия надо было перейти через знаменитый мост, такой высокий и узкий, что при одном взгляде на него начинала кружиться голова. Я уже собралась ступить на мост, как вдруг почувствовала, что меня берет под локоть чья-то крепкая рука; оборачиваюсь и вижу — боже правый! — сам Тосканини. Смеясь и пошучивая, он помог мне одолеть мост. По окончании сцены я подошла к Тосканини

(по долгу вежливости) и сказала ему:

— Дорогой маэстро, вы мне до сих пор ничего не сказали. Прошу вас прослушать меня, я жду ваших замечаний.

Улыбаясь, он посмотрел на меня и ответил:

— В последнем действии к тебе нет никаких претензий. А вот в первом постарайся петь в более быстром темпе. Мы все и так знаем, что ты поешь хорошо, но, ради бога, не любуйся своим голосом и не затягивай пауз, особенно в речитативах.

На генеральной репетиции я думала только о том, как бы петь свободнее и в более ускоренном темпе.

В день премьеры, когда я гримировалась, Тосканини крикнул мне из-за двери:

— Я слушал тебя вчера. Пой, как обычно поешь, ведь вчера ты просто на себя не была похожа.

Он понял, что если ускорить темп, то пропадет весь пафос музыки Беллини, а я стремилась быть верной замыслу композитора, как меня учила Барбара Маркизио.

* * *

Когда истек мой контракт с «Ла Скала», я выехала в Париж, чтобы спеть Джильду в театре «Гранд-Опера».

Меня встретили весьма радушно и отвели номер в «Гранд-отеле».

Я вспомнила неказистую гостиницу в Монтегротто и мою жизнь скромной ученицы Барбары Маркизио.

Когда ко мне в номер постучался работник театра и от имени дирекции весьма любезно осведомился, какую температуру следует поддерживать в моей артистической уборной, он застал меня врасплох и сразу я даже не нашлась что ответить. Я чуть не рассмеялась в лицо этому вежливому господину, который обращался со мной, как с капризной прославленной примадонной.

Сначала в зрительном зале, а затем, по окончании спектакля, у подъезда огромная толпа парижан (мне казалось, что все они сошли с ума) громко скандировала: «То-ти, То-ти, То-ти!» Самых напористых с трудом сдерживали полицейские, которые помогли мне сесть в машину и благополучно добраться до гостиницы.

В такие моменты меня всегда охватывала растерянность, почти страх, но даже теперь, когда я уже не пою, меня трогает это признание и симпатия совсем незнакомых людей.

Из Парижа я вернулась в Милан, где снова пела в «Риголетто» на сцене «Ла Скала». К несчастью, я заболела чем-то вроде

дифтерита, и меня заменила Мерседес Капсир.

Выздоровев, я приняла предложение записать для фирмы «Виктор» несколько пластинок. Каким странным показался мне мой голос, когда я впервые услышала запись! Я даже расплакалась, не в силах поверить, что это пою я, Тоти.

* * *

Вскоре я отправилась в первое турне по Австралии. Это путешествие в далекую страну, где мне предстояло выступить в целом ряде спектаклей, оказало впоследствии огромное влияние на всю мою жизнь. Контракт со мной от имени «Вильямсон-Мельба компани» подписал импрессарио мистер Тейт. В состав труппы кроме меня входили Лина Скавицци, Лакоска, Спани, тенора Пиккалуга и Борджоли, баритоны Росси Морелли, Джирардини, Гранфорте и другие певцы. Дирижерами были Поалантонио и Фугаццола.

Мне предстояло петь в «Лючии ди Ламмермур», «Севильском цирюльнике», «Риголетто», «Дон Паскуале», «Сказках Гофмана», «Сомнамбуле».

Отплыли мы из Марселя. Хотя друзья убеждали меня не делать этого, я решила во что бы то ни стало взять с собой моего неразлучного друга Пирипиккио, который после миланского побега никогда со мной не разлучался.

До Порт-Саида все шло хорошо, но там мне ясно и недвусмысленно объяснили, что, несмотря на настойчивые телеграммы мистера Тейта, в Австралии мне не разрешат выйти на берег с моим Пирипиккио. Ввоз в эту страну собак строжайше запрещен. Что было делать? Не могла же я бросить бедного Пирипиккио в Красное море. Я уже хотела отказаться от выступлений и вернуться домой, но затем поняла, что это было бы глупой, ребяческой выходкой.

В конце концов я решила отправить Пирипиккио грузовым пароходом в Геную, где его заберет предупрежденный заранее телеграммой мой дядя Сачердоти.

Должна признаться, расставалась я со своим Пирипиккио с болью в сердце. Вся труппа сочувствовала мне. Впоследствии я узнала, что бедный песик страшно расстроился, ничто не могло его утешить, он объявил своего рода голодовку. Но тут дядю осенила чудесная идея. Он завел одну из моих пластинок, и, услышав мой голос, Пирипиккио сразу ожил и начал есть.

XVIII. В Австралии. Нелли Мельба

На этот раз я действительно могла сказать, что забралась на край света. За исключением эпизода с Пирипиккио плавание наше прошло очень хорошо. Каждый день на пароходе устраивались концерты, веселые пиршества, и я часто пела перед коллегами.

Побывав в Адене и на чудесном острове Цейлон, где я впервые встретилась с чарующим Востоком, мы наконец прибыли в первый австралийский порт Фримантл, который находится в нескольких милях от прелестного города Перта с его живописной Свен Ривер — рекой черных лебедей…

В те годы в Австралии гремела слава певицы Нелли Мельба, уроженки Мельбурна, ставшей поистине мировой знаменитостью. Обладательница удивительно сочного лирического сопрано, она была стройной и изящной женщиной. К тому времени ей было уже больше пятидесяти лет, но она по-прежнему с успехом пела на сцене крупнейших театров. Кроме того, она входила в правление антрепризы «Вильямсон-Мельба», которая фактически монопольно распоряжалась оперным театром страны.

Я слышала многих крупнейших певиц, но голос Нелли Мельба отличался редкой красотой, и ее артистическая карьера была блистательной. Незабываемы ее выступления в «Богеме», «Травиате», «Фаусте». Чарующими трелями Нелли Мельба пленяла зрителей многих стран. Широкой известностью пользовались ее концерты в лондонском «Альберт-холле». А по горделивой осанке и манерам она была поистине королевой.

Когда я, заранее разрекламированная ловкими пресс-агентами, ступила на землю Австралии, великая певица, возможно, опасалась моих покушений на ее славу. Но после первой же встречи всякие подозрения и недоразумения между нами исчезли.

Наша труппа дебютировала в театре Мельбурна оперой «Богема». Партию Мими исполняла Нелли Мельба; эту честь замечательная австралийская певица безусловно заслужила.

Я устала с дороги и, честно говоря, охотно бы отдохнула, тем более что на следующий вечер мне предстояло петь Лючию. Но мистер Тейт заставил меня надеть лучшее вечернее платье и отправиться с ним в театр.

Мне была отведена ложа первого яруса, вся в цветах, украшенная белыми, красными и зелеными лентами.

Публика Мельбурна отлично понимает музыку, она с глубоким вниманием слушала пение Мельбы, которая, несмотря

на свой возраст, сохранила редкую красоту и выразительность голоса.

Помнится, лет десять назад мой друг журналист Альберто Бертолини в одном из своих репортажей рассказал о посещении Лилидальского кладбища, где похоронена Нелли Мельба. На ее могиле высечены на мраморном памятнике грустные слова Мими из третьего действия: «Addio senza rancor».[8]

А в тот вечер Нелли Мельба, верно, в сотый раз исполняла партию Мими. Зрители уже заметили меня и с любопытством разглядывали молодую итальянскую певицу. Перед началом второго действия в переполненном зале раздались громкие рукоплескания.

Я крайне удивилась, а сидевший рядом со мной Тейт поспешно сказал:

— Встаньте, Тоти. Это вам аплодируют.

Я в смущении поднялась и неуверенно поблагодарила зрителей. За сценой Мельба спросила, кому адресованы аплодисменты. Ей ответили, что это приветствуют Тоти Даль Монте. Думаю, такая новость не доставила ей особого удовольствия.

На следующий вечер я пела в «Лючии ди Ламмермур». Уходя после первого действия за кулисы, я заметила, что в ложе у просцениума сидит Нелли Мельба. У меня создалось впечатление, что она внимательно следила за мной и вслушивалась в каждую ноту. Вот окончилась сцена безумия. И тут случилось нечто невероятное. Обычно такая сдержанная и чопорная мельбурнская публика, забыв о правилах хорошего тона и благоразумия, начала неистово аплодировать, да так долго, что пришлось прервать спектакль.

Тогда Нелли Мельба, в своем роскошном вечернем туалете, с бриллиантовой диадемой на голове, царственной походкой прошла на сцену и протянула мне чудесный букет цветов. Потом она обняла меня и сделала зрителям знак умолкнуть. В наступившей тишине Мельба сказала:

— Это я привезла ее вам.

Пусть будет так, хотя, по правде говоря, она до этого никогда меня не видела и не слышала.

Все последующие дни Нелли Мельба была со мной бесконечно мила, и между нами установились самые дружеские отношения.

Несмотря на это, журналисты распространили легенду о своеобразном соперничестве между австралийской примадонной и «итальянским соловьем». Критики прибегали к довольно искусственным сопоставлениям, обычно в мою пользу. Словом,

делалось все, чтобы нарушить добрые отношения между нами.

Я уже говорила, что Нелли Мельба приближалась к закату своей славы, я же была почти в самом расцвете моей артистической карьеры. Поэтому тут не могло быть и речи о каком-либо сравнении, но печать сделала свое дело, как я ни старалась избежать даже намека на какое-либо соперничество. К тому же я вообще отношусь резко отрицательно ко всякого рода «турнирам» между певцами.

На одной из подаренных мне Нелли Мельбой фотографий есть такая надпись: «Дорогая Тоти, Вы прекрасная артистка, и Вас ждет великий успех, чего я Вам от всей души желаю. Нежно Вас обнимаю».

* * *

После Мельбурна мы со все возрастающим триумфом гастролировали в Сиднее, Аделаиде, Перте. В течение немногим более четырех месяцев мы дали восемьдесят шесть спектаклей, проехав тысячи километров по бескрайним равнинам. Это был настоящий подвиг.

Кстати, по поводу моего мнимого соперничества с Нелли Мельба хотелось бы рассказать такой эпизод.

Спустя несколько лет, находясь в Лондоне и беседуя с одним приятелем, я вдруг слышу:

— Надо думать, ты уже побывала на своей комедии?

— На моей комедии? О какой комедии ты говоришь?

— Как? Разве ты не знаешь, что на тему твоего соперничества с Мельба один ее друг, журналист, написал музыкальную комедию. Она с успехом шла в Австралии, а теперь пойдет и в Англии.

Я решила поподробнее разузнать о содержании этой комедии, а если удастся, и посмотреть ее. К сожалению, у меня так и не нашлось для этого времени. Впрочем, может, это даже к лучшему — боюсь, что знакомство с комедией вызвало бы у меня досадное чувство. Закончив в октябре триумфальное, но и очень утомительное турне по Австралии, я дала согласие выступить в Соединенных Штатах.

Вся труппа отправилась в Италию, а я из Сиднея отплыла в незнакомую мне Северную Америку. Ближайшей целью моего путешествия был шумный Чикаго, где меня ждали зрители самого крупного в городе театра «Аудиториум».

* * *

5 декабря 1924 года я пела в «Лючии». Партия Эдгара была поручена тенору Кортису, дирижировал маэстро Джорджо Полакко. Успех был полный. То же повторилось и после выступления в «Риголетто», где моим партнером был баритон Формики. Затем последовали два концерта в том же Чикаго и в Нью-Йорке.

Если Чикаго поразил меня учащенным пульсом своей жизни, то Нью-Йорк ошеломил совершенно — настоящий конгломерат гигантских зданий, построенных, казалось, для циклопов.

Меня пригласили петь в театре «Метрополитен» в двух операх — «Риголетто» и «Лючия ди Ламмермур». Должна признаться, я была немного взволнована, даже испугана, ведь «Метрополитен» пользовался славой огромного первоклассного театра, а нью-йоркские зрители считаются весьма избалованными.

Тем большей радостью явились для меня незабываемый восторженный прием, устроенный мне публикой, и единодушная высокая оценка критики.

Надо сказать, что в «Риголетто» были заняты лучшие певцы. Главную роль исполнял баритон Де Лука, роль герцога Мантуанского — Лаури-Вольпи, дирижировал маэстро Туллио Серафин, который всегда относился ко мне с отеческой добротой. Именно он сказал однажды:

— Твоей наставницей, милая Тоти, наверно, была сама мадонна. Ведь только мадонна может научить столь божественному пению.

Успех в «Метрополитен-опера» принес мне контракт на концерты в Бостоне, Индианополисе, Вашингтоне, Кливленде и Сан-Франциско. Театр Кливленда, рассчитанный примерно на десять тысяч мест, по-моему, самое большое в мире театральное здание. И вот там я пела Розину в «Севильском цирюльнике». Проживи я еще сто лет, мне не забыть этого выступления.

Мне, такой маленькой, было странно и чуть страшновато петь в необъятном, переполненном до отказа зале. Вместе со мной выступали баритон Римини, американский тенор Хаккет, довольно известный в Италии, и архизнаменитый бас Шаляпин, непревзойденный дон Базилио. Тогда-то и зародилась моя дружба с великим русским артистом, которая сохранилась до самой его смерти.

Гигант исполинского роста, он сразу же стал ласково называть меня уменьшительным «Тотина», «Тотарелла». Впоследствии он не раз рассказывал мне о своей удивительной скитальческой жизни и давал множество драгоценных советов. Человек он был оригинальный, подлинный гений; его воплощение многих оперных героев, собственноручный грим,

костюмы служили образцом и бесценной школой для нового поколения певцов. Это был великий, законченный артист.

Шел 1925 год, а примерно за год до моего приезда в Америке появилось новое могучее средство распространения музыки — радио. В необъятной стране, раскинувшейся от Атлантического до Тихого океана, все словно обезумели от этого открытия.

Вернувшись из Кливленда после блистательного выступления в «Севильском цирюльнике», я вместе с Де Лука получила приглашение выступить в концерте по радио, что весьма способствовало росту моей популярности в Северной Америке.

* * *

23 февраля 1925 года, после одиннадцати месяцев жизни вдали от родины, я села в Нью-Йорке на крупнейший океанский пароход «Левиафан». Мне не терпелось вернуться домой, к моим дорогим родным и друзьям.

XIX. Первые успехи в Англии

После короткого отдыха в Италии я выехала в новое заграничное турне — сначала в Монте-Карло, а затем в Швейцарию.

В Монте-Карло мне предстояло выступить в «Лючии ди Ламмермур», и тамошние театральные круги с любопытством и нетерпением ждали моего приезда, особенно энергичный и властный синьор Госбург, в то время своего рода «историческая личность» этого маленького княжества.

Как и всех ведущих артистов, он поселил меня в лучшей гостинице «Отель де Пари».

Госбург, как говорится, делал погоду в театральной жизни Монако и каждый год предлагал зрителям интересную программу. В местном театре выступали лучшие певцы мира, оперы исполнялись на родном языке композитора, самое же главное — синьору Госбургу неизменно удавалось заполучить новую «звезду», подогревавшую любопытство и интерес скучающих, праздных миллионеров.

Как ни удивительно, но все эти старые дамы, с ног до головы усыпанные драгоценностями, накрашенные и намазанные, и их усталые, пресыщенные кавалеры в безупречных фраках, с неизменным моноклем, проводящие дни и ночи за картами и рулеткой, любили музыку, особенно итальянскую оперу.

Зрительный зал во время премьер в театре «Казино» был своеобразным местом встреч этого общества, космополитическим салоном, где великосветские сплетники обменивались последними новостями из Нью-Йорка, Лондона и Парижа. В то же время эти люди обожали оперу и восхищались моим искусством.

Поэтому все они с большим нетерпением ждали постановки «Лючии ди Ламмермур» с участием, как здесь говорили, тосканиниевской певицы.

Тут мне хотелось бы рассказать об одном нелепом комическом случае, несколько помешавшем моему дебюту.

Госбург постоянно приглашал меня в ресторан разделить его трапезу и заказывал самые изысканные блюда. К тому же он был страстным любителем и знатоком редких вин и имел свой винный погребок. За столом официант еле успевал откупоривать затянутые паутиной бутылки лучших французских вин.

За день до премьеры «Лючии ди Ламмермур» Госбург угостил меня старинным вином, которое так пришлось мне по вкусу, что любезный импрессарио приказал официанту отнести в мою комнату еще две бутылки.

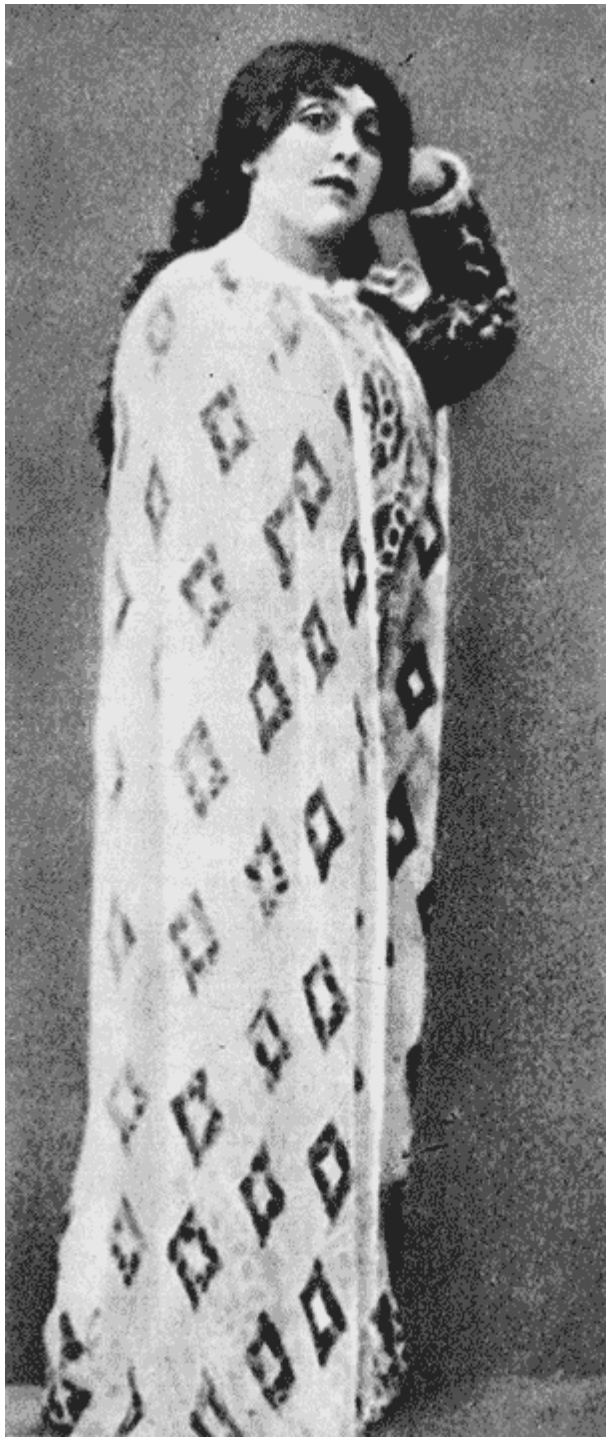
Проснувшись наутро, я почувствовала, что совершенно охрипла.

Нам, певцам, достаточно взять несколько нот, чтобы понять, в форме мы или нет.

Взволнованная, растерянная, не решаясь выступить перед требовательными зрителями в таком плачевном состоянии, я тут же позвонила дирижеру и Госбургу.

Оба примчались ко мне в отель, донельзя огорченные этой новостью. Крики, уговоры, настойчивые убеждения петь. Но я твердо стояла на своем, да они и сами могли удостовериться, что я охрипла. Остался единственный выход — заменить «Лючию ди Ламмермур» оперой «Богема». Я представила себе, какая суматоха поднимется сейчас на сцене. Рабочим придется срочно снимать декорации и ставить новые. Глубоко опечаленная, я легла в постель. Что еще мне оставалось делать?

Заказав изысканный ужин, я попросила официанта откупорить одну из знаменитых бутылок выдержанного вина и осушила ее почти до дна, стараясь заглушить свое горе. Затем повернулась на бок и крепко заснула…



Белоснежка. «Франческа да Римини» Р. Цандонаи

После концерта Тоти Даль Монте в Мельбурне. 1926 г.

Просыпаюсь часа через два, и… магической силой небес или… вина свершилось чудо. Беру одну ноту, другую — и сама себе не верю: голос звучит отлично. Я тут же побежала в ванную комнату (да-да, мы, певцы, свои «репетиции» обычно проводим именно там), смело беру высокие ноты, пою самые сложные пассажи, каденции, и… все это легко, без всякого напряжения.

Бросаюсь к телефону, вызываю режиссера или Госбурга, но шум и грохот, доносящиеся со сцены, не дают разобрать, кто мне отвечает. Наконец удалось поговорить с Госбургом, кричу ему, что обрела голос, чувствую себя превосходно и непременно буду петь в «Лючии». Так что пусть отменяет «Богему».

В театре начался невероятный переполох: одни громко выражали свою радость, другие проклинали меня, третьи отчаянно ругались, а вечером я спела свою коронную партию, и голос звучал превосходно. Правда, от стыда за невольный обман я закутала горло фиолетовым шелковым платком, который не снимала до конца спектакля. И не зря, потому что слух о моей болезни и внезапном исцелении вышел за стены «Отель де Пари».

Когда спектакль окончился, я почла своим долгом хорошенько угостить рабочих сцены, которым по моей вине пришлось потрудиться до седьмого пота.

* * *

В следующем месяце я отправилась в Швейцарию, где до этого также никогда не бывала.

В Базеле я пела в «Лючии ди Ламмермур» и «Риголетто», в Цюрихе дала два концерта. Только в мае я наконец вернулась в родную Венецию.

Театр «Фениче» пригласил меня выступить в «Лючии ди Ламмермур». Дирижировал оперой коренной венецианец, незабвенный Пьеро Фабброни, превосходный мастер своего дела, наделенный большим артистическим темпераментом и обладавший высокой музыкальной культурой. Моими партнерами были тенор Таккани и баритон Аугусто Беуф, с которым мне впоследствии не раз доводилось петь в Италии и за рубежом. Сицилиец по происхождению, он обладал хорошим голосом и редкой музыкальностью. С первых же дней наших совместных выступлений мы стали добрыми друзьями.

Венецианская публика, как всегда, встретила меня восторженно, и это трогало до глубины души. На время спектаклей я поселилась в гостинице у мола Орсеоло, неподалеку от площади Сан Марко. Окна моей комнаты выходили прямо на мол, где была стоянка гондольеров.

В день премьеры, плотно закрыв окна и жалюзи, чтобы снаружи меня не было слышно, я, как всегда с помощью камертона, спела все основные каденции, включая сцену безумия. Закончив репетицию, я распахнула окна и заглянула вниз. Был полдень, два гондольера прямо в лодке уминали свой скромный завтрак и о чем-то негромко беседовали на местном диалекте. Во мне проснулось любопытство, я прислушалась.

— Тебе хотелось бы заработать все те бумажки в тысячу лир, которые сегодня вечером положит в карман наша певица? — спросил один.

— Еще бы, — ответил второй. — Но у нее в горле словно певчая птица прячется.

— Какая там птица! Скажи лучше целая птичья стая.

Непосредственность этих гондольеров так понравилась мне, что я тут же послала им две бутылки вина.

* * *

В июне я получила приглашение выступить в Лондоне, в знаменитом «Ковент-Гардене». В этом всемирно известном театре мне предстояло спеть партии Лючии и Розины под руководством дирижеров Вотто и уже постаревшего прославленного Муньоне.

Увидев меня, добряк маэстро сразу вспомнил о моем

концерте во Флоренции, состоявшемся восемь лет назад, и отнесся ко мне с живейшей симпатией.

Моим партнером в «Севильском цирюльнике» был Дино Борджоли, знакомый мне еще по австралийскому турне и другим совместным выступлениям.

Затем я дала два концерта в «Альберт-холле», на одном из которых присутствовала принцесса Виктория, дочь Георга V.

Перед отъездом из британской столицы меня пригласили на прием в итальянское посольство, гостями которого в тот вечер были дипломаты многих стран.

На обратном пути в Италию я на короткий срок остановилась в Сант-Морице, где дала концерт. А затем меня ждал долгий заслуженный отдых в любимом Солигетто, в окружении родных и близких друзей.

На сцену я вернулась только в сентябре. Приняв вначале участие в благотворительном концерте, организованном падре Семерия, я выехала затем в Англию. Там меня ждали концерты в Лондоне, Ливерпуле, Манчестере, Ньюкастле, Кардиффе и в других городах. В Лондоне я снова пела в знаменитом «Альберт-холле», дав возможность послушать меня многочисленным любителям музыки, не попавшим на мой первый концерт.

Еще один концерт был дан в «Клиринг-отеле» на пышном вечере, устроенном Ага-ханом. В зале сидели вельможи и восточные принцы в тюрбанах, магнаты, миллиардеры и весьма красивые, элегантные дамы, блиставшие созвездиями бриллиантов.

Вместе со мной пел тенор Мак-Кормак, пользовавшийся в Лондоне завидной популярностью. Каждому из нас было отведено на выступление ровно три четверти часа, ни минутой меньше, ни минутой больше. Гонорар — триста фунтов стерлингов каждому.

После этого турне по городам Британии я сохранила приятные воспоминания и хорошее впечатление об английских зрителях, которые совсем не так холодны, как принято думать, и умеют ценить настоящую музыку,

XX. Роковой коктейль из улиток

Я беспрестанно разъезжала из одной страны в другую и порой казалась себе самой коммивояжером. Но я до того привыкла к длительным путешествиям, что отлично чувствовала себя в спальном вагоне и каютах океанского парохода, как и на мягчайшей постели в номере первоклассной гостиницы.

В те времена мои коллеги и за границей обычно требовали традиционные итальянские блюда; каждый раз, когда они заказывали мясо под соусом а-ля́ болоньезе или а-ля́ наполетана, начинались бесконечные пререкания. Я же предпочитала пробовать кушанья разных стран, особенно местные «кулинарные чудеса». Рецепты наиболее вкусных и аппетитных блюд я аккуратно заносила в свою записную книжку, и мои родные были в курсе последних гастрономических открытий.

Закончив турне по Англии, я отплыла в Соединенные Штаты, где должна была дать целую серию концертов. Немногим более чем за месяц я спела в двадцати американских городах, начиная с Нью-Йорка и кончая Бостоном.

Несколько дней я пробыла в Чикаго, а затем отправилась в длительное турне, конечной целью которого была Калифорния.

В Голливуде, ставшем Меккой мировой кинематографии, меня пригласили посетить несколько студий, где снимались новые фильмы.

Там меня совершенно поразил бешеный, изнурительный темп работы.

Насколько я помню, тогдашними звездами экрана были Чарли Чаплин, Глория Свенсон, Дуглас Фербенкс старший, Мери Пикфорд и Рудольф Валентино, который умер спустя всего несколько месяцев после моих гастролей.

Уже начала восходить и звезда Греты Гарбо, только что прибывшей из Европы и снимавшейся в своих первых американских фильмах.

В одной из студий, уступая настойчивым просьбам этих знаменитостей, я спела отрывки из опер и канцоны. Особенно понравились им венецианские песни.

Кроме концертов в Лос-Анжелосе, Санта-Монике, Пасадене и в других чудесных калифорнийских городах я пела в Сан-Франциско в «Риголетто» и «Лючии ди Ламмермур». Именно в Сан-Франциско я стала жертвой недоразумения, причинившего мне определенные неприятности и сделавшего меня мишенью наглых журналистских нападок. Сама того не желая, я оказалась в центре бурной, рекламного стиля полемики, которая довольно

характерна для Соединенных Штатов.

Вероятно, в сотый раз я пела в «Риголетто» вместе с баритоном Беуфом, причем сцену смерти Джильды мы исполняли полностью, как этого требовал Тосканини, без традиционной купюры. После нескольких спектаклей с Беуфом партию Риголетто передали знаменитому немецкому баритону Шварцу, который, наоборот, придерживался этой купюры. Поэтому мы условились, что финальный дуэт исполняться не будет и в зловещий мешок с останками Джильды положат не меня, а статистку-дублершу.

Случилось так, что в день представления забыли подыскать дублершу. В последнюю минуту пришлось воспользоваться услугами случайной девушки, которая слушала оперу из-за кулис, и была в вечернем туалете и позолоченных туфельках, собираясь после спектакля повеселиться и потанцевать в одном из многочисленных ночных клубов, а не лежать в ужасном мешке свирепого Спарафучиле. По ходу действия Шварц, увлекшись более чем полагалось, раскрыл мешок, и… о — ужас! — при свете лампы зрители первых рядов увидели шелковые чулки и позолоченные туфельки Джильды, лежавшей в позе американской гёрлс!

На мгновение все оторопели, а затем напряженное молчание сменилось громким смехом, который не утих даже тогда, когда поспешно опустили занавес.

Жертвой этого неприятного квипрокво стал, понятно, Шварц, который отчаянно ругался и требовал «мести, священной мести».

Газеты сейчас же воспользовались «счастливой возможностью». Тут уж я стала козлом отпущения. Пошли слухи, нелепые и злобные, будто я нарочно решила выставить Шварца в невыгодном свете по сравнению с Беуфом и для этого подстроила историю со злополучным мешком.

В газетах появились даже рисунки, изображавшие стройные ноги неудачливой дублерши. Я пыталась убедить Шварца, что совершенно неповинна в случившемся. Но «скандал» уже разразился, и находчивые журналисты изобретали одну сплетню за другой. Мне оставалось лишь молчать и смеяться про себя.

* * *

Во время этого турне я дала концерт в Палм-Биче, который и тридцать, и сорок лет назад был весьма модным морским курортом, известным всем хотя бы по бесчисленным американским фильмам. Тогда его посещали лишь миллионеры,

дипломаты, известные деятели мира финансов, искусства, журналистики, кино и еще… знаменитые гангстеры. В лучших гостиницах и виллах, не уступавших в роскоши дворцам из «Тысячи и одной ночи», великосветское общество прожигало жизнь.

Приемы, рауты, балы и праздники собирали не только сильных мира сего, но и элегантнейших дам, до того увешанных драгоценностями, что становилось просто страшно за них, причем нелегко было определить, молоды они или просто молодятся, красивы ли от природы, или это ухищрения косметики, ибо уже тогда в Соединенных Штатах пластическая хирургия творила чудеса.

Весь этот высший свет присутствовал на моем концерте. Очутившись среди «сливок общества», нередко беззастенчиво выставлявших напоказ свое богатство, я почувствовала, что голова идет у меня кругом.

Вспоминаю, что меня как почетного гостя пригласили на непостижимо пышный обед, где вся посуда была из чистого золота.

Из Палм-Бича я направилась на Кубу, в прославленную Гавану, куда в те дни также стекались крупнейшие магнаты со всего света. В Гаване я пробыла неделю, дав несколько концертов. И снова рауты, роскошные званые обеды, ужины, которые я долго не забуду.

* * *

Во время длительного североамериканского турне со мной произошел один курьезный случай.

Из Сан-Франциско я поездом отправилась в Филадельфию, где должна была записать несколько пластинок для фирмы «Виктор», с которой еще пять лет назад заключила контракт. Вместе со мной ехала моя служанка Челия Марриот, уроженка Ирландии. Поезд наш был не обычный, а знаменитый трансатлантический экспресс, пробегавший весь североамериканский континент примерно за три дня. В этом удивительном экспрессе были роскошные спальные вагоны, ресторан, бар, парикмахеры, маникюрши. Мне было отведено весьма удобное спальное купе.

Во время обеда я спросила у официанта, есть ли у них свежие устрицы. Он ответил, что устриц в раковинах нет, но есть превосходный устричный коктейль. Несмотря на уговоры служанки, напомнившей мне, что в Камдене, где находилась

главная студия фирмы «Виктор», меня ждет трудное испытание, я с аппетитом выпила какое-то непонятное месиво.

Проснувшись наутро, я почувствовала странное недомогание и неприятный зуд, особенно на лице.

Вскочив с постели и посмотрев в зеркало, я увидела, что лицо у меня распухло и стало красным, как вареный рак. Прощайте, записи на студии в Камдеме! Но все же я не пала духом — с сильной болезнью надо бороться сильнодействующими средствами.

В семь утра, когда экспресс прибыл в Чикаго, где, по расписанию, остановка была довольно продолжительной, я выскочила из вагона, побежала в ближайшую аптеку у самой станции и попросила стакан самого сильного слабительного. Мое желание немедленно было удовлетворено, и я, храбро выпив это достаточно противное лекарство, вернулась в вагон и вновь улеглась в постель.

На следующее утро я прибыла в Филадельфию в поистине ужасном состоянии. Неприятный зуд и краснота прошли, угроза серьезных осложнений миновала, но сильнодействующее лекарство и вынужденная голодовка совершенно меня обессилели.

На вокзале меня встречал один из директоров фирмы «Виктор» — мистер Дэвис, крайне деловитый и предельно пунктуальный, классический пример человека-хронометра. Отвезя меня в отель, он сказал, что прибудет за мной ровно через два часа. Я робко возразила, что хотела бы отдохнуть подольше и тогда наверняка буду «в голосе». Но мистер Дэвис ответил, что в студии все готово и меня уже ждут техники, специалисты, оркестр — словом, целая небольшая армия.

Служанка отговаривала меня ехать, доказывая, что я еще не оправилась от болезни, но я решила довериться всемогущему богу. И вот огромная машина мистера Дэвиса повезла меня в Камдем.

В моем состоянии голос еще мог звучать хорошо и чисто, но где взять крепкое дыхание? Пришлось собрать последние силы и все мое техническое мастерство.

Проверка и запись длились не более не менее, как десять часов подряд.

Поздно вечером, когда я смогла наконец прослушать запись, силы покинули меня, и, голодная, безмерно уставшая, я заплакала навзрыд. И тут же, словно эхом мне, прозвучали дружные аплодисменты. Директор студии, оркестранты, техники, мистер Дэвис так долго и старательно хлопали в ладоши, что тронули меня до глубины души.

На пластинки были записаны «Венецианский карнавал», ария Джильды, каватина Розины, «Лючия». Запись «Лючии» была особенно напряженной и сложной. Дирижер сменил трех флейтистов, и только четвертому удалось удовлетворить всем требованиям.

Меня поразило редкое совершенство записи: каждая вибрация, дыхание, паузы, тональность, вступления — все было воспроизведено с удивительной точностью.

Этот сольный концерт был выпущен в новой записи американской фирмой RCA. Пластинки продаются и сейчас, и все могут убедиться в правдивости моих слов.

* * *

В этой «американской» главе не могу не упомянуть о мистере Инсулле, одном из крупнейших финансистов того времени, а к тому же страстном любителе оперной музыки и подлинном меценате.

Владелец крупных предприятий, он находил время принимать живейшее участие в музыкальной жизни, особенно в родном Чикаго. Он был другом самых знаменитых певцов и ко мне относился с искренней симпатией.

Довольно пожилой, истинный джентльмен, мистер Инсулл был обаятельным человеком.

Я разместила свой «генеральный штаб» в чикагском «Конгресс-отеле», где жили также Райза, Муцио, Хаккет, Римини и другие первоклассные певцы, и мы очень часто виделись с мистером Инсуллом. Однажды он сказал мне:

— Что вы делаете, дорогая Тоти, с вашими гонорарами?

— Странный вопрос, — удивилась я. — Откладываю их, за вычетом каждодневных расходов, кстати, довольно крупных, особенно здесь, в Америке.

— А вы не пытались вложить их в какое-нибудь выгодное дело?

Что я могла ответить, если не была в состоянии даже заполнить банковский чек? Я удивленно посмотрела на него, и, должно быть, в моем взгляде было столько наивного изумления, что он расхохотался как сумасшедший. Короче говоря, мои американские гонорары я поручила заботам мистера Инсулла, что сделали, впрочем, и остальные мои коллеги. Очень скоро я убедилась, что решение это принесло мне изрядную выгоду.

Впрочем, я многим рисковала, в чем убедилась несколько позже, в год великого кризиса, когда Уолл-стрит заставил

Америку да и почти весь мир на время обезуметь от страха. В том ужасном 1929 году тысячи, десятки тысяч богачей и миллионы мелких вкладчиков потеряли все свое состояние и совершенно разорились.

В те дни я тоже опасалась за свои сбережения, ведь я доверила мистеру Инсуллу почти миллион лир. Но мне повезло и в этом случае. Раньше чем он сам пострадал от урагана финансового краха, мистер Инсулл успел перевести в Милан ровно миллион лир, то есть все мои сбережения, плюс проценты. Многие мои американские друзья и товарищи по сцене оказались куда менее удачливыми.

Время от времени мистер Инсулл закупал для своих многочисленных служащих все билеты на лучшие спектакли в чикагском театре «Аудиториум».

В период моего первого турне Инсулл субсидировал пышную и красочную постановку оперетты Штрауса «Летучая мышь». Были приглашены тенор Хаккет, Райза, Римини и другие лучшие певцы, гастролировавшие тогда в Америке. Я прибыла в Чикаго в самый разгар репетиций.

Едва мистер Инсулл узнал о моем приезде, он пригласил меня в свой кабинет и предложил принять участие в спектакле. Гонорар был довольно высок — семьсот долларов за выступление.

Мне предстояло спеть «Венецианский карнавал» как вставной номер во втором действии, когда венское общество принимает у себя русского князя. Словом, я должна была изображать итальянскую певицу, призванную украсить прием.

Конечно, я приняла предложение мистера Инсулла. Мое появление было полной неожиданностью для всех, одним из тех сюрпризов, которые приводили в неистовый восторг темпераментного американского зрителя. Когда настал момент моего выхода на сцену, оркестр внезапно заиграл вступление к «Венецианскому карнавалу». Зрители устроили мне настоящую овацию.

Но мои коллеги были весьма раздосадованы. Они так разобиделись, что я пожалела о содеянном. Все они, не жалея сил, на английском языке разучивали арии и дуэты из «Летучей мыши», и вот буквально в последнюю минуту появляюсь я и получаю самый лакомый кусок, притом без всяких усилий с моей стороны. Ведь очень выигрышный и эффектный «Венецианский карнавал» давно вошел в мой репертуар. Однако гнев моих коллег скоро поостыл. Относясь ко мне очень хорошо, они поняли, что моей вины тут нет. Просто мистер Инсулл, как всякий истинный американец, любил преподносить знакомым и друзьям сюрпризы, возможно, не всегда приятные; вот и на этот

раз он не удержался от искушения сыграть с ними «веселую» шутку.

* * *

В период моего турне по Соединенным Штатам там действовал и довольно строго соблюдался «сухой закон». Однако маленькие и крупные организации контрабандистов систематически его нарушали. Достаточно вспомнить о печальной памяти гангстерских бандах Аль Капоне и других главарей.

Эпицентром контрабанды был Чикаго.

Мы, итальянские певцы, иной раз с тоской вспоминали о добром стакане отечественного вина. Я тоже за обедом нередко мечтала о бутылке натурального вина с холмов Тревизо. Вот почему в один прекрасный день (хотя, скорее, в один ужасный день) я и трое моих коллег приняли приглашение пообедать и выпить на ферме в двух-трех десятках миль от Чикаго.

После долгой езды на машине мы наконец прибыли на хваленую farm,[9] где были торжественно встречены хозяином и его семьей. Стол был накрыт в погребе, просторном, чистом, по-своему уютном помещении, сплошь заставленном бочонками. Проголодавшись за дорогу, мы отдали дань уважения вкусной домашней еде. Что же до вина, то его мы пили не из бутылок, а прямо из бочек, пользуясь, как и местные крестьяне, резиновыми трубочками. Вскоре все мы немного захмелели. А на обратном пути я и мои друзья, кто в меньшей степени, кто в большей, почувствовали себя плохо.

Проснувшись утром, я с ужасом увидела, что лицо мое побагровело и вздулось еще хуже, чем после памятного коктейля из устриц.

Что делать? Прежде всего срочно вызвать врача, а затем просить перенести спектакль на другой день. Как я могла выйти на сцену в таком ужасающем состоянии? К тому же мне становилось все хуже. Приехавший врач без труда поставил диагноз — отравление фальсифицированным вином. Этот нектар, амброзия, эликсир бодрости был сделан из чего угодно, но только не из винограда.

Этот случай послужил мне хорошим уроком на будущее. Все остальное время моего пребывания в Соединенных Штатах я строго придерживалась «сухого закона».

* * *

Я избороздила Северную Америку вдоль и поперек, пела в самых крупных промышленных центрах и в провинциальных городках, проехала на поезде, в машине, на пароходе тысячи километров. Эта огромная страна неизменно поражала и даже слегка пугала меня своим динамизмом, энергией, баснословным богатством и бешеным ритмом жизни.

Иногда эта вечная спешка и беспрестанная смена впечатлений вызывала у меня головокружение. И именно в этих шумных американских городах я нередко испытывала щемящее чувство одиночества.

Мне навсегда запомнились грустные серые сумерки, когда я одиноко сидела в четырех стенах моей комнаты в нью-йоркской гостинице «Балтимор-отель». Меня вдруг охватила тоска по милой Венеции, тихому Пьеве ди Солиго, по родным, друзьям, которых я не видела уже несколько месяцев, и я… расплакалась. Не в силах больше выносить это одиночество, я вышла из комнаты, села в лифт и спустилась на людную, в огнях реклам, авеню. Неподалеку находились универсальные магазины Дэвиса.

Я зашла в один из них, купила огромную куклу с длинными темными косами и большими голубыми глазами. Вернувшись в гостиницу, я положила куклу на кровать и сразу почувствовала себя не такой одинокой.

XXI. Бриллианты, собаки и… контрабанда

Кроме Австралии и Соединенных Штатов Америки я совершила три поездки по Южной Америке. И каждое из этих путешествий было рискованным предприятием. Основным средством передвижения были тогда поезда и пароходы. Самолеты в то время не отличались надежностью, и к их помощи прибегали довольно редко. Путешествие в Южную Америку (Бразилия, Уругвай, Аргентина, Чили) длилось целый месяц.

Зарубежные певцы получали в этих странах высокие гонорары, ибо весьма многочисленные ценители музыки, среди которых было немало итальянских эмигрантов нового и старого поколений, до фанатизма любили оперу.

После выступлений в Сан-Паоло, Буэнос-Айресе, Монтевидео, Сантьяго, где повсеместно можно услышать итальянскую речь и даже наши диалекты, я нередко бывала растрогана до слез. Мы несли сотням тысяч итальянцев голос их родины.

Среди итальянских певцов не было ни одного, кто не мечтал бы приобрести на заработанные деньги какие-нибудь драгоценности, в особенности бриллианты. Ведь стоимость их в Южной Америке была куда ниже, чем в Европе и на других континентах.

Купленное мною во время первого американского турне кольцо с двумя бриллиантами доставило мне много радости. Помнится, я внезапно просыпалась ночью, открывала футляр и при свете лампы любовалась сверкающими камнями. Потом мне захотелось большой, красивый бриллиант, такой же, как у Розы Раизы и Габриэллы Безанцони. Мое желание сбылось во время третьего турне по Южной Америке.

В самом начале гастролей в Буэнос-Айресе я отправилась к одному из самых знаменитых ювелиров на Calle Florida.[10] Со мной были Пертиле, Галеффи и Лаури-Вольпи, который купил чудесный голубой бриллиант для своей жены. Я же не могла оторвать глаз от огромного бриллианта, весившего целых восемьдесят гран. Цена его была сносной, но мне она казалась фантастической, так как я не имела таких денег. Я умирала от желания приобрести этот бриллиант, но не решалась купить его, ибо не могла тут же, немедленно заплатить всю сумму.

Однако Пертиле, Галеффи и Лаури-Вольпи настаивали. Уговаривал меня и сам ювелир, привыкший вести дела с итальянскими певцами. Он знал, сколько мне еще предстоит

концертов и каковы мои гонорары.

Слава Тоти Даль Монте была тогда в самом зените, моя популярность росла от спектакля к спектаклю, так что мне не приходилось волноваться.

В конце концов меня уговорили, и я взяла бриллиант. После каждого выступления я пунктуально делала очередной взнос за него и в конце концов благодаря своим каденциям и «ми-бемолям» сумела уплатить весь долг.

Покупка этого бриллианта казалась мне чудом, прежде я и мечтать не смела, что стану обладательницей такой драгоценности.

Помню последнее выступление в битком набитом зале театра «Колон», где я пела в «Риголетто». Энтузиазм зрителей достиг такого накала, что со стороны можно было подумать, будто все они в лихорадочном жару. В последнем действии, в драматической сцене смерти Джильды, Галеффи склонился надо мной и, не прерывая дуэта, тихонько сказал:

— Пой же, Тоти, пой лучше, ведь завтра последний взнос — и бриллиант навсегда твой.

Да, в тот вечер я получила гонорар, позволивший мне окончательно рассчитаться с ювелиром.

Мои друзья решили отпраздновать это приятное событие, и мы распили несколько бутылок шампанского.

* * *

В связи с этим хочется рассказать, как я контрабандой провозила свои бриллианты. Я навсегда запомнила треволнения, которые мне довелось пережить при возвращении из последнего турне по Соединенным Штатам.

В Сан-Франциско я купила картины, вазы, китайские статуэтки и множество разных безделушек. До Гавра все шло как нельзя лучше. Неприятности начались уже недалеко от дома, на границе. Швейцарские таможенники всегда отличались тщательностью и строгостью досмотра, и я изрядно волновалась. После проверки паспортов я стала с трепетом ждать прихода таможенников. Наконец один из них явился и спросил, везу ли я с собой вещи, подлежащие пошлине. Еще бы! Я везла три полных чемодана всякого добра… Я еле слышно ответила: «Да так, кое-что» — и стала лихорадочно рыться в сумочке, ища ключи. Тут, на мое счастье, упал мой паспорт. Чиновник любезно поднял его, а когда он прочел мое имя, я была спасена. Он поудобнее устроился на диване и, забыв о досмотре, рассыпался в

любезностях и похвалах, забрасывая меня вопросами и восторженно восклицая:

— Ах, у вас ангельский голос! Ах, Тосканини — великий дирижер! «Лючия ди Ламмермур», ах, какая это чудесная опера! Ах, как вы великолепно пели в «Риголетто»!

Он, наверно, долго еще восхищался бы моим пением, если бы я не подарила ему фотографию с надписью.

* * *

Не могу не вспомнить случаи с моими собачками. Я уже писала, что очень люблю эти милые существа, которые нередко развлекают нас в часы одиночества. Чтобы понять, как много значит для хозяина ласковая, грациозная и преданная собачка, нужно, наверно, как я, надолго отлучаться из дому и одной колесить по свету, оставив вдали родных и близких.

Но очень трудно возить с собой собаку, пусть даже небольшую (а мне всегда нравились маленькие собачки), особенно в англо-саксонских странах, где запрещен даже временный импорт собак, кошек, попугаев и других домашних животных и птиц.

После неугомонного Пирипиккио я бесконечно привязалась к Титине, изящному, живому и на редкость умному тойтерьеру. Титина походила на крохотную темно-коричневую лошадку с пятнышками на мордочке. Ласковая и нежная, она повсюду следовала за мной, и все любовались ею. Я приводила собачку даже в театр, а перед выходом на сцену запирала ее в артистической уборной.

Однажды ее непослушание и моя небрежность едва не сорвали представление «Риголетто» в «Ла Скала».

Выйдя из артистической уборной, я забыла закрыть дверь, и Титина, которой надоело лежать на своей подстилке, отправилась прогуляться по сцене. Исполняя с Галеффи дуэт, я внезапно заметила в глубине сцены Титину. К счастью, в четвертом действии сцена освещена довольно слабо, но я все же похолодела от страха при мысли, что Титина увидит меня, подойдет, виляя хвостом, и, как обычно, начнет ласться ко мне.

Я услышала, как служанка и рабочие сцены тихонько звали мою Титину, наконец высунулась чья-то рука и схватила собачонку. Опасность миновала, но я ужасно боялась, что Тосканини со своего пульта все видел.

Мой прежний любимец Пирипиккио был маленьким чудом природы. Слушая мое пение, он научился подражать мне и

сопровождал мои сольфеджио удивительно музыкальным повизгиванием.

Тосканини не верил рассказам об удивительном слухе Пирипиккио. Он скептически улыбался, но после моих настойчивых просьб согласился послушать и Пирипиккио. «Одной собакой меньше или больше, не все ли равно», — сказал он.

Опыт удался на славу, и Тосканини смеялся до слез, а потом шутливо говорил, что наконец-то нашел для Тоти замену.

Когда я отправилась во второе австралийское турне, то твердо решила взять с собой Титину. По соглашению с дирекцией ее включили в «состав труппы». Она считалась «необходимой» для постановки «Дон Паскуале»: мою собачку должны были торжественно пронести по сцене в корзине как подарок невесте.

Эта сценка очень понравилась австралийским зрителям. Титина получила свою порцию аплодисментов и, казалось, даже прониклась всей важностью своей роли.

Увы, жизнь в Австралии была для моей любимицы не слишком веселой. Едва мы прибыли в Мельбурн, на борт парохода явились два полисмена и увезли Титину прямо в театр, откуда было запрещено выводить ее на улицу. И так было во всех городах, где мы выступали.

После Титины у меня была Фрида, собачка английской породы, нежно-розового цвета. Она тоже была очень ласковой, но отличалась капризным нравом и доставляла мне массу хлопот.

Среди моих песиков был и один самоубийца. Звали его Робби. Йоркширской породы, с длинной темно-серебристой шерстью, он был очень предан мне, но в разгар любовных настроений вечно норовил удрать. В моем миланском доме на улице Куадронно он долгие часы проводил, лежа на подоконнике третьего этажа. Стоило ему, однако, завидеть на улице другую собаку, он тут же начинал лаять и рваться из комнаты.

Вскоре он воспылал страстью к маленькой белой болонке, которая часто прогуливалась под моими окнами. Маленькая болонка была, видно, большая кокетка. Робби буквально сгорал от любви.

Однажды, когда эта чаровница вышла из-за угла, Робби не утерпел и бросился вниз с подоконника, мгновенно разбившись насмерть.

Я долго не могла прийти в себя и твердо решила больше не заводить собак.

Но в Японии мне подарили Мичико, удивительно смышленого и немного загадочного, как сама восточная природа, песика. Вернувшись домой, я решила оставить его у себя на вилле в Барбизанелло, где уже обитала Фрида.

Завидев «иностранца», Фрида вначале очень разозлилась и стала гневно лаять. Но потом женский инстинкт одержал победу, и она подружилась с Мичико, покорившим ее сердце своей экзотической красотой. Видно, у собак от дружбы до любви тоже один шаг, и в один прекрасный день я обнаружила, что галантный японец соблазнил мою Фриду. От их необычного брака родилось трое грациозных щенят. Мы назвали их: Аксум, Адуа, Маккале; это было начало рождения целой династии.

XXII. Австралийские воспоминания и свадьба в Сиднее

Из Соединенных Штатов я отправилась в Канаду, где дала несколько концертов, а оттуда после долгого и очень приятного плавания по Тихому океану прибыла в Австралию. На пути мы дали концерт в Гонолулу, столице Гаваи. Этот поистине райский уголок произвел на меня неизгладимое впечатление. Меня переполняли необъяснимый восторг и радость жизни.

Там, на Гавайских островах, мне случилось своими глазами увидеть странное, совершенно невероятное зрелище. Мы поехали осматривать плантацию ананасов, раскинувшуюся на огромной площади. Воздух здесь был напоен каким-то одуряющим ароматом, а пейзаж казался фантастическим, совершенно неземным.

Внезапно я заметила среди зелени несколько орангутангов и вздрогнула от страха, но провожающие, смеясь, объяснили мне, что эти чудовищной силы обезьяны, от которых лучше держаться подальше, «служат» на плантации сторожами. Их приручили и специально выдрессировали охранять плантацию, что они делали с величайшим усердием и редкой преданностью хозяевам. У кого достанет смелости забраться на плантацию, охраняемую такими свирепыми церберами? К тому же эти сторожа стоили очень недорого, удовлетворялись лишь едой и не имели никаких профсоюзных прав.

Воспоминания о Гавае напомнили мне о другом сказочном уголке — островах Паго-Паго.

Однажды я проснулась на рассвете. Пароход не двигался, и я решила, что мы прибыли на место. Все спали, но я, вечно жаждущая новых впечатлений, встала, чтобы заглянуть в иллюминатор.

Передо мной возникла неописуемо прекрасная картина. Море было спокойным, а отливавшая голубизной вода — на редкость прозрачной. Толстые, большущие головы медуз покачивались на поверхности, заполнив почти всю бухту.

Очарованная этим зрелищем, я позвала моряка-сигнальщика, и он рассказал мне, что это удивительное по своим краскам море таило в себе грозную опасность. Он провел меня на мостик и показал огромных акул, которые кружились у самого парохода, там, где скапливались кухонные отбросы.

Взволнованная всем виденным, я вернулась в каюту. Не успела я сесть за столик, как в дверь постучали и вошел

посыльный. Он принес громадную корзину роз и записку.

На острове уже много лет жила и работала группа неаполитанцев. Узнав из газет о моем прибытии, они решили первыми приветствовать меня этим чудесным подношением.

Немного спустя несколько моих соотечественников поднялись на борт корабля и пригласили меня принять участие в прогулке, организованной в мою честь. Как истинные неаполитанцы, они изо всех сил старались, чтобы у меня осталось наилучшее воспоминание от короткого пребывания на этих волшебных островах.

Мы отправились на машине осматривать кокосовую плантацию, принадлежавшую одной негритянской семье. Прежде чем войти в дом хозяина плантации, я, по местному обычаю, отведала кокосового сока, который мне поднес самый младший отпрыск семьи, меж тем как старшие сыновья с обезьяньей ловкостью взобрались на пальмы, чтобы сорвать самые спелые орехи.

После осмотра плантации мои гиды повезли меня в «Гранд-отель», весьма американизированный отель, где я вместе с холодным как лед виски и лимонадом впервые попробовала на редкость вкусный напиток curry rise. Наконец мы вернулись на пароход, где меня ждал последний сюрприз: группа красивых девушек не старше тринадцати лет, с точеными фигурками и бронзовой кожей исполнила под аккомпанемент каких-то незнакомых мне инструментов экзотические национальные танцы, приведя присутствующих в полнейший восторг. На головах у юных танцовщиц были венки из цветов, на запястьях — браслеты, грудь и бедра прикрыты маленькими разноцветными перьями, волосы густо напомажены кокосовым маслом.

Желая выразить свою признательность за все эти любезности и знаки внимания, я спела для присутствующих бесчисленное множество канцон.

Согласно контракту с «Тейт-Вильямсон», во время моего второго австралийского турне я должна была дать пятьдесят два концерта и в главных городах и в самых отдаленных уголках страны.

Два года назад мне платили десять тысяч лир за выступление. Во втором турне гонорар мой равнялся двумстам двадцати пяти австралийским лирам, что составляло примерно сорок пять тысяч итальянских лир.

Репертуар концертов был довольно пестрым и состоял из произведений итальянских, английских, французских и испанских композиторов. Многие вещи мне приходилось исполнять на «бис». Обычно это были легкие шуточные песенки,

которые я благодаря своему артистическому темпераменту превращала в живые, искрометные сценки.

Фактически за каждую минуту пения я получала тысячу лир, что в те времена было поистине рекордом!

На «бис» я постоянно исполняла старинную английскую песенку «Ку-ку-ку», своеобразное подражание пению кукушки. Австралийцы были от нее без ума. Исполнять ее было очень легко, а эффект она производила огромный, прежде всего потому, что мне всегда было присуще чувство юмора. Длилось это мелодичное «Ку-ку-ку» ровно минуту, а когда я возвращалась после выступления в артистическую уборную, мой партнер баритон Беуф встречал меня словами:

— А вот и наша плутовка явилась!

Успех наших выступлений поистине превзошел все ожидания.

Покинув Австралию, мы направились в Новую Зеландию, эту страну сельской идиллии. Четыре дня путешествия от Сиднея до Веллингтона не доставили мне особой радости. На море бушевал шторм, да и чувствовала я себя неважно: сказывалось утомительное турне по Австралии. Но едва я вступила на берег на редкость красивой Новой Зеландии, как сразу почувствовала себя лучше.

В Новой Зеландии мы пробыли примерно месяц, выступая с концертами в Окленде, Веллингтоне и в других городах. Специально для выступлений в Новой Зеландии я разучила несколько песен племени маори, отличающихся бешеным ритмом и своеобразной напевностью колыбельных. Как известно, маори — коренные жители этого архипелага.

С британскими поселенцами они живут теперь мирно. Там очень много смешанных браков, и этому никто не препятствует. По моим наблюдениям, маори — крепкое, здоровое племя, отнюдь не находящееся в состоянии деградации.

В период своего пребывания в Новой Зеландии я наконец-то смогла вдоволь поесть моих любимых устриц. Они здесь очень крупные и удивительно вкусные. Вскоре о моем пристрастии к этой морской живности стало известно всем, и, куда бы я ни приезжала, в мою честь устраивали устричный банкет.

На этой земле первозданной красоты с мягким, здоровым климатом, простыми старинными обычаями я почувствовала себя счастливой. Местные жители на первый взгляд показались мне довольно замкнутыми, не склонными к бурным эмоциям. Но после первых же концертов от их сдержанности и замкнутости не осталось и следа, и не раз зрители награждали меня в конце выступления оглушительными аплодисментами.

На следующий день после нашего отъезда из Новой Зеландии

там произошло сильное землетрясение, буквально опустошившее провинцию Окленд и нанесшее огромные разрушения столице.

* * *

Несколько лет назад, когда я находилась в Риме, английское посольство прислало ко мне грациозную девушку-маори с просьбой послушать ее и сказать, есть ли у нее голос. Звали ее Мина, и она сказала, что хочет учиться пению под моим руководством. У девушки был непоставленный, но довольно сильный от природы голос, чем-то напоминавший трели птиц ее далекой родины. Однако вскоре нам пришлось прервать занятия, так как Мина заболела.

У бедняжки начала ослабевать память, ее преследовали кошмары, пришлось срочно отправить девушку домой. Я очень огорчалась, тем более что после отъезда Мины долго не получала от нее никаких вестей.

Наконец однажды пришло письмо из Новой Зеландии. Сестра больницы, в которой лежала Мина, сообщала мне, что девушка постепенно приходит в себя, а в конце добавляла, что Мина очень часто вспоминает обо мне.

И вот совсем недавно ко мне нежданно-негаданно явился один юноша-новозеландец. Он рассказал, что Мина выздоровела и посылает мне скромный подарок — булавку, инкрустированную в стиле маори кусочками эмали.

* * *

Мне хочется добавить еще несколько подробностей о моем втором турне по Австралии. Пожалуй, с этой далекой страной связаны мои самые лучшие воспоминания, и я испытываю искреннюю благодарность и симпатию к ней. До сих пор мною иногда овладевает настоящая тоска по прекрасной Австралии, и я радуюсь, когда слышу разговоры о ее бурном развитии и блестящем будущем.

Кроме больших городов, таких, как Сидней, Мельбурн, Брисбен, Аделаида, я с нежностью вспоминаю и о небольших селениях, куда надо добираться через бесконечные степи и целые леса эвкалиптов.

В Южном Уэлсе, что расположен неподалеку от Брисбена, компания знакомых пригласила меня на пикник в лесу. Привлеченные, а может быть, напуганные нашим вторжением, с

веток внезапно вспорхнули и закружились в воздухе сотни на диво красивых зелено-голубых попугаев, устроивших оглушительный концерт, не знаю уж, в нашу ли честь или в знак протеста.

Я не боюсь показаться нескромной, если скажу, что на мою любовь к их родине австралийцы ответили мне такой же любовью.

Я уже писала о моем триумфальном первом турне и о встрече с кумиром австралийцев — знаменитой певицей Нелли Мельба, которая отнеслась ко мне очень дружелюбно. Когда я давала первый концерт в Сиднее, все, буквально все цветочники города прислали мне цветы, и сцена просто утопала в них.

Моя популярность была столь велика, что я даже невольно принесла удачу одному ресторану в Сиднее. До моего приезда он влачил довольно жалкое существование. Однажды я зашла туда, чтобы выразить свою признательность его владелице, приславшей мне в подарок чудесную пижаму с ручной вышивкой. После обычных приветствий ко мне подошел повар-венецианец, которому не терпелось выразить свое восхищение моим пением. Я воспользовалась удобным случаем и спросила у него, могу ли я рассчитывать на обед по-венециански — мне уже изрядно надоели изощренные блюда китайских ресторанов и толстенные австралийские бифштексы.

— Что бы вы хотели, синьора?

— На первое ризотто, но только приготовленный по всем правилам.

— А на второе?

— Умираю от желания попробовать печенку по-венециански. Но именно по-венециански, с гарниром из лука и поленты.

— Приходите завтра, синьора, все будет приготовлено по вашему вкусу.

На следующий день я снова пришла в этот ресторан. Ризотто был бесподобен. Мне казалось, что я обедаю в одной из знаменитых тратторий моей Венеции. Печенка по-венециански таяла во рту, а приправа оказалась на редкость сочной.

С того дня я не раз обедала в этом чудо-ресторане, услаждая себя любимыми блюдами моей Венеции. Хозяйка ресторана не преминула использовать мои посещения в целях рекламы, и в меню ресторана появилось немало блюд «а-ля Тоти Даль Монте».

На следующий год, уже в Риме, ко мне в гостиницу явилась синьора из Австралии. Не узнав еще хозяйку ресторана в Сиднее, я попросила ее зайти ко мне в номер. Но едва она назвалась, я сразу вспомнила ризотто с зеленым горошком и замечательную печенку.

Синьора рассказала, что я принесла удачу ее ресторану. Блюда «а-ля Тоти» пользуются неизменным успехом, а повар-венецианец стал своего рода знаменитостью.

— Я просто не знаю, как выразить вам свою благодарность! — воскликнула синьора, протягивая мне изящную корзину. — Я слышала, что вы очень любите цветы, и решила подарить вам чисто австралийское растение.

Темно-коричневые гроздья цветов боронии удивительно красивы и пахучи. Я открыла корзину и убедилась, что цветок сохранил всю свою свежесть и несказанный аромат. Мне показалось, будто я вдыхаю запахи Океании, и в особенности запах одного, австралийского цветка, дающего плоды, похожие на большой орех, наполненный красной, как у граната, жидкостью с мелкими зернышками. Жители Австралии, добавляя в эту жидкость сливки, готовят очень вкусное сладкое кушанье.

* * *

Третий раз я побывала в Австралии в 1928 году. Это был памятный и очень важный для меня год.

Мистер Тейт, представитель крупной австралийской фирмы «Вильямсон», поставил дело на широкую ногу. Кроме меня он пригласил теноров Де Муро и Мерли, баритона Гранфорте, сопрано Аранджи Ломбарди, Скавицци, Лакоску, басов Аутори и Ди Лелио, ряд других отличных певцов, а также труппу французского театра. Режиссерами спектаклей и директорами были Баваньоли и Фугаццола.

Мой репертуар включал обычные для меня оперы, а также «Сказки Гофмана».

С Де Муро я познакомилась в «Ла Скала» на репетициях оперы «Дочь полка». После прослушивания Тосканини сказал о нем:

— Он поет в стиле Тоти.

Де Муро был очень музыкален и обладал превосходным голосом, напоминавшим по тембру Карузо.

Красивый, вежливый, высокообразованный (он окончил юридический факультет), Де Муро с некоторых пор стал ухаживать за мной. Хотя он происходил из знатной семьи, но никогда не кичился своим баронским титулом и был очень экспансивным, общительным человеком.

Поездка в Австралию была для меня горькой из-за разлуки с другом и товарищем по искусству, с которым я была связана большим чувством. Луиджи Монтесанто, чудесный певец и актер,

нашел во мне родственную душу.

Мы познакомились с Монтесанто в Чикаго, когда вместе пели в операх «Риголетто», «Лючия ди Ламмермур» и «Линда де Шамуни», открыв друг в друге большую духовную близость и сердечное влечение.

Однако Монтесанто в ранней молодости женился на одной певице, милой и доброй женщине. Простая и недалекая, она могла дарить Монтесанто лишь свою молчаливую преданность и заботу. Но, как глубоко честный человек, он и не помышлял о разводе, да и у меня не хватало духу даже подумать об этом.

Наша любовь была полна самопожертвования, добровольного отказа от полного счастья, коротких тайных встреч, и все это ради спокойствия жены моего друга. Простившись с Луиджи в Ливорно, я в самом грустном настроении отправилась в утомительное путешествие. Мы дали друг другу обещание часто писать и телеграфировать, чтобы в разлуке не чувствовать себя такими одинокими.

В этот раз царившие на пароходе суета, шум и болтовня раздражали меня. Галантные ухаживания Де Муро стали более упорными, но я относилась к ним довольно равнодушно.

В Мельбурне мое отчаяние достигло предела. Мы пробыли там целых два месяца, а я не получила от Монтесанто ни одного письма. Молчание друга мучило меня, рушились все мои надежды, я чувствовала себя покинутой, забытой и мысленно твердила, что наш «треугольник» невыносим, что нужно скорее положить этому конец. Тем временем Де Муро становился все настойчивее, и я начала думать о замужестве как о самопожертвовании и одновременно желанном освобождении от страданий. Де Муро — приятный молодой человек с твердыми моральными устоями. Он поможет мне создать новую жизнь, подарит ребенка. И вот я решила запереть сердце на ключ и принять его ухаживания, которые мало-помалу становились мне даже приятны.

Не знаю уж, судьба тут или нет, но через месяц мы обручились. Это событие, понятно, не ускользнуло от бдительных взоров друзей и коллег.

Австралийские газеты быстро пронюхали о сенсационной новости, а наша фирма ради рекламы сообщила корреспондентам новые подробности. Словом, я в какой-то мере оказалась во власти событий, и вокруг меня создалась атмосфера чудесной сказки. Жажда материнства ускорила мою капитуляцию.

Двадцать восьмого июля в честь моего обручения с Энцо Де Муро был устроен роскошный прием, который подробно описали все газеты. Нас беспрестанно фотографировали, брали интервью,

горячо поздравляли. Захваченные этой волной энтузиазма и горячей симпатии, мы решили отпраздновать свадьбу тут же в Австралии, не откладывая столь радостное событие до возвращения в Италию.

Свадьба состоялась 23 августа 1928 года в Сиднее, в большой католической церкви святой Марии.

В усыпанной цветами и празднично украшенной церкви набилось столько гостей, знатных особ и друзей, что буквально яблоку негде было упасть, а у входа собралась двадцатипятитысячная толпа.

На близлежащих улицах приостановилось движение транспорта, и полиции в тот день пришлось потрудиться в поте лица, чтобы сдержать безбрежное людское море.

Шаферами на свадьбе были мистер Тейт, Лина Скавицци и Аранджи Ломбарди с мужем.

Выйдя из церкви, я очутилась во власти толпы. Когда мне с великим трудом удалось освободиться от бесконечных объятий и сесть в автомобиль, я увидела, что от моей пышной фаты остались лишь клочки кисеи на голове, все остальное оборвали на память и растащили по кусочкам мои не в меру восторженные поклонники.

Я была растрогана и немного растерянна. Пожалуй, именно с того памятного дня я всей душой полюбила Австралию, считая ее своей второй родиной.

Свадебный обед был устроен «у Романо», в знаменитом итальянском ресторане Сиднея. Когда мы вошли в ресторан, нас усадили в украшенную цветами гондолу и повезли в зал. Банкет был несказанно пышным, за столами не умолкали веселый смех, шутливые тосты, восторженные возгласы «ура!», бурные изъявления любви к новобрачным. А затем — свадебное путешествие. Целая неделя покоя и отдыха в одном из чудесных селений Нью-Голса.

Но насладиться полным покоем нам так и не пришлось. Газеты и радио успели разгласить маршрут нашего путешествия, и на каждой станции толпы людей закидывали нас цветами. Наше купе походило, скорее, на оранжерею.

Была ли я счастлива? Да, конечно, но где-то в глубине души затаилась тайная грусть, может быть сожаление, и тоска.

Накануне свадьбы мне вручили целый пакет слегка обгоревших писем от «него», чудом уцелевших после авиационной катастрофы.

Каждое слово в них было полно надежды, тревоги и преданности. Кто знает, получи я их вовремя, возможно, я не вышла бы замуж столь поспешно. Вероятно, я еще повременила

бы и решилась на брак лишь после возвращения в Италию.

Впрочем, я ни о чем не жалею, несмотря на все, что случилось позже.

Союз с Де Муро дал мне самое глубокое и полное в моей жизни счастье — счастье материнства. И эту радость, воплощенную в моей дочери Мари и ее детях, я пронесу в своем сердце до последнего часа своей жизни.

* * *

Свадебное путешествие показало, какой популярностью я пользовалась в Австралии.

В самых маленьких городах я видела проявления горячей симпатии. Когда мы пересекли пустыню и поезд внезапно остановился, меня окружила кучка аборигенов бедного бродячего племени, оттесненных в бесплодную пустыню безжалостной «цивилизацией» белых. Туземцы, едва завидев меня, стали кричать гортанными голосами: «То-ти, То-ти!» — забавно жестикулируя и пританцовывая.

Фантастический, неописуемый закат окрасил розовым цветом необозримую пустыню. Я до сих пор вижу большие глаза туземных ребятишек, которые просили у меня не то хлеба, не то просто ласки. Они запали мне в сердце, и я спела им «Ninna-Nanna»,[11] а потом раздала все конфеты и печенье.

По окончании турне я вместе со всей труппой села на пароход в Фримантле, покидая Австралию с тоской и надеждой в сердце. Тоской — из-за разрыва с любимым и с надеждой на счастливое будущее.

Обратное путешествие было для меня подлинной отрадой.

Медовый месяц пока ничем не омрачался, Энцо был нежным и заботливым супругом. Прибыв в Неаполь, я сразу же познакомилась с моими новыми родственниками. На пристани меня ждали мать и сестра Энцо. Они встретили меня очень приветливо, да и впоследствии относились ко мне очень хорошо. Я со своей стороны отвечала им тем же. Целый кортеж машин отправился в Канозу, маленький городок в Пулье.

Здесь, на родине семейства Де Муро Ла Манто, меня окружили весьма многочисленные родственники мужа, все до одного приятные люди, наперебой старавшиеся выказать мне свой восторг и восхищение. В баронском дворце моих новых родичей не прекращались приемы и званые обеды, что подвергало тяжкому испытанию мою выносливость. Моя свекровь, донна Мария, отнеслась ко мне, как родная мать, а ее сестра, тетушка

Эмма, к моему великому горю, недавно скончавшаяся в Риме, с первой встречи проявила ко мне большую симпатию.

После торжественного ужина с бенгальскими огнями и иллюминацией мне полагалось дать концерт, который явился бы достойным завершением тех незабываемых дней, но тут вмешался дьявол: как раз накануне я заболела бронхитом и совершенно охрипла.

И я и все семейство Де Муро были в глубоком унынии. До самого последнего момента мы надеялись на чудо. О том, чтобы отложить концерт, нечего было и думать. Пришлось прямо из ложи, где я сидела с моими близкими родственниками, извиниться перед зрителями.

Все были крайне разочарованы, но в моих словах было столько искреннего огорчения, что присутствовавшие наградили меня долгими аплодисментами. Нашлись, однако, люди, утверждавшие, что я зло подшутила над всеми.

Оправившись от бронхита, я выехала в Милан. Там меня и Энцо ждала премьера новой оперы Джордано — «Король». Само собой разумеется, театр «Ла Скала» ставил ее под руководством нашего неизменного Тосканини.

Маэстро встретил меня очень приветливо и спросил, правда ли, что я жду ребенка. Я подтвердила, и он стал относиться ко мне с особым вниманием, бдительно следя, чтобы я не очень уставала.

Мы с Ренцо чувствовали себя счастливыми. Мы безмерно рады были и близкому появлению крохотного создания и предстоящему ответственному дебюту в новой опере.

Для премьеры «Короля» Карамба создал великолепные костюмы и живописные мизансцены. Мой костюм был весьма сложным и массивным; мне предстояло облачиться в тяжелый свадебный наряд прямо на сцене, стоя за ширмой, которую поддерживали артистки балета. Музыка не умолкала ни на миг, и Тосканини, чтобы как-то выиграть время, чаще обычного прибегал к ферматам.

За ширмой царила неописуемая суматоха, и в спешке артистки балета надели мне разные туфли. Страшным мучением было петь труднейшую арию, держа в руках тяжелую корону, да еще нестерпимо болели ноги, а громоздкое платье буквально пригибало к земле. Едва кончилось действие, мне стало плохо.

Счастливому событию, увы, не суждено было осуществиться.

Как только я почувствовала недомогание, то сразу же легла в постель, чтобы соблюдать абсолютный покой, предписанный мне врачом. Я боялась хоть на йоту повредить своему будущему ребенку, но мне становилось все хуже и хуже, пока не произошел

выкидыш. Я была просто убита горем. Мне было крайне неприятно и то, что я невольно причинила большое огорчение Джордано. Но что делать? Я и сама изрядно намучилась, особенно морально. Представление «Короля» состоялось через несколько дней. Меня заменила Мерседес Капсир.

* * *

Выздоровев, я возобновила свою артистическую деятельность. В новом, 1929 году вместе с Аурелиано Пертиле я пела в туринском театре «Реджо», затем в римском «Реале», неаполитанском «Сан Карло» и, наконец, снова в «Ла Скала». Во всех этих театрах шла «Лючия ди Ламмермур» Доницетти.

В том же 1929 году театр «Ла Скала» предпринял грандиозное турне по Австрии и Германии. Специальным поездом выехал весь состав театра, включая оркестрантов, хор, балет, рабочих сцены. Даже декорации, бутафория и костюмы и те отправились в длительное путешествие.

Мы везли с собой оперы «Фальстаф», «Лючия ди Ламмермур», «Риголетто», «Трубадур». Тосканини отобрал для гастролей лучших певцов: Аранджи Ломбарди, Мерседес Лиопарт, Альфани Теллини, Эльвиру Козацца, Пертиле, Лаури-Вольпи, Де Муро Ла Манто, Стабиле, Франчи, Аутори, Ригетти, Тоти Даль Монте и других.

Это был настоящий праздник искусства, который привел в необычайный восторг жителей Вены и Берлина. Сказать, что это был триумф и блистательный успех, значит ничего не сказать. Все места на все спектакли были забронированы задолго до начала гастролей, но надо было видеть длиннейшие очереди за дешевыми билетами, которые с раннего утра выстраивались у касс.

Гениальный Тосканини и отобранные им певцы представляли наивысшее воплощение итальянского искусства и его самых благородных традиций бельканто. Услышать выступления «Ла Скала» смогли и наши соотечественники, ибо итальянское радио сумело организовать трансляцию концертов из Вены. Во всех городах, начиная с Вены и кончая Берлином, успех был потрясающий.

В Берлине произошел один трогательный эпизод, который особенно запечатлелся в моей памяти. Вместе с Галеффи и Лаури-Вольпи я пела в «Риголетто». Берлинский «Шарлотенбургтеатр», казалось, вот-вот рухнет под натиском зрителей, заполнявших огромный зал.

Когда я во втором акте кончила арию «Внемля имени его…», раздался гром аплодисментов. После спектакля я беседовала в артистической уборной с одной моей приятельницей-немкой, хорошо знавшей итальянский язык (я же так и не выучила ни одного слова по-немецки). В дверь постучался капельдинер и, страшно волнуясь, объяснил моей подруге, а та перевела мне, что на галерке сидит слепой, который, похоже, сошел с ума. Услышав мое пение, он заплакал, потом стал громко читать стихи, кричать какие-то бессвязные слова, а когда опустился занавес, попросил своих соседей отвести его к Тоти Даль Монте. Капельдинер спрашивал, что делать. Я сказала, что с удовольствием встречусь с этим человеком.

Едва я вышла из подъезда, ко мне приблизилась группка людей; впереди, держа в руке шляпу, шел средних лет мужчина, это и был слепой безумец. Мне показалось, что я разговариваю с человеком неуравновешенным, до крайности возбужденным. Его руки, сжимавшие мои пальцы, дрожали, голос срывался, и он сквозь слезы произносил какие-то отрывочные фразы. Вдруг он сказал что-то такое, отчего все остальные мгновенно умолкли.

Когда я попрощалась с ним и села в машину, моя приятельница воскликнула: «Как жаль, Тоти, что ты не поняла последней фразы этого бедняги слепца! Он сказал, что твое пение доставило ему огромную радость, заставившую его позабыть о своем несчастье — полной слепоте. А ведь он потерял зрение на итальянском фронте, на реке Пьяве!»

* * *

По истечении контракта с театром «Ла Скала» я отправилась в Париж, где в театре на Елисейских полях шел «цикл Россини», а также приняла участие в концерте в знаменитом зале «Плейель».

Затем мне пришлось прекратить всякие выступления. Я снова готовилась стать матерью и не хотела, чтобы повторился печальный случай, происшедший со мной несколько месяцев назад.

Я уединилась на своей вилле в Барбизанелло, недавно построенной моим деверем, архитектором Поссамай. Здесь был полный покой.

Врач разрешил мне вечером гулять по саду, но не больше четверти часа. В эти месяцы терпеливого ожидания за мной заботливо ухаживала моя преданная служанка Ида. Эта скромная венецианка, впоследствии три года неизменно сопровождавшая меня в моих заграничных турне, была удивительно расторопной и

толковой женщиной.

Наконец 15 апреля 1930 года на свет появилась девочка по имени Мари. Чтобы еще раз ощутить то волнение и радость, которые всегда вызывали во мне посвященные этому счастливому событию стихи моего друга — поэта и комедиографа Адами, я хочу воспроизвести их здесь:

Дорогу! Иду я среди анемон
в саду, где царит поэзия,
прекрасна, как солнце, как утренний сон,
как имя мое — Мария!

XXIII. Материнство

Материнство — удивительная радость. Это был самый счастливый период в моей жизни. Я забыла всех и вся — музыку, театр, зрителей — и жила только для моего крохотного создания, наслаждаясь той чистейшей радостью, которую испытывает каждая женщина, недавно ставшая матерью. Я словно отгородилась стеной от всех событий, и все мои мысли были только о столь желанной дочурке. Увы, уже через три месяца мое блаженство кончилось. Пришлось возобновить выступления. Моя первая встреча со зрителями произошла в Венеции на традиционном ночном празднике Redentore.[12]

Нет нужды долго объяснять, что значит этот праздник для Венеции: тысячи больших и малых лодок и гондол, пышно иллюминованных, скользят по каналу Джудекка и по Большому каналу, повсюду звучат музыка, песни, громкий смех. И как только с острова Сан Джорджо взлетит в небо фейерверк, на каждой лодке начинается пир и все жадно набрасываются на жареных уток, свежую рыбу, арбузы и вкусное натуральное вино.

В тот год меня вместе с мужем пригласило к себе семейство Аста. Все они были нашими большими друзьями, в особенности Ольга Аста, женщина редкого благородства, владелица знаменитого магазина кружев, отличавшаяся остроумием, тонким вкусом и искренней веселостью. В нашей гондоле, великолепно иллюминованной и разукрашенной, собралась компания примерно в сорок человек, и, когда мы медленно плыли по Большому каналу, меня узнало множество людей. Весть о моем появлении с быстротой молнии распространилось от одного к другому, и вскоре нас окружили сотни лодок и гондол, венецианцы дружно хлопали в ладоши и требовали, чтобы я спела.

Покойный Ферруччо Аста, вооружившись рупором и даже не спросив моего согласия, встал и торжественно объявил:

— Внимание, внимание, сейчас наша Тоти Даль Монте исполнит арию Джильды!

В ответ — неистовые крики радости и оглушительные аплодисменты. На соседней лодке кто-то громко произнес:

— Нам здорово повезло, черт возьми! Не заплатив ни гроша, послушать Тоти!

Хотя я отяжелела от весьма обильных порций рыбы, пришлось снова раскрыть рот, уже не для еды, а для пения. Я исполнила «Внемля имени его…» и бесконечное количество венецианских романсов и песен. Несколько канцон спел и мой

муж, которого тоже наградили громкими рукоплесканиями.

Картина была поистине фантастическая, напоминавшая красочные сцены из восточных сказок.

* * *

Выступив на празднике Redentore, я возобновила мою цыганскую жизнь, но в разъездах ужасно тосковала по своей дочурке. Летом я пела в Инсбруке, Вене, Остенде и в других городах Европы, а в сентябре на традиционной ярмарке в Пьяченце выступила в «Лючии» Доницетти. Именно в Пьяченце, которую я обожаю за ее приятные, чистые домики и умиротворяющую атмосферу, я познакомилась с одним удивительно комичным персонажем, и мне хочется рассказать о нем поподробнее.

Речь идет о великолепном флейтисте-самоучке Франческо Эльси, оригинальном, вдумчивом музыканте. Он должен был аккомпанировать мне в знаменитом рондо Лючии и утром явился репетировать прямо в гостиницу. Я только-только проснулась и не имела никакого желания петь.

Вначале я хотела сказать ему, чтобы он пришел в другой раз. Но не в моем характере было важничать и разыгрывать из себя примадонну. Я разрешила ему войти.

В дверь протиснулся маленький человечек, держа в руке футляр с флейтой, и, беспрестанно кланяясь, стал слабым голосом извиняться за беспокойство. Его поведение несколько озадачило меня, и, желая приободрить флейтиста, я заговорила с Эльси на родном венецианском диалекте.

Первым делом я посоветовала ему отбросить всякие церемонии, перестать отвешивать поклоны и смущаться.

Вначале дело пошло неважно, но я сразу поняла, что Эльси совершенно растерян, панически боится не угодить и получить отставку.

В одну из пауз он в отчаянии пробормотал:

— О боже, я ничего не соображаю, синьора, у меня, поверите ли, голова кругом идет! Можете смеяться надо мной, синьора, но только я от страха сам не свой. Клянусь вам, вечером я сыграю куда лучше. Понимаете, синьора, утром мы всей семьей пошли в церковь и молили господа сделать так, чтобы я не провалился. Ведь для меня, синьора, этот вечер очень много значит. Тут, в Пьяченце, каждый малыш знает Эльси, и весь город придет в театр послушать мою игру. Я уже слышу, как друзья-оркестранты подбадривают меня. Держись, Франческо, не робей же, смелее!

Он говорил так искренне и так горестно, что я растрогалась.

— Право же, меня не надо бояться, милый Эльси, я вовсе не собираюсь вас съесть. Я знаю, что вы отличный флейтист, и не имею ни малейшего намерения опозорить вас. Ну, давайте начнем сначала.

После этих сердечных слов Эльси весьма приободрился и мало-помалу освободился от своих страхов. Репетиция пошла куда успешнее, и вечером добряк флейтист играл превосходно. Я была рада не только за себя, но прежде всего за Эльси, который так мечтал не ударить лицом в грязь перед своими коллегами и друзьями.

Именно на него пал мой выбор, когда мне предложили совершить турне по Японии, Китаю и Филиппинским островам.

В конце того же 1930 года я вместе с мужем выступала в венецианском театре «Фениче», вновь поставившем «Лючию ди Ламмермур». После Венеции мы дали ряд концертов в Базеле, Берне, Брюсселе, Цюрихе. Прежде чем отправиться в Париж, а оттуда вновь в Брюссель, я совершила паломничество в Лурд, ибо дала обет принести дары Лурдской богоматери, если роды пройдут благополучно.

Святой город у подножия Пиренейских гор придал мне бодрость и спокойствие.

Сразу после Брюсселя я, как и в прошлые годы, пела в «Ла Скала», выступала в «Дон Паскуале» и «Риголетто». В первой из этих опер большой успех разделил со мной и мой муж.

Из Милана мы поехали в Триест, где меня ждала неизменная «Лючия». Из Триеста наш путь лежал в Барселону. Увы, я никогда не забуду ужасные дни, проведенные в этом каталонском городе.

Хотя муж противился, я взяла с собой Мари, которая была под присмотром пожилой швейцарской бонны.

До приезда в Барселону нам с Де Муро пришлось дать концерт в Ницце. Я взяла Мари в поездку, чтобы девочка могла подышать чудесным воздухом Лазурного Берега и Каталонии, где зима не такая суровая, как у нас.

К несчастью, в те дни в Барселоне свирепствовала эпидемия гриппа. Нам с мужем приходилось бывать на репетиции в театре «Личео», а бонна в это время, уложив Мари в колясочку, отправлялась с ней на прогулку.

Как я узнала позже, почтенная швейцарка питала слабость к спиртным напиткам и частенько останавливалась у лавок, где продавали манцаниллу, весьма крепкое испанское вино.

Поглощенная подготовкой к спектаклю, я не заметила, что моя бонна обычно возвращалась домой изрядно под хмельком.

Несомненно, во время этих прогулок и продолжительных

остановок у винных лавок, где всегда толпился народ, Мари заразилась гриппом. Вызванный врач не стал скрывать всей опасности для моей больной дочки. Я чуть не сошла с ума от отчаяния. Мне вскоре предстояло петь, а я даже плакать была не в силах. Между тем газеты вышли с анонсами, оповещавшими о моем выступлении, были расклеены красочные афиши, а на улице Рамбла мое имя сверкало огнями рекламы.

Мне даже не позволили приблизиться к кровати моей дочурки. Я ничего не соображала, перед глазами плыли круги, а температура у Мари поднялась до 39°.

Зал гудел как пчелиный улей, требовательный барселонский зритель приготовился судить о моем дебюте. Я собрала последние силы, и мне удалось сохранить самообладание даже в сцене безумия. Наградой были бешеные аплодисменты.

Словно лунатик вошла я в артистическую уборную и без чувств рухнула на пол. Меня уложили на софу, а спустя одну-две минуты я почувствовала, что кто-то тихонько гладит меня по лбу. Я открыла глаза и увидела рядом врача, который, волнуясь, сказал мне:

— Успокойтесь, милая Тоти. У девочки упала температура, и жизнь ее вне опасности.

По лицу у меня медленно потекли слезы, но это были слезы счастья.

* * *

После «Лючии» я пела в «Севильском цирюльнике». Новый триумф. На душе у меня после выздоровления Мари было легко и радостно.

Я вместе с Де Муро выступала на благотворительном концерте для слепых женщин в одном из приютов Барселоны.

Когда я увидела всех этих несчастных, в большинстве своем молодых девушек, у меня ком подступил к горлу и я не сразу смогла взять первые ноты. С эстрады мне были видны пустые, тусклые глазницы, которые при звуках моего голоса наполнились слезами; напряженные лица слепых постепенно светлели, и глубокая, таинственная радость отразилась на них.

* * *

Наконец наступил февраль 1931 года — начало моего долгого и трудного путешествия по странам Азии.

До сих пор не могу понять, почему импрессарио, по соглашению с агентством путешествий, отправил нас поездом, а не пароходом. Мы с Де Муро подписали контракт на целый ряд концертов в главных городах Японии, а также в Шанхае, Гонконге и Маниле. В состав нашей гастрольной труппы входили также пианист Бицделли, флейтист Эльси и секретарь Минольфи.

Наш путь в Японию лежал через Берлин, Варшаву, Москву, Сибирь и Харбин. Затем мы должны были отплыть пароходом к японским островам.

Я отправилась в это путешествие с тяжелым сердцем, ведь мне предстояла новая разлука с дочерью на целых семь месяцев. Недавняя болезнь Мари заставила меня еще более строго отнестись к моим материнским обязанностям. Но, с другой стороны, как могла я расстаться с артистической карьерой в самом зените славы?! К тому же муж не раз говорил, что и поем-то мы прежде всего ради нашей малышки. И потом у нас есть обязанности перед обществом, зрителями, перед самим искусством; ни один подлинный артист не отказывается от возможности утвердиться в мире искусства, вкусить плоды успехов и расширить границы своих выступлений.

Доводы Энцо были очень разумны, но один бог знает, сколько слез я пролила, прощаясь с маленькой дочкой. Семь месяцев казались мне вечностью.

И вот началось наше новое путешествие, которое обещало быть весьма интересным и полным неожиданностей.

В те времена пересечь Россию считалось делом весьма рискованным, чреватым всякими неожиданностями. Само слово «СССР» пробуждало в душе каждого любопытство, смятение и тревогу. Звезда Сталина стояла почти в зените, его имя было окружено каким-то ореолом и вселяло многим мистический страх.

В России мне довелось побывать вновь двадцать пять лет спустя, и могу уверить моих читателей, что с той далекой поры там очень многое изменилось к лучшему.

Но в 1931 году поездка по Советскому Союзу представлялась многим наивным людям, наслушавшимся враждебной пропаганды, хождением по мукам.

Так как путешествие по России было представлено нам в самых мрачных тонах, Де Муро решил запастись в большом количестве макаронами и консервированной ветчиной, чем весьма утяжелил наш и без того внушительный багаж.

Муж, не в обиду будь ему сказано, был порядочным-таки обжорой, он больше всего беспокоился о «пропитании». И опыт долгого путешествия показал, что он отчасти был прав в своих

опасениях.

В путешествие мы все отправлялись с самыми разными настроениями. О заботах моего мужа я уже упоминала. Я сама думала только о разлуке с дочерью, и эта мысль мучила меня, как кошмар.

Эльси и Бицделли, наоборот, были счастливы, как школьники в первый день каникул, они не думали ни о каких опасностях и мечтали лишь об одном — посмотреть новые страны. Минольфи совершенно не представлял себе всех ожидавших нас мытарств.

Путь от Берлина до Варшавы прошел без всяких происшествий, мы и не заметили, как прибыли в столицу Польши. Купе наши хорошо отапливались, меню в вагоне-ресторане было весьма разнообразным, хотя Де Муро, обожавший спагетти по-итальянски, каждый раз недовольно хмурился. От Варшавы до русской границы мы тоже добрались без каких-либо осложнений.

Здесь, на пограничной станции, нам предстояло пересесть в другой поезд, так как в России другая железнодорожная колея. Вот тут-то и начались наши приключения.

XXIV. Россия. Встреча со Сталиным. Сибирь. На пути в Азию

Мне хотелось привести несколько эпизодов из моих многочисленных дневников и блокнотов, куда я заносила все свои впечатления. Но прежде всего хочу сказать о телеграмме отделения агентства Кука в Берлине, догнавшей меня на крохотной пограничной станции и извещавшей, что моя дочка чувствует себя отлично.

Мы вышли из теплого вагона, и сразу же на нас обрушился ледяной, колючий ветер. Волоча за собой двенадцать огромных чемоданов и одиннадцать увесистых сумок с провизией, мы укрылись в неказистом домике таможни. Багаж был немедленно подвергнут тщательному осмотру пограничниками в красных фуражках. Разговаривать с ними мы не могли, ибо они знали только русский язык. Один из пассажиров, направляющихся в Москву, по-видимому поляк, любезно предложил служить нам переводчиком. Однако пограничники его и слушать не стали. Во всяком случае, они не ответили ему ни слова.

Наконец появился офицер и, улыбаясь, объявил, что нам придется задержаться, так как у нас не в порядке визы. Мы должны были пересечь границу не в Богосове, а в другом месте.

Мы стали протестовать и доказывать, что если кто-либо и виноват, так это агентство Кука в Берлине. Но офицер, с неизменной улыбкой выслушав нас, пожал плечами и сказал, что вынужден задержать нас в Богосове. Я пришла в отчаяние, Де Муро стал громко возмущаться, а наш любезный толмач напрасно пытался убедить офицера — тот в ответ лишь весело посмеивался. Поляк не преминул сказать ему, что я знаменитая певица Тоти Даль Монте, а Де Муро — известный тенор, но офицер был неумолим.

В виде утешения он сказал, что немедленно пошлет в Москву телеграмму. А пока пообещал устроить нас в пристанционном буфете, так как гостиниц в Богосове нет.

Совсем пав духом, я громко разрыдалась.

Тем временем экспресс ушел без нас, увозя в неизвестном направлении пять моих баулов с концертными платьями. Наше отчаяние было поистине безграничным, ведь в довершение всего мы теперь наверняка не попадем в Москву и на транссибирский поезд.

Однако иного выбора не было, и пришлось скрепя сердце отправиться в буфет. Нас всех пятерых поместили в небольшую

комнату, где стояли три маленьких дивана, на которых мы и расположились как сумели.

Комнатка была не проветрена, пахло овчиной. Я пошла в буфет, чтобы помыть руки, но от воды несло какой-то гнилью.

Я снова расплакалась, официантки в буфете бросали на меня удивленные взгляды. Я хотела дать им несколько рублей «на чай», но они с презрением отказались. Ну да, я забыла, что здесь нет ни хозяев, ни слуг. Муж и милый Эльси как могли подбадривали меня, стараясь обратить все в шутку.

Спустился вечер. Молодая девушка принесла керосиновую лампу. Я жестами спросила у нее, где туалет. Выяснилось, что он — за станцией, довольно далеко отсюда. Пришлось надеть шубу и закутать горло теплым шарфом. Затем начался переход по глубокому полуметровому снегу. Я с наслаждением погрузила руки в снег — он был таким чистым. На радостях я обтерла им и лицо.

Настала бесконечная ночь. Я так и не притронулась к еде; остальные, отведав блюда местного ресторана, предпочли воспользоваться запасами Энцо.

Я прилегла на диван в надежде хоть немного поспать, но не могла сомкнуть глаз из-за невыносимого запаха овчины. Пытались соснуть и четверо мужчин, соблюдая строгую очередь, ибо диванов было всего три. Те, кто бодрствовал, либо читали, либо играли в карты.

В семь утра я встала; проснулся и Энцо и тут же отправился узнать у наших ангелов-хранителей, есть ли какие-нибудь новости; ответ из Москвы еще не прибыл.

Я в слезах опустилась на стул. Эльси попытался развеселить меня анекдотами из своего неисчерпаемого репертуара.

Время от времени под окнами нашей комнаты появлялись лица местных жителей или же показывалась меховая шапка солдата, с любопытством наблюдавшего за нами.

Прошло уже двадцать четыре часа с того момента, как нас задержали. У меня теплилась надежда, что не оставят же нас здесь навечно. Энцо, пережевывая свои галеты и отправляя в рот куски ветчины, не знал уж, какому богу молиться. Наконец в дверь трижды постучали. Я вскочила и побежала открывать.

Высокий пограничник жестами объяснил, что из Москвы прибыла телеграмма. Похоже, он был рад, что принес нам приятную весть. Затем кое-как он дал нам понять, что состав уже стоит на путях, и показал на пальцах, что через пять минут поезд отходит. С невероятной быстротой подхватили мы наши чемоданы, сумки, пакеты и, словно пять беглецов, помчались к поезду под удивленными взглядами железнодорожников,

пограничной стражи и нескольких любопытных.

* * *

Путь от Богосова до Москвы показался нам бесконечным и очень тяжким. В Москве на огромном вокзале царила невероятная суматоха и было адски холодно. Тут снова началась багажная трагедия. Невозможно было найти носильщика, который согласился бы отнести наши вещи.

Мои четыре товарища по несчастью нагрузились, как вьючные животные, и с трудом «переправились» на вокзальную площадь. Здесь Минольфи удалось нанять три тройки. В двух разместились я, Бицделли, Эльси и Минольфи, в третьей — муж с багажом и съестными припасами.

Один из милиционеров как-то умудрился объясниться с Минольфи и велел трем извозчикам доставить нас в итальянское посольство. Путь до посольства оказался совсем не близким. Внезапно мы обнаружили, что нас преследует целая свора злющих псов; с особенно яростным лаем они гнались за санями моего мужа. Одна из собак тяпнула Энцо за ногу, и он решил бросить им пакет с едой. Благодаря этому маневру ему удалось избавиться от преследования разъяренных псов. Улицы были в ухабах, и сани то и дело подпрыгивали; я крепко уцепилась за Эльси, боясь вывалиться. Наконец мы с божьей помощью добрались до посольства.

Окоченевшие, еле живые от усталости, мы бросились в подъезд. Навстречу нам заспешил изумленный портье, итальянец, решивший вначале, что имеет дело с беженцами или другими нежелательными элементами. Я сбивчиво объяснила, кто мы такие, и попросила немедля доложить о нашем приезде послу.

Через полчаса к нам спустилась элегантная синьорина и спросила, правда ли, что среди приехавших находится Тоти Даль Монте.

— Да, правда, — живо ответила я, немного волнуясь. — Простите за неожиданное вторжение, но мы просили лишь разрешения погреться и, если возможно, устроить нас в гостиницу.

Синьорина попросила нас пройти наверх, где меня и моих спутников очень любезно встретил посол Аттолико, которого я знала еще по Рио-де-Жанейро. Синьор Аттолико и его супруга радушно приняли нас в своем доме и очень удивлялись неприятному происшествию на пограничной станции.

Посол позаботился о том, чтобы нам достали номер в

удобной гостинице «Дом Советов», и обратился с просьбой к советским властям, чтобы в дальнейшем нам был обеспечен беспрепятственный проезд до границы.

Однако в Москве пришлось ждать целых три дня, поэтому на следующий вечер мы согласились дать концерт в посольстве. Мы чувствовали себя обязанными синьору Аттолико и не могли отказаться. К тому же послу очень хотелось, воспользовавшись благоприятным случаем, устроить вечер итальянской музыки, на который будут приглашены многие руководящие деятели Советского государства.

К началу концерта в зале собралось много советских ответственных лиц, среди них был и Сталин. Когда меня представили ему, я ощутила легкий страх. Должна признаться, однако, что со мной и с моими друзьями он был весьма любезен. Он сказал мне через переводчика, что был счастлив услышать «итальянского соловья», и добавил: «Вы непременно должны приехать к нам еще раз. Наш народ нуждается в солнечных звуках вашего голоса».

За три дня пребывания в Москве мы увидели много интересного, и прежде всего Мавзолей Ленина на Красной площади. Посещение Мавзолея, где покоится основатель Советского государства, произвело на меня большое впечатление. Я поняла все величие событий, изменивших лицо России. Это была реальность, с которой мир не мог не считаться.

Гуляя по огромному городу, мы сделали и ряд покупок: я купила изумительно красивые шкурки лисиц.

В воскресенье мы вместе с супругами Аттолико и другими итальянцами из посольства отправились в единственную в Москве католическую церковь, чтобы присутствовать на мессе. Это было для меня большим и приятным событием.

* * *

Мы распрощались с Москвой в полдень. Посол Аттолико достал нам две автомашины, иначе мы наверняка опоздали бы к поезду.

Вагоны транссибирского экспресса оказались достаточно теплыми и удобными. Но «кормили нас прескверно», — читаю я в своем дневнике. «Никакого сервиса. Приходится как-то устраиваться самим. Каждому из нас дали вместо полотенца салфетку. Ее должно было хватить на все пять дней путешествия. В одном с нами вагоне едут и другие иностранцы. Мы познакомились с тремя американцами, весьма дружелюбными,

вежливыми, но немного шумными людьми. Часы текут с удручающей монотонностью; из окна видна бесконечная снежная равнина».

«25 февраля. В половине четвертого утра поезд вдруг остановился с ужасающим скрежетом, и я чуть не свалилась с полки. Я сразу сообразила, что мы не доехали до станции — поезд стоял посреди степи. Немного спустя в дверь купе постучались. Открываю: проводник сообщает, что нам придется пересесть в другой вагон, у нашего вагона сломалась какая-то ось. Ничего не поделаешь, пришлось совершить пересадку. Муж помог мне нацепить на себя все, что было под рукой: капор, шубу и лисьи меха, — ведь снаружи стоял мороз свыше тридцати градусов. Мы снова очутились в тепле. В купе, куда мы перебрались, царит невообразимый хаос, кругом навалены чемоданы. Все отчаянно ругаются, и даже невозмутимый Эльси и тот не выдержал и чертыхнулся.

Я уже думала, что устроилась, но — о боже! — не могу найти кольца и золотой булавки, свадебного подарка мужа! Мужчины перевернули все вверх дном в прежнем купе, и после отчаянных поисков я обнаружила пропажу… у себя на столике.

26 февраля. В вагоне душно и жарко, словно в аду, но окно открыть нельзя: от лютых сибирских морозов не мудрено в два счета схватить воспаление легких.

Дни тянутся однообразной чередой. Счастье еще, что с нами едут американцы, которые заразили нас страстью к игре в покер. Я тоже не удержалась и увенчала свой дебют довольно крупным выигрышем. Энцо удалось подогреть свои консервированные спагетти, уже готовые и заправленные соусом! В вагоне-ресторане кормят скверно, но, к счастью, на каждой станции можно купить у крестьян за рубль бутылку молока. Дороговато, но другого выбора у нас нет. Я твердо решила до конца путешествия сидеть на молочной диете; Де Муро же налегает на спагетти. Эльси, Минольфи, Бицделли и американцы тоже не оставляют без внимания консервы моего запасливого мужа.

28 февраля. Сегодня мы должны прибыть в Дайрен и пересесть на другой поезд. Поскорей бы. А то уже никакого терпения больше нет; хорошо еще, что у меня неплохое самочувствие.

После смены поезда Эльси остался без постели, но воспринял этот факт со своим обычным стоицизмом. Теперь они с Бицделли спят по очереди. Ночь Эльси пришлось провести в купе, занятом некрасивой желтолицей старухой, я так и не поняла хорошенько, русская она или китаянка.

Бедняга Эльси до самого утра не сомкнул глаз от болей в

желудке. Я дала ему послабляющие таблетки, но они не возымели никакого эффекта. Мой невозмутимый флейтист тоже перешел на молочную диету. Намекая на старуху, с которой он делит купе, Энцо, Бицделли и Минольфи беспрестанно донимали бедного Эльси довольно двусмысленными шутками.

Этой ночью мои таблетки оказали свое действие, но незадачливый флейтист так и не смог отыскать в темноте туалет. Что случилось дальше, осталось тайной. Во всяком случае, разъяренная старуха выскочила из купе с громкими ругательствами. От криков и шума проснулись все остальные и в сердцах обозвали Эльси свиньей. По их мнению, Эльси, видно, слишком далеко зашел в своих интимных отношениях с необаятельной соседкой по купе. Этот эпизод очень нас всех развеселил.

1 марта. Мы прибыли в Дайрен с опозданием на двенадцать часов. Бедняга Эльси немного поправился и довольно стойко переносит остроты, которыми его осыпали друзья. В Дайрене нам отвели номер в маленькой приветливой гостинице, показавшейся нам дворцом. Наконец-то мы смогли отдохнуть на чистых, удобных кроватях и насладиться вкусным обедом из свежих продуктов.

2 марта. Снова пересадка. Теперь мы едем по Маньчжурии. На таможне произошел неприятный инцидент. Де Муро немало помучился, пока ему разрешили погрузить в вагон остатки нашей провизии. Кроме того, таможенники хотели конфисковать у него пленку, запечатлевшую церемонию нашего бракосочетания в Сиднее.

3 марта. Наш поезд прибыл в Харбин. В Маньчжурии тоже стоят невыносимые холода. Мы поспешили в „Гранд-отель“, мечтая обрести наконец современный комфорт. Гостиница со столь громким названием была совершенно заурядной, но после утомительной дороги она показалась нам королевскими покоями. В холле играл граммофон; я даже растрогалась, вновь услышав музыку. Немного отдохнув, мы отправились осматривать город. Большое впечатление произвел на меня буддийский храм, который я увидела впервые в жизни.

Мы накупили много разных изделий китайских умельцев, и среди них чайный сервиз. Меня крайне поразил вид молодых китаянок с искусственно обезображенными, по местным обычаям, крохотными ножками. Напоследок мы заглянули в курильню опиума. В ней было полно несчастных, искавших забвения в эфемерном раю. Растянувшись на довольно грязных диванах, курильщики, чтобы поскорее впасть в блаженное забытье, жадно и глубоко затягивались из очага, где курился опиум. Мне стало

бесконечно грустно, я почувствовала, что задыхаюсь в этом чаду, и поспешно вышла из проклятой курильни. Юркнув в чистую мягкую постель, не чувствуя больше толчков поезда и стука колес, я мгновенно заснула.

5 марта. Мы плывем в Шанхай на довольно удобном современном пароходе „Хобеу Мару“. Антрепренер, сопровождающий нас в этом китайско-японском турне, подарил мне чудесную китайскую куклу, которая привела меня в настоящий восторг. Очень вежливый и любезный, наш антрепренер уверяет, что кукла принесет нам счастье.

Какое это удовольствие путешествовать по морю! Впрочем, после транссибирской железной дороги мне все кажется замечательным.

7 марта. В Шанхай мы прибыли вчера вечером, и пароход два часа простоял в бухте из-за густого тумана.

Когда пароход смог пришвартоваться к пристани, полиция не хотела выпускать нас на берег. Нам необходимо было всего лишь пересесть на американский пароход „Президент Мэдисон“, направлявшийся в Гонконг. Однако на церберов полицейских не действовали никакие доводы, и они упорно повторяли: „Завтра, завтра“. Да, но завтра мы рисковали застрять в Шанхае, так как „Президент Мэдисон“ отплывал рано утром. Наконец нашему антрепренеру удалось добиться специального разрешения. Пересадка на американский пароход происходила в ошеломляющем темпе, ибо полиция дала нам на все считанные минуты. На „Президенте Мэдисоне“ мы наконец-то попали в мир комфорта, прекрасного обслуживания и вкусной американской кухни.

9 марта. Вот и Гонконг. Это первый по-настоящему китайский город. Я просто очарована им. Какая яркость и разнообразие цветов и красок! Мы часами колесили по Гонконгу, с трудом пробираясь сквозь плотную толпу пешеходов.

Наш рикша останавливался почти у каждого магазина и лавки. Побывали мы и в театре; актеры, как нам показалось, говорили невероятно быстро, плакали, пели, танцевали; рабочие сцены прямо по ходу действия на глазах у зрителей уносили и приносили подушки, стулья, коврики, всякую утварь.

Для нас, европейцев, такой театр неприемлем, но ему нельзя отказать в занимательности. Публика очень восприимчива к происходящему на сцене, хотя лица зрителей не выражают никаких эмоций — ни одобрения, ни скуки; почти все, не переставая, жуют миндаль и пьют чай. Из театра мы вышли оглушенные грохотом барабана и острыми пряными запахами, настоящими запахами Востока.

10 марта. Первый концерт в Гонконге. Просторный зал заполнили европейские резиденты и множество китайцев из высшего общества. Успех превзошел все ожидания. После концерта нас пригласили на обед в роскошный дом. Наш гостеприимный и богатый хозяин — большой любитель итальянской музыки, знаток европейского театрального искусства, особенно спектаклей „Ла Скала“. Муж принял приглашение без энтузиазма. Он с бóльшим удовольствием отправился бы в местный итальянский ресторан и вдоволь насладился бы своими любимыми спагетти. После долгих пререканий мое страстное желание отведать новые, незнакомые блюда заставило Де Муро капитулировать. Мы сели в большую черную машину, которую вел сам богатый меломан, так плохо говоривший по-английски, что я с трудом его понимала. Отвечать ему я старалась как можно громче, боясь, что гостеприимный хозяин может услышать, какими эпитетами награждают его и меня сидящие сзади трое смутьянов, вынужденные отказаться от обеда в итальянском ресторанчике.

Сколько терпения проявила я в тот вечер! Обед был поистине пыткой, ибо бесконечные диковинные кушанья подавались с поражающей медлительностью. Муж тихонько ругался весьма колоритными, но совершенно непереводимыми словами. Ни Энцо, ни оба аккомпаниатора почти не притронулись к еде, но я мужественно пыталась воздать должное каждому из поданных разнообразных блюд.

Когда наконец утомительный обед кончился, я еле дышала. Затем был концерт, а после него изысканная беседа с гостеприимным хозяином, который делился впечатлениями о „Ла Скала“, о Тосканини и о самых знаменитых певцах; все это и отчаянный страх, что трое озорников своим поведением скомпрометируют итальянскую вежливость, доконало меня.

Распрощавшись с богачом китайцем, которому этот обед, вероятно, обошелся в копеечку, я велела шоферу побыстрее везти нас на пристань: рано утром пароход отплывал в Манилу. Я не чаяла минуты, когда смогу улечься в постель, но едва мы подошли к трапу, муж и два других „джентльмена“ преспокойно оставили меня одну, объявив, что идут „заправиться“ в ресторан.

Мои отчаянные протесты не помогли, и трое проголодавшихся итальянцев поспешно удалились и вернулись на пароход в самый последний момент, когда уже прозвучал сигнал к отправлению.

12 марта. Вот мы и в Маниле. Жара здесь стоит поистине адская. За несколько дней мы перенеслись от ледяных ветров Маньчжурии до удушающего пекла Филиппин. К приходу

парохода на пристани собралось очень много народу. Среди встречающих — синьора Рохас, сестра певицы-сопрано Ховиты Фуентес. Как всегда, нам поднесли огромные букеты цветов, и я просто не знала, как с ними справиться. От жары и одуряющего запаха цветов я почувствовала, что теряю сознание. В гостинице — та же духота; я уже была не в силах двинуться.

У нас пропал аппетит и сон. К счастью, синьоры из комитета по чествованию Тоти Даль Монте прислали мне освежающие тропические фрукты — плоды манго и папайи.

15 марта. Мы дали первый концерт. Зрителей набилось до отказа, и в их бурном энтузиазме, манере держаться, галантности и в самом разговоре было нечто испанское. Зал походил на гигантский полукруглый амфитеатр, а ярко освещенная сцена — на огромную пустыню, посреди которой стояли пианино и пюпитр для Эльси. Мы совершенно затерялись в этом необъятном зале!

Во втором отделении мне предстояло исполнить сцену безумия Лючии. Эльси, выйдя на подмостки, очень растерялся и, когда мы шли к просцениуму, прошептал:

— Святая дева Мария… мне кажется, будто меня раздели и я остался в одной рубашке.

Я еле удержалась от смеха.

19 марта. Второй концерт вчера вечером прошел с триумфом. Нам осталось еще три концерта, и 28-го отплываем в Шанхай.

В Маниле мы приобрели много друзей. Синьора Рохас была с нами необычайно любезна.

Нас познакомили со скульптором Монти, известным итальянским мастером, много лет назад эмигрировавшим на Филиппины. Он отнесся к нам с редкой сердечностью и вниманием, как, впрочем, и все местные итальянцы, которые тянутся к нам, ибо мы для них частица дорогой и далекой родины.

27 марта. Последний концерт. Дамы высшего общества Манилы подарили мне прекрасный национальный костюм, который я надела во втором отделении концерта. Этот редкостный костюм и по сей день стоит у меня перед глазами: он из светло-зеленого тюля, расшитого крупными цветами лотоса, легкий, почти невесомый; рукава у платья широкие, торчащие, смахивающие на большие крылья бабочки. На шею надели венок из белых тропических цветов, похожих на наш жасмин и таких пахучих, что у меня кружилась голова и не хватало дыхания.

Один бог знает, скольких усилий стоило мне допеть все арии. Мне казалось, что вот-вот я потеряю сознание и упаду тут же на сцене. По окончании концерта благодаря счастливой идее с

национальным костюмом и моему хорошо звучавшему голосу публика устроила мне восторженную овацию.

28 марта. Отплываем в Гонконг. Прощаемся с нашими новыми милыми друзьями, которые желают нам поскорей снова приехать сюда. На пароходе наконец-то повеяло прохладой, нас обдувал свежий морской ветерок, и это было так приятно.

31 марта. После короткой остановки в Гонконге и непродолжительной туристской прогулки по этому шумному, разноязычному городу, где вас повсюду преследуют звуки монотонной восточной музыки и невыносимо острые запахи всяких специй, жиров, кожи и уксуса, мы добрались до парохода еле живые».

XXV. Китай и Япония

Снова записи в дневнике.

«*„Шанхай. 2 апреля.* Наконец-то мы наслаждаемся относительной прохладой. Первый концерт назначен на вечер 6 апреля. Все эти дни мы отдыхали и разгуливали по городу, заглядывая в магазины, эти характерные уголки загадочного Востока“.

На рейде Шанхая стояло военное судно „Ливия“. Офицеры и матросы корабля были в восторге от четырех наших концертов. На первом из них присутствовал весь дипломатический корпус. Последующие концерты состоялись 7, 12 и 16 апреля.

Газеты Шанхая, выходившие на китайском и английском языках, состязались в похвалах „итальянскому соловью“; вместе со мной большой успех выпал на долю Энцо. А теперь мне хотелось бы вернуться к записям, сделанным в предшествовавшие дни.

7 апреля. Превосходный симфонический оркестр Шанхая дал в нашу честь обед в одном из итальянских ресторанов. Прием прошел на редкость удачно, меню было превосходным, но мы проявляли умеренность в еде, помня об ожидавшем нас вечером концерте.

8 апреля. Сегодня мы осмотрели китайский квартал; он произвел на меня не менее сильное впечатление, чем китайские районы Гонконга. Заглянули мы и на птичий рынок, самый большой и фантастический в мире. Я слушала пение редчайших птиц и вместе с ними взяла несколько трелей.

Меня поразило, сколько на каждом базаре доморощенных „зубных врачей“, которые со своими стульчиками располагаются прямо на открытом воздухе. Мне говорили, что местные „дантисты“ достигли величайшего совершенства в умении рвать зубы и что своими корнями это искусство уходит в глубь веков. Однако мы видели, как пациенты корчатся от боли, точь-в-точь как у нас, с той лишь разницей, что здесь страдания бедняг выставлены на всеобщее обозрение. Впрочем, местные жители равнодушно проходят мимо, ибо для них это привычное зрелище.

В магазинах полно тончайших изделий из фарфора, нефрита, слоновой кости, изумительных бриллиантов, всяких кимоно, шалей, шкатулок, красивых безделушек и статуэток. Будь у меня возможность, я бы увезла в Италию целый вагон этих вещей, которые так украсили бы мою виллу в Барбизанелло.

Барбизанелло! Я беспрестанно уношусь мыслями к моей дочурке. Здорова ли она? Что она сейчас делает? Скучает ли по

своей маме? Через несколько дней моей Мари исполнится год, а меня не будет с ней.

9 апреля. Мы часто совершаем прогулки по Шанхаю. Сегодня моим спутником был добряк и умница Эльси, один из самых приятных людей, с которыми столкнула меня жизнь. Он из очень простой и бедной семьи. Трудно найти лучшего товарища: он никогда не унывает, в самых сложных и даже щекотливых ситуациях умудряется не падать духом и отыскать наилучший выход.

Остроумный, жизнерадостный, он одинаково легко беседует с русскими, американцами, китайцами, монголами, хотя я просто ума не приложу, как ему это удается. Ведь мне точно известно, что он, кроме своего родного венецианского наречия, не знает ни одного языка. Правда, он умеет говорить и на чисто итальянском, но при первой же возможности предпочитает перейти на живописный и милый его сердцу венецианский диалект. Эльси всецело поглощен заботами о матери и братьях, как прокормить их и себя, и его не беспокоят никакие сложные проблемы. Ко мне он относится с подлинным обожанием.

Сегодня мы еще раз побывали в китайском квартале. Здесь целые семьи проводят почти весь день на улице, у порогов своих жалких жилищ. Тут же готовят пищу и едят прямо на тротуаре.

Уступая настойчивым просьбам одного очень церемонного китайца, мы остановились у палатки хироманта, который принялся внимательно исследовать линии моей руки. Его предсказания были довольно банальны — бесконечные успехи и баснословное богатство. Он наверняка узнал меня по фотографиям, заполонившим город. Этот гадальщик заставил меня вспомнить о совете, который несколько лет назад дал мне в Мельбурне один весьма известный австралийский хиромант. Его предсказания тоже были очень радужными, но он посоветовал мне остерегаться падения. Да-да, обычного падения, физического падения на землю. Быть может, поэтому я не особенно люблю летать самолетом. Что же касается „падений на землю“ в переносном смысле, то здесь, увы, у меня накопился большой и печальный опыт.

15 апреля. Сегодня моему ангелу исполнился год, и мне стало невыносимо грустно, что я сейчас далеко-далеко от нее. Друзья принесли мне цветы и подарки для Мари. Маэстро Бицделли сочинил для моей малышки „Колыбельную“; я непременно разучу ее и буду петь. Чтобы не разрыдаться от тоски, я вышла из гостиницы и купила дочурке сразу три нарядных платьица. Но и это не помогло мне прогнать грусть. Муж тоже не так весел, как обычно, нетрудно заметить, что и он скучает по дочке.

17 апреля. Мы покинули Шанхай на борту парохода „Маккинлей“ и направились в Японию. Прощальный концерт был для нас подлинным триумфом. Сцена буквально утопала в цветах, и я чуть не задохнулась от их терпкого запаха. Мы до сих пор находимся под впечатлением пережитого. Пока море удивительно спокойно, и путешествие проходит как нельзя лучше. И все же нам не терпится поскорее добраться до Японии».

Когда мы вошли в Иокогамский порт, на пристани нас уже поджидали. Среди встречающих был итальянский консул коммендаторе Гаско и множество итальянцев, радостно приветствовавших нас. После непродолжительного отдыха в гостинице мы большой компанией поехали осматривать город. Все эти симпатичные люди проводили нас до железнодорожной станции. Отсюда за какие-нибудь полчаса поезд доставил нас в Токио.

На вокзале японской столицы нас встречало очень много народу, артисты, местные власти, представители итальянского посольства. Меня и моих спутников буквально засыпали цветами и замучили бесконечными интервью. Газеты создали нам широчайшую рекламу, причем меня они величали «королевой легких сопрано» и «наиболее яркой представительницей итальянского бельканто». В газетах и журналах появилась моя биография, составленная в восторженных тонах, портреты, описания моих предыдущих турне. Много похвал досталось и на долю Энцо Де Муро Ла Манто, который своей красотой и живостью завоевал симпатии многочисленных зрителей, особенно среди лиц женского пола.

Мы прибыли в Японию как раз во время цветения вишни. Улицы столицы, широкие аллеи и парки окрасились в розовый, лиловый и красный цвет. На их фоне живописные кимоно женщин, белые и черные костюмы мужчин создавали неизгладимое впечатление, словно вы попали в какой-то сказочный мир.

Меня Токио, третий по величине город в мире после Лондона и Нью-Йорка, совершенно ошеломил. Какой контраст между японским колоритом и западным, «а-ля́ американа», образом жизни некоторых его обитателей.

Этот огромный, шумный город был пропитан паназиатской идеологией, что через десять лет привело Японию к безумной атаке на Пирл Харбор и к трагическому поражению в войне.

В первые же дни жизни в Токио мы побывали в нескольких театрах, и прежде всего в старинном «Ноо». Как великолепны эти спектакли! В странных и непонятных для нас пении и музыке таится огромная сила выразительности и тончайший вкус. А

какое богатство костюмов! Главную роль в спектакле исполнял крупнейший японский актер того времени, которого, пожалуй, можно сравнить с нашим Цаккони или Руджери.

Как и в Китае, представления длятся здесь с пяти вечера и до полуночи; зрители едят, пьют чай, уходят, приходят, и это никого не возмущает.

Исполнитель главной роли действительно оказался превосходным актером, великолепным мимом. Мне он очень понравился, хотя речь идет о театре, весьма отличающемся от нашего.

После спектакля мы совершили прогулку по вечернему Токио. Я никогда не видела столь ярко иллюминованного города; повсюду гроздьями свисали лампочки и гирлянды цветов, звучали песни.

Мы посетили домик гейш; красивые черноволосые девушки с вычурными прическами и удивительно белой кожей были одеты в красочно расшитые кимоно. Тонкий запах гардении исходил от них.

Двигались они словно живые куклы, с редким изяществом и грацией. Нам удалось послушать и их песни, которые гейши исполняли проникновенными детскими голосами. А как красиво обмахиваются они веером!

На второй день нашего пребывания в Токио американская фирма «Виктор», которая записала меня на пластинки, устроила в мою честь прием в «Императорском отеле». Здесь собрались сливки общества: известные актеры, певцы, музыканты, критики… Это была дань восхищения и признания итальянского искусства. Хозяева и гости произнесли множество речей на итальянском и английском языках. Конечно, выступила и я, чтобы поблагодарить за гостеприимство.

На следующий день мы дали первый концерт в императорском театре. Огромный успех разделили со мной муж и отличные музыканты Эльси и Бицделли. Зритель жаждал послушать наших классиков: Россини, Доницетти, Беллини, народные неаполитанские и венецианские песни; эти песни словно несли токийцам дыхание нашей лагуны, которую большинство из них видело только на открытках. Меня даже удостоили награды — ордена Фиджи Шимпо; говорят, что им награждают только артистов с мировой славой.

В Токио мы дали еще три концерта: 27, 28 и 30 апреля. Каждый раз успех был необыкновенным и на меня буквально обрушивалась лавина цветов: огромных гвоздик, лилий, сирени, чудесных роз. Я украсила этими цветами алтарь девы Марии в католической церкви Токио. То были счастливые для нас с мужем

дни. Особенно меня радовали телеграммы из дому о том, что моя Мари отлично себя чувствует и быстро подрастает.

Нас слегка испугали два чувствительных подземных толчка, но француз-миссионер успокоил нас. Для Токио да и для остальной Японии такие толчки не представляют опасности, это сущие пустяки. После Токио мы отправились в Нагойю. В пути я любовалась зелеными полями и холмами, так напоминавшими мне холмы родного Венето. От созерцания этой чудесной картины меня оторвал лишь выросший на горизонте легендарный вулкан Фудзияма, покрытый вечными снегами.

В Нагойе обычный успех, обычная буря оваций, обычное море цветов… Но здесь нас поджидал и пренеприятный сюрприз — новое землетрясение. Толчки были столь сильными, что я от страха еле дышала, а Эльси вскочил с постели в одной пижаме, и, смертельно бледный, в ужасе забормотал: «Синьора… я еду домой… немедленно домой…» — точно его Виченца находилась совсем рядом, за поворотом дороги. Нечего и говорить, что наше пребывание в Японии было несколько отравлено постоянным страхом перед землетрясениями.

Из Нагойи двинулись в Осаку: еще четыре концерта. Эти беспрестанные переезды заставляли нас без конца упаковывать и распаковывать чемоданы, создавали невероятную неразбериху. Положишь какую-нибудь вещь в один чемодан, а находишь ее в другом. Особой неаккуратностью отличался Энцо, он вечно ругался на чем свет стоит, разыскивая очередную пропажу. Часто только остроумие и шутки Эльси помогали нам избежать ссоры. Мы постоянно пересчитывали сумки, тюки, чемоданы, боясь впопыхах забыть что-либо.

* * *

После короткой остановки и концерта в Кобе мы переехали в Киото, самый японский из всех городов Японии. Какие неслыханные богатства собраны в многочисленных буддийских монастырях! А сколько паломников мы повидали здесь всего за несколько дней! Бесконечные толпы людей вливались по высоченным ступеням в распахнутые двери главных храмов.

В Киото я побывала на чисто японском эстрадном концерте. Десятки гейш, на редкость грациозных, пели и танцевали, утопая в море ярчайших красок, под звуки весьма странной музыки.

Здесь же, в Киото, мне довелось попробовать знаменитый зеленый чай, который в Японии и Китае пьют почти повсеместно. Он слишком пахуч, но зато хорошо подкрепляет силы и в конце

концов начинает казаться вам даже вкусным.

Во время этого путешествия по Дальнему Востоку многочисленные обеды стали для нас истинным кошмаром. В Киото нам даже пришлось в разгар убийственно сытного обеда под самым банальным предлогом распрощаться с хозяевами. Но зато уж национальному блюду японцев шиаки я воздала должное. Это необыкновенно вкусное кушанье. Мелко нарезанное мясо долго варят вместе с очень похожими на сельдерей тростниками бамбука и приправой из разных специй и трав. Мне лично шиаки очень нравится. На званый обед в Киото пришел и наш аккомпаниатор маэстро Кито, и мы уговорили его свезти нас в чайный домик. Там хозяева усадили всех нас за низенький столик, уставленный непонятной снедью, прямо на подушки, заставили снять туфли и… принялись угощать. Несмотря на наши смущенные протесты, нам подали холодные спагетти. Энцо отпустил несколько своих грубоватых шуток, но и ему пришлось отдать дань нашему национальному кушанью, пока юные гейши услаждали нас своими прелестными танцами.

В заключение нашего турне мы дали еще два концерта в Токио и один в Осаки и выступили сверх программы по столичному радио. 2 июня мы закончили все выступления. И как раз вовремя, потому что на следующий день я заболела тонзиллитом. Болезнь не опасная, но томительная. 4 июня мне подарили чудесную собачку Мичико, о которой я уже однажды упоминала. 5 июня мы упаковали багаж и погрузились на пароход «Ганж», который должен был доставить нас в Италию.

Я была счастлива, несмотря на то, что еще не вполне оправилась после болезни. Я мечтала вновь увидеть мою дочурку и буквально считала минуты.

«Ганж» был отличным, современным пароходом с настоящей итальянской кухней. Наши попутчики оказались очень приятными людьми, да и немного отдохнуть после стольких трудов совсем не мешало. Впрочем, о подлинном отдыхе не могло быть и речи — ведь наш импрессарио уже на 12 июня назначил концерт в шанхайском театре «Эмбасси». 21 июня мы прибыли в Сингапур, и уже вечером состоялся концерт в «Виктория-холл». Зрители были почти одни англичане, и нам, как и прежде, сопутствовал громкий успех.

Вот еще несколько записей из дневника:

«23 июня. Мы плывем на остров Цейлон, в Коломбо. Попали в муссон, пароход отчаянно качает. Счастье еще, что ни я, ни Энцо не подвержены морской болезни. Большинство пассажиров запрятались в каюты и поручили душу богу. Эльси тоже испарился с палубы.

26 июня. Мы провели в Коломбо чудесный день. Осмотрели чуть ли не все местные достопримечательности. На улицах много слонов; здесь на них возят самую разную поклажу. Я не удержалась от соблазна и заглянула в ювелирную лавку. Остров Цейлон славится своими топазами и сапфирами. В одной из таких лавок я купила великолепный сапфир.

28 июня. Священник отслужил на борту мессу. Я спела „Аве Марию“ Гуно, принеся эту песнь в дар святой деве Марии. Месса в море, на палубе парохода, бесконечно растрогала меня. Звуки моего голоса уносились далеко, к самому горизонту, и проникали в сердца простых людей, прежде всего наших моряков.

30 июня. Остановка в Бомбее. Я впервые ступила на землю Индии. Город очаровал меня. Особенно поразила меня красота женщин, их грациозная походка, удивительная скромность, прелесть их национальной одежды сари.

Мы поднялись на холм Маллабар и осмотрели Башню Молчания, где стервятники пожирают трупы парсов.[13] Пока мы с любопытством рассматривали башню, внесли тело очередного покойника, за которым шли родственники в белых одеждах. Я набралась храбрости и пошла за ними. Лицо мертвеца представляло собой какую-то кровавую массу. Я в ужасе выбежала из башни и, желая поскорее забыть об увиденном, отправилась в самый шумный квартал города, где бурлит рынок и на каждом шагу попадаются живописные лавки ремесленников. Особенно много здесь ювелирных магазинчиков. Я купила тяжелый индийский браслет и серьги.

2 июля. Мы снова в пути. И в Аравийском море нас настиг муссон. Пароход отчаянно пляшет на волнах.

Мы с Энцо не утратили аппетита, но едим, только лежа, чтобы не скатиться на пол от внезапного толчка. Почти все пассажиры не выходят из своих кают.

5 июля. Наконец-то муссон перестал нас трепать. Мы прибыли в Аден. Здесь крайне редко выпадают дожди и все вокруг пожелтело и высохло. Нам сказали, что последний дождь шел тут два года назад. Мне вспомнилась картина ада в опере „Мефистофель“, знаменитая сцена шабаша ведьм. Мы осмотрели арабское селение, расположенное на склонах потухшего вулкана. Полуголые мужчины-арабы стройны, очень красивы и напоминают изваяние. Что же до женщин, то я их просто не видела: у каждой лицо скрыто под чадрой. Шофер, возивший нас по городу, сказал, что вода здесь дороже пива.

8 июля. Медленно плывем по Суэцкому каналу; дует легкий ветерок, неся нам желанную прохладу.

9 июля. Короткая остановка в Порт-Саиде. Меня ничто уже не

интересует. Я сгораю от желания поскорее увидеть мое сокровище.

10 июля. Вот мы и в Средиземном море. Мысли мои постоянно уносятся к дочурке; утром я неожиданно для самой себя расплакалась от счастья. Просто невероятно, что однажды ненастным зимним днем я выехала из Милана и отправилась на Дальний Восток. Откуда у меня взялись силы, чтобы выдержать столь долгое и трудное путешествие?!

11 июля. Несмотря на свое душевное смятение, я согласилась дать вместе с Энцо благотворительный концерт. Весь сбор пойдет в пользу семьи одного моряка с „Танка“, который умер еще по пути на Дальний Восток, и другого бедняги матроса, который свалился в трюм и сломал обе ноги.

Концерт, прошедший с большим успехом, принес его устроителям сто шестьдесят фунтов стерлингов. Буквально все пассажиры и экипаж корабля, состоявший почти из одних венецианцев, охотно внесли свою лепту.

12 июля. Недолгая остановка в Бриндизи; мы сошли на берег, и Энцо первым делом отправился разыскивать ресторан с неаполитанской кухней. Он заказал спагетти с моллюсками, жареную и тушеную рыбу, вино „Граньяно“. Всего этого хватило бы на целую роту солдат!

13 июля. Энцо занемог. У него поднялась температура. Что с ним могло случиться? Бицделли распрощался с нами. Он поехал в Рим поездом.

Мы уже на подходе к Венеции, а состояние Энцо все ухудшается. Температура поднялась до сорока градусов. Я очень волнуюсь. Не объелся ли он моллюсков? Мне тревожно за него, но радость предстоящей встречи с дочкой пересилила все страхи».

Не стану подробно описывать наше прибытие. Мать Энцо была очень взволнована болезнью сына. А я ничего не видела и не слышала вокруг. Прижала к себе мое крохотное создание и залилась от счастья слезами.

XXVI. Мой муж Энцо Де Муро Ла Манто

Все же радость возвращения и встречи с дочкой была омрачена болезнью Энцо. Врачи нашли у него кишечную интоксикацию. Ему пришлось энергично лечиться, чтобы скорее поправиться. Мне и маме стоило немало трудов уговорить его не вставать с постели и соблюдать предписанную врачами диету.

Очень скоро я заметила, что у Мари совсем не такой уж цветущий вид. Иногда глаза матери видят дальше и лучше, чем даже опытный глаз врача-педиатра. Ведь мною руководил неистребимый материнский инстинкт.

Я выяснила, что няня-немка слишком строго относилась к малышке и плохо ее кормила. Я сама занялась питанием дочки и нашла целебный эликсир в виде бутылки старого, двадцатипятилетней давности, вина, которую отыскала в погребке. Каждый день для поднятия аппетита я давала дочке ложечку живительного напитка.

Когда наш домашний врач узнал об этом, он одобрил мои действия, добавив, что несколько глотков натурального старого вина порой бывает полезнее лекарства. То же самое не раз говорили моя бабушка и отец.

Энцо стал поправляться, и я вместе с ним и дочкой перебралась в домик, снятый мною в горном селении Прадерадего, расположенном на высоте тысячи метров над уровнем моря. Чистый, слегка прохладный воздух, прогулки на лоне природы, простая и вкусная пища сотворили чудо. Муж окончательно выздоровел и окреп, а дочка стала розовой и пухленькой. Отдых был коротким, но таким чудесным; за всю мою нелегкую жизнь актрисы это были, пожалуй, самые спокойные дни. Правда, мне приходилось упорно бороться с неодолимой ленью мужа, который любил вкусно и сытно поесть, а потом удобно развалиться в кресле и вдыхать полной грудью живительный воздух. Но врач прописал ему побольше двигаться, и я упорно не оставляла Энцо в покое и тянула его за собой. Обычно мне все же удавалось расшевелить его и вывести из состояния блаженной дремоты. В такие минуты он напоминал сытого кота, растянувшегося после вкусной кормежки.

В Прадерадего мы не ощущали недостатка в приятелях. Здесь отдыхали многие наши знакомые, которые не давали нам скучать и были постоянными участниками веселых, шумных пикников.

Не раз местный оркестр в полном составе собирался под

окнами нашего дома и услаждал мой слух исполнением прелестных серенад. А как не вспомнить о великолепном супе из рубцов, который нам подавали в остерии? Понятно, мы обильно услаждали свои трапезы изумительным белым вином с виноградников Тревизо. Наш отдых достойно завершился балом на открытом воздухе у самого нашего дома. Этот веселый и блестящий вечер навсегда остался в памяти местных жителей и многочисленной колонии отдыхающих. Я чувствовала себя наверху блаженства и заметила, что и Энцо очень счастлив. Но нас ждал концерт в городке Франкавилла, где у Энцо было много друзей. Если бы не это, мы остались бы в Прадерадего на целое лето.

В Франкавилла мы отправились на машине. Мне страшно не хотелось уезжать и было очень грустно, что придется надолго расстаться с Мари, которая не отходила от меня ни на шаг. Возможно, меня томило предчувствие, что с нами случится беда. До Франкавилла мы добрались вполне благополучно. После концерта было решено, не задерживаясь, вернуться назад. По пути мы остановились в Анконе позавтракать и побывали в Лоретском соборе.

Вскоре мы прибыли в Фано. На центральной площади этого городка в нашу машину на огромной скорости врезался другой автомобиль… Мы едва не распрощались с жизнью! У меня оказалась сломанной правая плечевая кость, Энцо раздробило правую ключицу и сильно ранило руку, досталось и бедняге шоферу. В больнице Фано нас заботливо и старательно лечил доктор Зброцци, который поразил меня редким внешним сходством с моим отцом. Я мучилась, как никогда в жизни.

Интересная деталь: спустя шесть лет, когда я вместе с баритоном Монтесанто возвращалась в машине после выступления в римском театре «Терме ди Каракалла», на нас все в том же Фано наехала машина. К счастью, на этот раз дело ограничилось легкими ушибами.

Но вернемся к тому злосчастному 1931 году. После нескольких дней пребывания в больнице мы с мужем смогли добраться до нашего дома в Барбизанелло. Муж отделался тем, что двадцать пять дней пролежал в гипсе, а я вынуждена была носить этот не слишком приятный груз целых два месяца. Волей-неволей пришлось отказаться от всех объявленных ранее выступлений.

После долгого перерыва я выступила наконец 17 октября в концерте в Пьеве ди Солиго. Мне было приятно петь перед радушными жителями селения. Энцо тоже участвовал. Сбор от концерта я пожертвовала в пользу благотворительной столовой,

которой по моей просьбе присвоили имя Амилькара Менегеля в честь моего дорогого отца, который покоился на кладбище Солиго. Отныне старики и дети бедняков в мертвый сезон не останутся без тарелки горячего супа.

На концерт в Солиго съехались люди со всего Венето, и мне захотелось спеть им «Валашскую легенду», ту самую песню, которую я впервые исполнила в этом же селении восьмилетней девочкой. Аккомпанировал мне на скрипке мой первый в жизни аккомпаниатор — синьор Сарторио, большой друг отца.

Четыре дня спустя, 21 октября, я согласилась выступить в моем родном городке Мольяно. Там мне оказали поистине королевские почести, я никогда не забуду, как весь городок высыпал на улицу встречать меня и жители преподнесли мне на память изумительную золотую медаль. Еще через четыре дня, 25 октября, в Пьеве ди Солиго в нашу честь был устроен настоящий праздник. Священник прочитал в церкви благодарственную молитву по случаю счастливого избавления меня и Энцо от смертельной опасности. Торжественную мессу служил ченедский епископ, и, конечно, мы не могли не спеть. Я исполнила «Аве Марию» Гуно и «Молитву» Страделлы, Энцо — «Агнус Деи» и «Элегию» Массне. Епископ поблагодарил нас, и в конце церемонии мне подарили небольшой, старинной работы футляр с реликвией святой Терезы. Я до сих пор бережно храню этот драгоценный подарок.

После целого ряда несчастий — правда, вперемежку с радостями — настало время для меня и Энцо возобновить гастрольные поездки. Мы выступили вместе в Тревизо, Вероне, Берлине, Копенгагене, Стокгольме, Флоренции, Чезене, Париже. Оперы, концерты, снова оперы, снова концерты. И так без конца.

С небывалым успехом прошли наши выступления в берлинском «Концертхауз». Для этих, по всеобщему утверждению, «холодных» зрителей нам пришлось пятнадцать раз бисировать. Должна, однако, добавить, что просторный, на редкость красивый «Концертхауз» был одним из лучших в мире залов и концерты здесь собирали самых требовательных зрителей, тончайших ценителей музыки.

Не менее триумфальными были наши выступления в Париже. Один концерт мы с Энцо дали в знаменитом зале «Гаво», второй — в «Торговой палате», где среди наших слушателей был сам президент республики. Особенно пришлись по вкусу парижанам в моем исполнении «Вариации на тему венецианского карнавала». Бешеные аплодисменты выпали и на долю Энцо, исполнявшего романсы и арии из опер «Линда де Шамуни», «Джоконда» и «Риголетто».

После Парижа снова концерты — уже в Льеже. Из Бельгии мы помчались в Катанию, где в театре «Беллини» пели в «Сомнамбуле». Из Катании наш путь лежал в Турин. Там я пела в «Линде де Шамуни». После этого выступления музыкальный критик Андреа Делла Корте, уже тогда приобретший большую известность, посвятил мне одну из самых хвалебных рецензий за всю мою карьеру.

Контракты, бесконечные контракты, успех за успехом, неописуемый восторг после каждого спектакля. Из Турина — в Модену и Геную, из Генуи — в Болонью, Палермо и Падую. Оттуда мы отправились во Флоренцию, а затем — в Пизу.

Здесь на дневном представлении «Сомнамбулы» со мной произошел весьма неприятный эпизод. Я очень устала и чувствовала себя прескверно. В конце спектакля зрители наградили меня бешеными овациями и потребовали исполнить знаменитую арию на «бис».

Я до того обессилела, что была не в состоянии выдавить из себя ни единой ноты. В зале творилось нечто неописуемое. Представление закончилось в весьма накаленной атмосфере. Настроение в зале было явно недружелюбное. Импрессарио встретил меня грубыми упреками, я тоже не осталась в долгу. Меня огорчили не столько резкий выпад импрессарио и несправедливое возмущение зрителей, сколько их нечуткость. Ведь я в самом деле чувствовала себя плохо, а в такие минуты нет ничего обиднее чужой бестактности и невнимания. Мне посоветовали не выходить из театра, потому что многие зрители столпились у служебного входа с намерением освистать меня. Я просидела в артистической уборной целых два часа. Ничего подобного со мной еще не случалось. Я поняла, что и большой, неизменный успех может быть причиной неприятных инцидентов.

В том памятном, вернее, печально памятном для меня году произошло еще несколько событий, заслуживающих упоминания. После исполнения «Сомнамбулы» в Равенне и «Лючии ди Ламмермур» в Анконе мы отправились в Зару. Театр этого города не в состоянии был вместить море людей, мечтавших попасть на спектакль.

Множество любителей музыки так и не смогли достать билеты. По моей просьбе администрация распахнула все двери и окна, и таким образом все «неудачники» тоже смогли послушать оперу. По окончании мне пришлось выходить не только на авансцену, но и на балкон, чтобы поблагодарить «уличных» слушателей, которые отчаянно хлопали в ладоши. После Зары мы с мужем дали концерты в Поле, Аббации и на острове Бриони.

После всех этих выступлений нам, право же, было не грешно

чуточку отдохнуть в Риччоне, где у нас была небольшая вилла. Мы, конечно, взяли с собой и Мари, и я была безумно счастлива, что смогу хоть немного побыть с ней.

Однажды нам предложили съездить в Аверну, где находился францисканский монастырь. Мы согласились. Нашим гидом был префект Флоренции, которому удалось провести нас внутрь этого монастыря для юных послушников. Двери монастыря были открыты в последний раз в день посещения его королевой Маргаритой Савойской. Вот уже целых три года юные монахи не видели ни одного постороннего человека, и тем более женщин.

Когда мы вошли, меня попросили исполнить что-либо подходящее для этой торжественной обстановки. Я спела «Аве Марию» Гуно, а затем, по какому-то наитию, стала тихо напевать «Колыбельную» Джени Садеро. Картина была поистине трогательной. Послушники и уже пожилые монахи стояли молча, неподвижно, и я заметила, что у многих из них на глазах навернулись слезы.

Прежде чем покинуть монастырь, я захотела побыть одна и помолиться. Я так нуждалась в утешении, ведь к этому времени мое семейное благополучие дало глубокие трещины. «Классическое» несходство характеров постепенно сказывалось, и горизонт заволокли тучи.

Должна сказать, что я очень уважала мужа как артиста и любила его прежде всего за то, что он дал мне познать радость материнства.

Прошло уже почти десять лет со дня преждевременной смерти Энцо, и сейчас, перебирая в памяти события семейной и артистической жизни, я вспоминаю о наших ссорах, которые в конце концов привели к разводу, с миролюбием и известной снисходительностью. Но в ту пору ни я, ни он, оба молодые, на вершине славы, не умели сдерживать себя.

Все началось с недомолвок, коротких стычек и обид, и мало-помалу у нас не осталось иного выхода, кроме окончательного разрыва. Говорю «окончательного» потому, что я долго колебалась из-за девочки, прежде чем в канун 1933 года приняла трудное решение.

Энцо Де Муро Ла Манто был на несколько лет моложе меня и еще не успел приобрести жизненный опыт, которым я, будучи старше, в известной мере уже обладала. Фортуна слишком рано улыбнулась ему, и он без труда добился артистического успеха. Брак с Тоти Даль Монте не только тешил его самолюбие, но и сильно облегчил путь к славе.

Энцо все чаще предавался безумным кутежам; он был красивым мужчиной, жизнерадостным, остроумным, очень

любившим повеселиться на стороне. Я на многое смотрела сквозь пальцы, но все же часто мне было не столько больно, сколько обидно. Я еще мечтала о семейном счастье, питала немало иллюзий и не могла ему этого простить. Как артисту Энцо также были присущи все достоинства и недостатки южанина. У него был сильный, красивого тембра голос, он обладал выразительной фразировкой, а его исполнение отличалось теплотой и страстностью. Единственное, что ему мешало, так это несколько короткое дыхание.

Пению он учился в Неаполе и еще юношей выступил с успехом в неаполитанском «Сан Карло». Утвердившись на юге страны, Энцо решил завоевать себе имя и в Северной Италии. Выступая в Королевском театре Пармы, где зритель отличается исключительной требовательностью, Энцо покорил сердца слушателей своим исполнением главной роли в опере «Сомнамбула». Его партнершей в этом спектакле была варшавская певица Ада Сари, получившая признание и в Италии. Затем мужу удалось попасть на пробу в «Ла Скала», и он с честью выдержал трудное испытание. Скандиани очень высоко оценил его пение.

Я впервые выступила с Энцо в «Ла Скала» в опере «Дочь полка», и мы оба разделили большой успех. Голос Энцо очень подходит для моего репертуара, особенно в операх «Дон Паскуале», «Лючия ди Ламмермур», «Севильский цирюльник», «Сомнамбула». Слава Энцо начала клониться к закату после того, как он, расставшись со мной, взялся за партии лирического тенора. Он отважился петь даже в «Лоэнгрине» и в «Адриенне Лекуврер».

С годами сильное перенапряжение голосовых связок привело к бронхиальной астме. Первые симптомы этого заболевания проявились у Энцо еще во время нашей совместной жизни, а впоследствии оно приняло очень тяжелые формы.

Осенью 1932 года наши отношения стали весьма натянутыми. Но мы еще спели вместе в Мантуе, где шла «Лючия ди Ламмермур». Я так нервничала и мучилась, что до сих пор не понимаю, как смогла довести спектакль до конца.

Крупная ссора произошла у нас с Энцо через несколько дней в Лугано во время одного из концертов. Вскоре миланский адвокат Цеви помог нам оформить развод по взаимному согласию сторон, что и было зафиксировано в суде 7 декабря 1932 года. Меня вся эта история совершенно выбила из колеи, и я долго не могла оправиться от сильнейшей депрессии. Я взяла дочку и уехала с ней в Рапалло, чтобы набраться хоть немного сил. Постепенно я пришла в себя.

Двадцать восьмого декабря я вновь спела в Королевском

театре Турина партию Амины в «Сомнамбуле», но моим партнером по сцене был уже не Энцо, а тенор Манурита, настоящий красавец и прекрасный певец, отличавшийся редкой музыкальностью. В тот вечер я после спектакля выплакала все глаза.

С Энцо Де Муро я больше не выступала вместе. После короткого периода глухой вражды мы начали переписываться. Ведь нас связывала дочка, и Энцо, конечно, желал видеться с ней. Когда я отдыхала в Барбизанелло, Энцо нередко приезжал в Тревизо, и гувернантка приводила к нему Мари, которую он очень любил и, как хороший отец, был с ней нежен и ласков. Со временем мы стали добрыми друзьями, а в период войны наша переписка и встречи стали довольно частыми. Особенно после того, как в 1944 году Энцо постигло большое несчастье. В один из воздушных налетов на Брешию были убиты его сестра и племянница.

Серьезно больной, Энцо помчался в Брешию и отвез на своей машине тела погибших в Милан, чтобы достойно похоронить их на кладбище Монументале.

Энцо тяжело переживал свое горе. В 1945 году, когда кончилась эта ужасная война, наметилась возможность примирения между мною и Энцо. Мы оба этого желали, и прежде всего ради дочери. Мари было уже пятнадцать лет, и она жила со мной в Венеции. Вначале она училась в колледже «Поджо Империале», а затем в Милане. В эти годы она часто виделась с отцом, который был с ней особенно ласков.

Если наша семья окончательно распалась, то не по моей вине. Покинув сцену, Энцо занялся торговлей вместе с одной своей приятельницей, которая не советовала ему в тот момент пойти на примирение со мной. Впоследствии здоровье Энцо резко ухудшилось, и я нередко навещала беднягу, чтобы как-то его поддержать и ободрить. А он так в этом нуждался!

В этот безмерно тяжелый период своей жизни муж был со мной удивительно нежен. Он прислал мне несколько поистине трогательных писем. Наши встречи стали еще более частыми.

У меня сохранилось немало его писем, в которых он с тоской вспоминал о потерянном счастье и спокойно, здраво оценивал факты, приведшие нас к разрыву. В последнем из его писем звучала отчаянная мольба о прощении и горькое сожаление.

Последние дни я не расставалась с мужем, все надеясь, что он хоть немного наберется сил и можно будет перевезти его в Барбизанелло. Я думала, что там, в горах, свежий воздух и заботливый уход помогут ему встать на ноги. Напрасные иллюзии. Астма и воспаление легких доконали его. Энцо Де Муро

Ла Манто умер в марте 1952 года, окончательно сраженный мучительной болезнью. Для меня было большим утешением, что я как-то облегчила ему страдания последних дней. На похороны в Рим приехала, конечно, и Мари, которая за год до этого вышла замуж.

XXVII. Среди великих оперного театра

Мне очень хотелось бы рассказать в двух последующих главах о музыкантах, режиссерах и великих певцах тех блистательных для оперы времен.

Тогда на музыкальном небосводе огромными золотыми буквами сияло имя Артуро Тосканини. Об этом гениальном и всемирно известном дирижере нашего века я уже упоминала, рассказывая о первых годах моего нелегкого артистического пути.

Два добрых божества оказали решающее влияние на мою судьбу актрисы, которую встречали восторженными овациями (говорю об этом без излишней скромности) в театрах всего мира. Это были Барбара Маркизио и Артуро Тосканини.

Тоти Даль Монте гримируется в своей артистической

Мария. «Дочь полка» Г. Доницетти

Моей несравненной наставнице, чей образ я пыталась

воссоздать в первых главах книги, я обязана «открытием» моего голоса, хорошей музыкальной школой, тонкостью артистического восприятия и мастерством.

Тосканини довершил мое формирование. Благодаря ему я научилась глубже чувствовать музыку, безраздельно отдавать себя искусству, избегать ремесленных штампов и, что еще хуже, самодовольства. Он научил меня не успокаиваться на достигнутом, сознавать свою ничтожность перед величием искусства и стремиться к беспрестанному совершенствованию.

Тосканини вечно был в поисках, и на репетициях всегда приходилось что-то менять, переделывать. Главное, он неизменно требовал начинать все «с нуля». И горе тому, кто трудился без горения и не искал нового.

Я навсегда запомнила возобновленную постановку «Риголетто» в «Ла Скала» незадолго до того, как гнусные людишки из окружения диктатора принудили маэстро эмигрировать в Соединенные Штаты.

Мы с Галеффи были единственными «могиканами», певшими в «Риголетто» за два года до этого под руководством Тосканини.

Партию герцога Мантуанского поручили тенору Д'Алессио, который незадолго до того с большим успехом выступал в опере «Манон Леско». А роль Маддалены исполняла Луиза Бертана.

Я чувствовала себя не очень хорошо и во время мучительно трудных репетиций пела не напрягаясь, вполголоса. Маэстро заметил это и с обычной для него строгостью спросил:

— А ты? Почему не поешь? Считаешь, что хорошо спеть надо лишь арию, а до остального дела нет?

— Хочу поберечь силы, маэстро, — робко ответила я.

— Ах вот что, поберечь силы! Значит, я один должен трудиться до седьмого пота? Пой, да пой так, словно ты впервые вышла на сцену. Понятно?

Разумеется, у меня недостало духу возразить ему и сказать, что я нездорова. Пришлось петь в полный голос.

Я уже рассказывала, как «грозный» маэстро не раз заставлял меня плакать, яростно отчитывая за какое-нибудь упущение. Если Тосканини считал артиста в чем-то серьезно виноватым, он мог смешать его с грязью. Иной раз он бывал поистине беспощаден, особенно с самонадеянными глупцами, лентяями и нарушителями дисциплины.

Но когда все шло хорошо и маэстро был доволен, он становился удивительно милым. На мою долю выпало счастье быть его любимицей, и я могла бы немало рассказать о его редкой доброте. Тосканини умел быть снисходительным и чутким к артистам и своим помощникам, которых он уважал. Но они

должны были беспредельно верить ему и честно помогать с полной отдачей себя.

Еще в начале моей карьеры Тосканини так отозвался обо мне: «С Тоти я всегда играю роль скромного юноши», желая сказать этим колоритным выражением, что мое упорство и страстное стремление достичь поставленной цели очень много значат и без его помощи. Впоследствии маэстро не раз говорил: «С Тоти я отдыхаю».

Тосканини многократно проявлял ко мне поистине отеческую заботу, особенно в период моей первой столь неудачной беременности и в дни моего счастливого материнства.

Не забуду, как ласково он меня обнял, когда после долгих лет изгнания наконец вернулся из Америки и я отправилась в Кьяссо, чтобы повидаться с ним. Он прижал меня к сердцу, словно родную дочь, и, улыбаясь, посмотрел на мое залитое слезами лицо. Его черные глаза под густыми бровями увлажнились. Он тоже был бесконечно взволнован, после стольких лет отсутствия ступив на землю своего родного Кьяссо. Незабываемые воспоминания остались у меня и о его милой и радушной жене, синьоре Кларе. Уроженка Милана, она была экспансивной, отзывчивой и доброй. Дружеские отношения связывали меня и с красавицами дочерьми великого маэстро — Валли и Вандой. Умница Валли стала впоследствии графиней Кастельбарко, а Ванда вышла замуж за известного пианиста Горовица. В Милане я была частым гостем в доме Тосканини, и меня всегда встречали там очень приветливо.

Если перед Тосканини я благоговела и испытывала, словно дочка перед строгим отцом, даже некоторую робость, то, право же, с не меньшим уважением и доверием относилась я к Антонио Гуарньери, этому гениальному венецианскому дирижеру, с которым меня связывала и общая любовь к родному краю. Гуарньери тоже умел внушить к себе уважение, а иногда и страх. Особенно боялись артисты его насмешек и язвительных замечаний, острых как бритва. Печать подлинного таланта лежала на его сухощавой фигуре, подвижном худом лице с блестящими выразительными глазами. Необыкновенно образованный музыкант, Гуарньери обладал тонким вкусом и редкостной восприимчивостью.

Общеизвестно, что вершин мастерства он достигал в операх Вагнера. Я по сей день помню, как он дирижировал вагнеровским концертом в болонском «Театро Коммунале». По окончании концерта зрители, казалось, обезумели от восторга. Должна сказать, однако, что и в исполнении итальянской музыки, и особенно беллиниевских опер, Гуарньери также почти не знал

себе равных.

Когда в Катании отмечали в 1935 году столетие со дня смерти Беллини, местный театр показал «Норму» и «Сомнамбулу». Я не могла не побывать на премьере «Нормы». Впечатление было столь сильным, что у меня сжалось от волнения горло и после первого действия пришлось на время выйти из ложи. А через несколько дней настал мой черед петь в «Сомнамбуле». Я стала уже специалистом-«лунатиком» и почти беспрестанно пела партию Амины.

В ходе репетиций со мной произошел такой случай.

Хоть я и была в восторге от проникновенной трактовки Гуарньери арии «Ах, не чаяла тебя увидеть», он неизменно исполнял ее в медленном темпе, мне же хотелось придать живости второй строфе. Но как ему сказать об этом?

В те времена к главным дирижерам полагалось обращаться с величайшим почтением и покорностью.

Я очень волновалась и поджидала удобного случая, чтобы поговорить с ним. Такая возможность как раз представилась мне во время репетиции. Я набралась храбрости и сказала:

— Маэстро, я хотела попросить вас об одном одолжении.

— Говори, говори, дорогая! Я тебя слушаю!

— Нельзя ли слегка убыстрить темп во второй строфе анданте?

И вот что я услышала в ответ:

— Дорогая Тоти, когда певец так поет, как ты, ничего не поделаешь, надо подчиняться.

Таким чутким и понимающим дирижером был Гуарньери!

Бедный великий Гуарньери! Весть о его смерти огромной болью отозвалась в моем сердце. На похоронах в Венеции у меня было такое чувство, словно я потеряла родного человека, и слезы неудержимо лились из моих глаз.

Убитая горем синьора Гуарньери пожелала, чтобы веточки хризантем, которые я принесла, положили в гроб.

Перебирая в памяти мои встречи с Гуарньери и нашу долгую дружбу, я не припоминаю ни единого столкновения или ссоры, которые столь часто отравляют отношения между артистами и особенно между дирижерами и певцами.

Несмотря на далеко не мягкий характер, дорогой маэстро, подчас злой и едкий с другими, был со мной всегда сердечен и мягок. Я сохранила о нем самые лучшие воспоминания.

Еще к одному дирижеру и композитору у меня навсегда осталось чувство бесконечной благодарности. Я говорю о Джино Маринуцци; его талант и слава столь велики, что не нуждаются в комментариях. Я уже упоминала, что он был моим первым

концертмейстером, но и в дальнейшем меня связывала с ним глубокая дружба. Покойный был на редкость проникновенным музыкантом. И хотя его вкусы отличались эклектизмом, он достиг несравненного мастерства в исполнении опер Беллини.

Огромную признательность испытываю я и к Туллио Серафину, под руководством которого не раз пела в операх. Он был очень прямодушным и одновременно сдержанным человеком с большим музыкальным вкусом и редкой интуицией. Маэстро Серафин почти не знал себе равных в мастерстве, когда дирижировал операми XIX века.

Высокообразованный, вежливый и очень душевный, он не раз выказывал мне свое расположение. Однажды он сказал:

— У тебя есть свое маленькое королевство, и ты безраздельно властвуешь в нем.

Приятные воспоминания сохранились у меня и о гневном и пылком Леопольдо Муньоне, предтече знаменитых дирижеров-романтиков. Нередко, повинуясь его суровой дирижерской палочке, я пела, дрожа от страха, но он же давал певцам истинные и волнующие минуты радости. Незабываемый успех ждал всю нашу труппу в редкостной постановке «Севильского цирюльника» в лондонском «Ковент-Гарден». И больше всех, несмотря на всемирную славу, был взволнован маэстро Муньоне.

О Пьетро Масканьи я уже писала, рассказывая о начале своего артистического пути. Когда в римском театре «Костанци» ставили «Лодолетту», знаменитый композитор приехал послушать меня на одной из репетиций с концертмейстером.

Преодолев вполне объяснимый страх, я стала петь с обычным подъемом. Несмотря на свою несдержанность и резкость, Масканьи слушал меня тихо-тихо. В конце, видимо, глубоко растроганный, он потрепал меня по щеке и сказал:

— Моя Тотина, ты молодец. В твоем пении столько свежести и чистоты, что не сомневаюсь в успехе оперы и здесь, в Риме. Я писал «Лодолетту» всей душой. Вложи и ты в пение свою душу — и триумф обеспечен…

И в самом деле, успех можно было назвать триумфальным. Партия Лодолетты стала моей удачей, и после знаменитой палермской премьеры я пела ее во всех театрах мира. В 1939 году было решено показать «Лодолетту» в нескольких городах, причем дирижировать оперой пригласили самого Масканьи, уже старого, больного и чувствительного, как никогда прежде.

Я была рада сделать приятное старому маэстро и согласилась принять участие в этом памятном турне, которое началось в Риме и кончилось выступлением в «Ла Скала».

— Без Тотины ничего не выйдет, — сказал маэстро.

Поэтому я постаралась оправдать его ожидания и отказалась от всех других предложений. Турне было интересным и очень патетичным. Каждый вечер маэстро дирижировал оркестром взволнованный до предела, и в третьем действии уже не в силах был унять слезы.

В сущности, это даже мешало нам, певцам. Чрезмерная чувствительность композитора передавалась нам, хору и даже зрителям.

Зять Масканьи, маэстро Фаринелли, всегда дрожал за жизнь своего дряхлого, больного тестя. С могучим и грозным львом, который рычал на всех и усмирял любого взмахом дирижерской палочки, произошла на старости лет грустная метаморфоза.

Сарказм, острые словечки, необузданный гнев, десятилетиями нагонявшие ужас на всех и каждого, сменились кротостью и сентиментальностью. Старый маэстро словно предчувствовал, что жизнь его подошла к последней черте.

Великий Масканьи! Он всегда был со мной ласковым, нежным и по-отечески добрым.

По окончании турне маэстро попросил у меня на память фотографию для своего домашнего музея воспоминаний и славы в Ливорно. Мне он подарил свою фотографию с такой надписью: «Вы поете прекраснее феи, и это святая правда. Так пусть же всюду следуют за вами моя благодарность, преданность и восхищение». Это были слова героини из оперы маэстро Масканьи «Лодолетта».

И сразу же нахлынули воспоминания о Пуччини. Впервые я встретилась с ним в римском театре «Костанци». Шли репетиции «Богемы». Я в своей театральной уборной гримировалась к вечернему представлению «Риголетто».

Началась репетиция третьего действия «Богемы». Партию Мими исполняла знаменитая Кармен Мелис. Пуччини зашел ко мне и сказал:

— Ничего не могу с собой поделать. Слушаю Мелис, а у самого слезы навертываются на глаза!

Несколько лет спустя я увидела Пуччини в «Ла Скала», где я с триумфом выступала в роли Лючии. Спев сцену безумия, я столкнулась за кулисами с великим маэстро. Он обнял меня и восторженно поздравил с заслуженным успехом. Мы прошли в мою артистическую уборную, и, ободренная его похвалами, я сказала:

— Почему вы, маэстро, не напишете оперу для легкого сопрано? Тогда бы и мне, возможно, посчастливилось спеть ваши арии. (В то время еще не возникал разговор о моем выступлении в «Чио-Чио-Сан» и «Богеме».)

Пуччини тут же ответил:

— Дорогая Тоти, я сейчас как раз пишу оперу, где главная роль предназначается для драматического сопрано, но там есть и отличная лирическая партия. Сочиняя музыку к ней, я думал о вас и хотел бы, чтобы именно вы стали первой исполнительницей этой роли.

Речь шла о партии Лиу в новой опере маэстро «Турандот». Несколько лет спустя в Берлине во время очередного турне один известный немецкий критик и музыковед, большой друг Пуччини, подтвердил мне слова маэстро.

Незадолго до того, как он лег в одну из бельгийских клиник, откуда ему не суждено было выйти, Пуччини был проездом в Берлине. Встретившись со своим другом, Пуччини рассказал ему об опере «Турандот», добавив, что партия Лиу написана специально для меня.

После смерти Пуччини оперу «Турандот» закончил композитор Альфано. Но когда в «Ла Скала» состоялась премьера оперы, я, увы, находилась в Соединенных Штатах и собиралась в турне по Австралии.

Кроме Масканьи и Пуччини я долгие годы была в самых дружеских отношениях с Умберто Джордано.

Знаменитый автор «Андре Шенье» был чудесным человеком, добродушным и очень сердечным. Он сохранил простые привычки и вкусы своей родной Пульи и обожал сочное рагу, которое так хорошо умеют готовить на юге. В своем бумажнике он всегда носил рецепт знаменитого рагу и, в какой бы район Италии ни попадал, требовал, чтобы его любимое блюдо повара готовили по всем правилам искусства. Он был куда более требовательным в вопросах кулинарии, чем даже в музыке.

Джордано был просто счастлив, что я спела главную партию в его новой опере, «Король», написанной специально для меня. Но я уже упоминала об этом, когда рассказывала о своей первой столь неудачной беременности.

Поскольку я уже заговорила о знаменитых композиторах, мне не хотелось бы пройти мимо Игоря Стравинского. В 1924 году в Буэнос-Айресе мне довелось петь в его сюите «Соловей». По тем временам музыка сюиты была необычно смелой и даже авангардистской. Легкого успеха ждать не приходилось. Я с самого начала поняла, что на мою долю выпала весьма трудная и неблагодарная задача.

Я заняла место в оркестре и сразу же почувствовала, что зрители разделились на два враждующих лагеря. Но едва я запела, мне стало ясно, что буря стихает и критический момент миновал. Обо всем этом друзья рассказали Стравинскому, и он

прислал мне из Парижа телеграмму с горячими поздравлениями и благодарностью.

Позже, когда я приехала в Париж, Игорь Стравинский нанес мне визит. Я была безмерно рада познакомиться с этим гениальным композитором и очаровательным собеседником. Между прочим, в разговоре Стравинский заметил, что был бы счастлив услышать меня в своих операх. Но этим дело и кончилось. Насколько я знаю, какой-либо партии, отвечающей моим вокальным данным, композитор так и не написал. Очевидно, эти замыслы так и остались неосуществленными.

Самые теплые воспоминания я храню и о другом живущем поныне композиторе — Ильдельбрандо Пиццетти.

Еще в 1918 году во Флоренции я пела в его «Пастухах», написанных на слова Д'Аннунцио. Двумя годами позже Пиццетти написал в моем альбоме: «Тоти Даль Монте в память о единственном подлинно художественном исполнении „Пастухов“».

Не могу не сказать нескольких слов и о Гундо Бьянкини, моем дорогом, верном друге, авторе изумительных песен. Венецианец с головы до пят, Бьянкини превосходно умел передать в своих песнях атмосферу родной Венеции, веселой, мечтательной, простонародной. Я спела множество его песен, и вместе с канцонами Джени Садеро они трогали сердца людей в самых различных уголках земли.

Но вернемся к дирижерам. Уроженец Абруцц, выросший, однако, в Аргентине, Паолантонио был для меня бесценным наставником, особенно в начале моей карьеры.

В первых моих турне оркестром почти неизменно дирижировал Франко Паолантонио. Худой, темнокожий, с зелеными глазами, он всегда оставался элегантным и на редкость общительным. Человек образованный, глубоко чувствующий музыку, он питал ко мне бесконечную привязанность и безмерно восхищался моим талантом. Не знаю уж, справедливо или нет, но он считал, что театральные круги Италии его недолюбливают, и все свои надежды на реванш связывал со мной.

Должна признаться, что его слепая вера в меня оказала мне добрую услугу. Его советы и руководство очень мне помогли как в Италии, так и на гастролях в Буэнос-Айресе, где он пользовался не меньшим влиянием, чем Этторе Паницца, другой дирижер-аргентинец.

Бедный Паолантонио! После его трагической гибели я попыталась найти на кладбище в Буэнос-Айресе его могилу. В результате долгих поисков мне это удалось. По кастильскому обычаю, гроб с прахом усопшего не был замурован, а стоял на

плиточном полу в подземном склепе, рядом с гробами его умерших родичей.

Я была потрясена. Положив на гроб букет живых цветов, я долго стояла, погруженная в далекое прошлое. У меня слезы подступали к горлу и проносились воспоминания о моих первых шагах на сцене. Без постоянной поддержки Франко Паолантонио, без его терпеливых объяснений и умных советов я никогда бы не сумела проникнуть в сокровенную суть музыки и достичь вокального совершенства.

О многих других дирижерах, живущих поныне и отошедших в иной, лучший мир, хотелось бы мне сказать добрые слова благодарности и признательности. Но, увы, размеры книги не позволяют мне сделать это.

Все же я не могу не сказать об отличном дирижере и вдумчивом музыканте Витторио Гуй, о столь рано ушедшем от нас Викторе де Сабата, о великом маэстро Туллио Серафине, о Винченцо Беллецца, Баваньоли, Джорджо Полакко, Серджо Фаилони, о Добровейне, тончайшем музыканте, о Пьеро Фабброни, Бальди Дзенони, Дель Куполо, Армани, Дель Кампо, Гионе, Луконе, Гаваццени, Санцоньо. Я наверняка забыла упомянуть и многих других крупных дирижеров и поэтому заранее прошу у них прощения. В заключение хочу сказать об очень важном, на мой взгляд, факте.

В мои времена концертмейстер и дирижер оркестра значили куда больше, чем теперь. Тогда, за исключением «Ла Скала», где к руководству спектаклями изредка привлекался Джоаккино Форцано, оперный театр не прибегал к помощи режиссеров. Единственным полновластным режиссером и постановщиком был дирижер оркестра. Очень жаль, мне кажется, что нынешние дирижеры отказались от этой своей прерогативы.

По моему мнению, ни один современный режиссер, итальянский или зарубежный, не сумел бы в своей работе подняться до уровня театральных постановок, скажем, Тосканини, Муньоне, Гуарньери, Маринуцци, Серафина, Добровейна, Гуй, Паолантонио, познавших все «секреты» оперной музыки.

Впрочем, я отнюдь не являюсь ретроградом. Раз и в оперном театре появились свои режиссеры, значит, на то есть серьезные причины, и я принуждена сдаться перед лицом очевидных фактов.

Вот один пример из области режиссуры. Сцена безумия в опере «Лючия ди Ламмермур». В мои годы эту сцену исполняли при ярком освещении, и потому создать нужную атмосферу было куда труднее. Все зависело от дикции и темперамента певиц, их чувства сцены и искусства. Теперь же задача исполнительниц весьма облегчена. Режиссер, используя игру света и тени,

помогает передать весь драматизм переживаний героини.

Но так же как в драматическом театре ни одному режиссеру в своей работе не удалось достичь высот мастерства, присущих Элеоноре Дузе, Новелли, Цаккони, Руджери, Бенини, Цаго и другим, так и в опере никто не сумел передать возвышенную, праздничную атмосферу, царившую на прославленных спектаклях Тосканини, Гуарньери, Маринуцци.

Раз уж эту главу я почти целиком посвятила дирижерам и концертмейстерам, мне остается теперь рассказать в следующей о многих крупных певцах, моих товарищах по сцене, которые делили со мной все мои успехи и триумфы.

XXVIII. Знаменитые певцы

Театральная жизнь, особенно в оперном театре, всегда отличалась неизбежным соперничеством, завистью, глубокими и мелочными обидами, роковым непониманием. Но чем большей славы достигает певец благодаря своим вокальным данным, уму и симпатиям зрителя, тем меньше свойственны ему зависть, злоба и всякие неблагородные чувства.

Для каждого, велик он или мал, наступает день испытания правдой, иными словами, рано или поздно становится очевидным, чего человек стоит. И тогда уже не помогут ни блеф, ни всяческие мистификации. Однажды ими можно обмануть зрителя, но они недолговечны и в конце концов наносят непоправимый вред тому, кто к ним прибегает.

К счастью, я всегда знала свои возможности и никогда не страдала такими пороками, как зависть, подозрительность, злоба; впрочем, даже при желании у меня не хватило бы на все это времени, столь напряженной была моя исполнительская деятельность начиная с памятного февраля 1916 года и вплоть до второй мировой войны. За все годы у меня не возникало неприязненных отношений, ссор ни с одним из моих весьма многочисленных товарищей по сцене, а также с дирижерами, импрессарио, критиками. Я никогда не обижалась на своих коллег, даже если мне и случалось слегка повздорить с ними, что, вообще-то говоря, неизбежно при долгой совместной работе. Я и сейчас не собираюсь полемизировать ни с Лаури-Вольпи, ни с покойным Бениамино Джильи, которые в своих воспоминаниях изображают меня своего рода «слепым чудом природы», а не актрисой, сознающей свои возможности и умеющей работать и добиваться совершенства исполнения. Об этих великих тенорах, украшавших мировую оперную сцену, я храню самые хорошие воспоминания, хотя и не согласна с некоторыми их суждениями обо мне.

Я всегда восхищалась их талантом и, выступая с ними, никогда не испытывала низкой зависти. Мне было так радостно петь с тонко понимающим музыку партнером, что для других чувств, кроме бесконечного счастья, просто не оставалось места. Не знаю, понимали ли они это. Хочу думать, что да.

С глубокой нежностью я вспоминаю об Аурелиано Пертиле, одном из наиболее талантливых певцов, обладавшем поистине отточенным мастерством. С ним меня до последних дней его жизни связывала крепкая и верная дружба, основанная на полном взаимном уважении.

С незабываемым триумфом мы оба пели на премьере «Лючии ди Ламмермур», поставленной Тосканини в «Ла Скала».

Огромную радость доставили мне выступления Пертиле в «Лоэнгрине», «Андре Шенье», «Манон», «Паяцах», «Силе судьбы», «Трубадуре». Навсегда запечатлелась в моей душе его «лебединая песня», когда в конце своей блистательной карьеры он спел в «Отелло». Каким драматизмом была проникнута вся роль Отелло в его исполнении! Но вершин мастерства он достигал в третьем акте в арии «Бог, ты мог ниспослать на меня все беды». Придирчивым критикам тембр его голоса мог показаться недостаточно красивым, но сколько в нем было глубины, истинного пафоса; в сочетании с необыкновенным талантом актера это позволяло Пертиле безраздельно властвовать на сцене.

Благодаря редкой интуиции и артистичности любой персонаж, будь то патетичный Де Грие, необузданный Манрико, трагедийный Канио или вдохновенный Лоэнгрин, оживал в исполнении Пертиле, приобретая свои особые черты и краски.

Пертиле никогда не чванился, не разыгрывал из себя гения, он всегда оставался простым, добрым товарищем по сцене, очень вежливым и внимательным к другим. Одна из тайн его неизменного успеха заключалась в редком самообладании, железной воле, неустанном стремлении к совершенствованию и углублению своей общей культуры.

Голос — это еще не все для таких артистов, как я и Пертиле, пришедших в мир искусства из совсем небогатых семей. Из скромного помощника золотых дел мастера Аурелиано Пертиле стал выдающимся певцом. Однако он добился этого не только благодаря уму и таланту, но и силой огромного самопожертвования и страстной любви к искусству. Его преждевременная смерть была для меня большим горем. Все теплые, дружеские чувства, которые я питала к Пертиле-отцу, я перенесла на его детей, особенно на Арнальдо, ставшего известным судьей, глубоко честным, бескорыстным и на редкость вдумчивым.

Еще об одном знаменитом теноре я вспоминаю с большой любовью и уважением. Я говорю о Тито Скипа, этом «властелине властелинов оперной сцены». Какой он был артист!

Голос певца тембром не поражал, но он звучал так мягко, красиво, а артистическое мастерство Скипы было столь законченным, что я назвала бы его стиль исполнения классическим. Ему в высшей степени были присущи музыкальность, изящество и простота фразировки.

Выступая вместе с ним, я чувствовала себя на сцене удивительно легко, и между нами сразу же установилась

полнейшая гармония, столь близки друг другу были стили нашего исполнения. Мы вместе стяжали опьяняющий успех в операх «Сомнамбула», «Дон Паскуале», «Любовный напиток», «Севильский цирюльник», «Лючия ди Ламмермур».

Скипа был искренним, верным товарищем и настоящим рыцарем. И вне сцены он оставался с ног до головы джентльменом.

Однажды вечером мы вместе выступали в «Лючии». Я спела сцену безумия и ушла в артистическую уборную переодеваться. Скипе же предстояло еще петь в третьем акте. Внезапно раздался стук в дверь. Вошел Скипа и сказал:

— Тоти, похоже, зрители требуют тебя. Я несколько раз выходил на вызовы, но публика не угомонилась.

Он так настаивал, что пришлось накинуть впопыхах халат и под руку с ним выйти на сцену, чтобы по-братски разделить горячие аплодисменты зрителей. Сомневаюсь, чтобы в наше время могло произойти нечто похожее!

О Бениамино Джильи я уже писала. У него был удивительно мягкий и нежный голос на редкость приятного тембра. Поистине его голос можно назвать чарующим.

Незабываемое впечатление оставлял Джильи в сцене «грёз» в «Манон». А как мелодично и трогательно звучал голос Джильи в «Тоске» (ария «О эти ручки») и в «Лодолетте» («Вновь увидеть ее в этой хижине!»). Как человек и артист Джильи сумел завоевать всеобщую симпатию благодаря своей доброте, простоте манер и чудесному характеру.

Я уже упоминала и о Джакомо Лаури-Вольпи. В противоположность Джильи он отличался резким, неуступчивым нравом, очень часто и беспричинно переходил от спокойствия к гневным вспышкам. Отлично зная, сколь необыкновенно красив его голос и как подкупает зрителя его артистический темперамент, Лаури-Вольпи умел внушить к себе не только восхищение, но и страх. Его капризы и нетерпимость, возможно, заслуживают осуждения, но на сцене правым всегда оказывался он и никто другой.

В наших совместных выступлениях наибольшее впечатление Вольпи оставлял в «Риголетто». Его герцог Мантуанский был живым человеком, а не сценическим персонажем. Лаури-Вольпи с подлинным мастерством пел в «Вильгельме Телле», а в «Трубадуре» его могучий, звонкий голос был разящим, как острие кинжала.

Превосходным тенором был и Дино Борджоли, с которым я не раз пела в Италии и за границей. Все тайны лирического репертуара были для него открыты. Правда, приятного тембра

голос был в известной мере «сделанным», но благородство стиля, выразительность фразировки позволяют причислить Дино Борджоли к плеяде выдающихся певцов.

Поистине «золотой» голос был и у моего партнера тенора Флета. Тенорами с большой буквы можно назвать и Мануриту, и Марини, и, конечно же, моего мужа Энцо Де Муро Ла Манто, который был одним из наиболее прославленных и одаренных певцов в период после первой мировой войны.

А теперь перейду к баритонам! Самым великим баритоном моего времени, конечно, был Карло Галеффи, который после блистательной карьеры и бесчисленных успехов на сцене театров всего мира умер недавно в бедности.

Величайший Риголетто тех времен, Галеффи вместе со мной и Пертиле был долгие годы любимцем Тосканини. Его неподражаемый, мощный, с металлическим оттенком, голос прекрасно подходил к музыке Верди и к таким операм, как «Севильский цирюльник» и «Лоэнгрин».

Особое место в моем сердце занимает Луиджи Монтесанто, законченный артист, высокообразованный, на редкость тонко чувствующий и благородный. Много лет подряд Монтесанто был украшением итальянской оперы. В моей памяти он навсегда останется прекрасным другом и чудесным партнером по многим спектаклям и турне.

Голос у него был бархатистый, теплый и великолепно поставленный. Наибольшей выразительностью отличалось его исполнение главных партий в операх «Риголетто», «Травиата», «Трубадур», «Сила судьбы», «Андре Шенье», «Тоска», «Франческа да Римини», «Тангейзер».

Мы остались в наилучших отношениях и после ухода с оперной сцены, и для меня явилась огромным горем его ранняя смерть. Сколько ценных советов дал мне этот верный друг за время моих выступлений! Вспоминаю наши бесконечные беседы и споры во время репетиций «Травиаты».

Он принимал близко к сердцу мои успехи и огорчался моими неудачами куда больше, чем своими. Не раз, выступая вместе со мной, он бывал растроган до слез.

Мне выпала честь петь в «Риголетто» вместе с великим Маттиа Баттистини. Произошло это зимой 1921 года в падуанском театре «Верди». Я только начинала свой артистический путь, а Баттистини собирался оставить сцену после сорока лет блистательной артистической карьеры.

Я была безмерно горда и взволнована, что пою с прославленным артистом. Но Баттистини меньше всего стремился подавить меня своим авторитетом и славой. Он был со

мной очень добр и щедро давал советы. Совершенно уверенный в своем успехе, он помог мне с честью выдержать трудное испытание.

Когда закончились спектакли «Риголетто», Маттиа Баттистини прислал мне очень ласковое письмо, в котором между прочим писал, что голос — это «дар божий» и его надо всемерно беречь.

Довелось мне петь и еще с одним всемирно знаменитым баритоном — Риккардо Страччари. Он был настолько убежден в своей исключительности, что, выступая в Триесте вместе со мной в опере «Линда де Шамуни», проявил определенную бестактность. Возможно, это объяснялось моим огромным успехом в роли героини. Впрочем, ничего особенно страшного не случилось, и я не перестала восхищаться талантом этого уже стареющего певца.

Что же до Мариано Стабиле, то я, не колеблясь, готова превозносить до небес его исполнение партии Фальстафа. В этой роли Мариано Стабиле ждал исключительный успех буквально во всех театрах мира. Почти всю партию Фальстафа Стабиле проходил под руководством Тосканини, и этим все сказано. Поистине это был праздник подлинного искусства и музыкальности!

Как трудно будет современным и будущим баритонам с такой же художественной выразительностью воплотить на сцене этот весьма сложный образ!

О Мариано Стабиле я храню также личное приятное воспоминание. Мы выступали вместе в «Ла Скала» в «Дон Паскуале», и после исполнения знаменитого дуэта зрители долго вызывали нас на «бис».

Из первоклассных баритонов, также певших вместе со мной, хочу отметить еще обладателя удивительного голоса Бенвенуто Франчи, Вильоне Боргезе, Бьязини, Римини, Гирардини, Росси Морелли.

Баритон Аугусто Беуф, в конце своей артистической карьеры певший басом, был моим очень приятным партнером в турне по Австралии и Новой Зеландии. Голос его отличался стихийной силой, и он обладал темпераментом настоящего певца. Наибольших успехов он достиг как баритон, имеющий очень обширный репертуар.

Из всех басов, певших со мной, наиболее яркие воспоминания сохранились у меня о Федоре Шаляпине, одном из величайших артистов всех времен, новаторе и одновременно продолжателе лучших вокальных традиций.

Не говоря уже о потрясающих образах в «Борисе Годунове» и «Дон-Кихоте», незабываемым останется исполнение им партии

дона Базилио. В «Севильском цирюльнике» мы пели вместе не только в «Ла Скала», но и в огромном зале Кливлендского театра. В «Ла Скала» Шаляпин осуществил также режиссуру и постановку «Севильского цирюльника», с тем тонким умением и вкусом, который признавали буквально все.

Он был таким педантичным и даже придирчивым в своей роли постановщика, что однажды подверг тяжкому испытанию даже мое долготерпение. Но когда я не удержалась от выражения досады, Шаляпин не только не обиделся, а, похоже, даже развеселился. Возможно, он нарочно хотел меня подзадорить.

— Имей терпение, Тотарелла! — воскликнул он. — Ты сама только выиграешь, если все будет сделано в лучшем виде. — И снова принялся обсуждать с рабочими сцены, как надо повесить занавеси и какого они должны быть цвета.

У этого человека были стальные нервы! Но прав был он, а не я. Как всякий истинно великий художник, он не терпел никаких «приблизительно и примерно», и, выступая вместе с ним, я научилась очень и очень многому. Кроме рассказанного выше случая, Шаляпин относился ко мне очень мило и дружелюбно. Он звал меня ласково «Тотарелла», «моя Тотарелла» и щедро одаривал похвалами и драгоценными советами. Накануне моего первого путешествия в Россию я зашла к нему, в его парижскую квартиру. Он жил в роскошном доме, обставленном в русском стиле. Буквально во всех уголках виднелись реликвии его заслуженной славы и редкие удивительные сувениры.

Шаляпин встретил меня очень радушно, по-дружески обнял и весь вечер был необыкновенно предупредителен и любезен. Я рассказала ему о моем намерении пересечь Советский Союз по транссибирской магистрали.

— Счастливица! — взволнованно воскликнул Шаляпин. — Какое это счастье — ступить на землю святой Руси! Я надеюсь, что рано или поздно вернусь на родину. Езжай смело, Тотарелла! Никто тебя там не съест. Кое-каких мелких неприятностей тебе, конечно, не избежать, но все это пустяки. В моей стране артистов всегда встречали с величайшим уважением. У меня есть все основания думать, хоть с тех пор много воды утекло, что артисты по-прежнему там в почете.

С другим знаменитым певцом, басом Надзарено Де Анджелис, я пела вместе в «Севильском цирюльнике». Наибольшую славу ему принесли партии Мефистофеля и Моисея.

Моими партнерами по сцене были и бас Эцио Пинца, который, перебравшись вскоре в США, создал себе имя как артист кино и телевидения, великолепный комический актер Ди Лелио, Танкреди Пазеро, Залевский, Ригетти и, наконец, Фернандо

Аутори, превосходный певец и… карикатурист.

Более многочисленным было «воинство» моих партнерш по сцене, о которых я охотно вспоминаю по сей день.

О сопрано Розе Райза, великолепной певице с отточенной техникой, блиставшей в операх «Норма», «Франческа да Римини», «Трубадур», я уже писала. Она поистине была певицей, достигшей вершин мастерства. Уже завоевавшая к началу моей карьеры всеобщее признание, Роза Райза не раз проявляла ко мне живейшее участие и оказывала дружескую поддержку.

Поэтичной и тонкой певицей была безусловно Клаудия Муцио, у которой редкостной красоты голос счастливо сочетался с талантом актрисы. В ее исполнении больше всего меня поразила Маддалена в «Андре Шенье» и Виолетта в «Травиате».

С большим уважением я всегда относилась к Джаннине Аранджи Ломбарди, чье свежее сопрано особенно подходило к музыке Верди. Ее исполнение отличалось совершенством стиля и прекрасной школой.

О Хуаните Караччоло я уже рассказывала, описывая наше заочное соперничество в роли Лодолетты. Бесконечно талантливая певица, Хуанита Караччоло по праву заслужила свой огромный успех.

Чудесной, очень красивой Розиной в «Севильском цирюльнике» была Эльвира Де Идальго. Настоящим кумиром публики неизменно оставалась несравненная Кармен Мелис, которая не знала себе равных в операх «Девушка с Запада» и «Франческа да Римини».

Непревзойденной Минни была Джильда Далла Рицца, блистательная исполнительница главных женских партий в «Манон Леско», «Маленьком Марате», «Травиате».

Венецианкой, как и я, была Розетта Пампанини, которую Тосканини высоко ценил и не уставал восхищаться ее теплым, чарующего тембра голосом.

Незабываемый образ Эльзы создала в «Лоэнгрине» Мария Фарнетти, певица высокого класса.

Не могу обойти молчанием таких замечательных сопрано, как Эстер Маццолени, Бьянка Скаччати, Лина Скавицци, Джаннина Русс, и легких сопрано — Грациэлла Парето, Ада Сари, Лина Пальючи, Мерседес Капсир, Кассани, Тейко Кива и Тамаки Миура. Две последние прославились исполнением партии Чио-Чио-Сан. Но все же лучшей исполнительницей этой партии была Черви Кароли.

Несколько позже я расскажу о моей встрече с Розиной Сторкьо, величайшим сопрано, чья карьера уже клонилась к закату. Но прежде мне хотелось бы поведать читателям один

эпизод с Адой Сари.

Ада Сари была в полном расцвете сил, а я только-только начала выступать в «Ла Скала» и по-прежнему оставалась простой и наивной девушкой.

Я жила тогда в старой второклассной гостинице «Франция». Однажды портье вызвал меня, сказав, что со мной хочет поговорить незнакомая дама. Я мигом спустилась в вестибюль и увидела на редкость элегантную синьору, которая поспешила мне навстречу и горячо обняла меня.

— Меня зовут Ада Сари. Вчера, дорогая Тоти, я слушала вас в «Риголетто», и мне ужасно захотелось повидаться с вами. Ваш голос, стиль исполнения, вокальная школа совсем очаровали меня. Не скрою — прежде чем снова отважиться петь Джильду, я хорошенько подумаю. И поверьте, я всегда буду с волнением вспоминать о вашем безупречном исполнении.

Не могу описать, как меня взволновали ее слова!

К несчастью, мне не довелось услышать Луизу Тетраццини: она к этому времени уже навсегда покинула сцену. О ее изумительном голосе говорил весь мир, и музыкальные критики, особенно в Америке, часто сравнивали меня с этой блистательной певицей. В жизни Луиза Тетраццини была веселой, сердечной и великодушной женщиной.

Когда я пела в «Ла Скала», она прислала мне короткую записку, которую я позволю себе привести здесь полностью:

«Дорогая синьорина, мне, право же, не повезло. Я долгое время находилась в Милане, а вы были в Неаполе, затем я приехала в Рим, а вы очутились в Милане. Мне так и не удалось встретиться с вами. Мое самое большое желание — послушать ваше пение, ибо все в один голос восхищаются вашим талантом и голосом. Я наслаждаюсь, когда слушаю пение настоящего артиста, и мне не терпится увидеть вас и самой пережить то волнение, которое испытывает зритель на ваших концертах. Моя близкая подруга Роза Райза много рассказывала мне о вас, и понятное любопытство заставляет меня обратиться к вам с просьбой — не сочтите за труд сообщить, сколько еще времени продлятся ваши выступления в „Ла Скала“ и в каких операх вы поете.

Прошу извинения за мою настойчивость и желаю вам успеха.

С глубоким уважением Луиза Тетраццини».

Мне остается только добавить, что в те времена великие артисты относились к своим молодым коллегам с любовью и неподдельным интересом. Особенно если молодые певцы подавали большие надежды.

А теперь… Э… лучше не затрагивать эту деликатную тему!

Среди меццо-сопрано пальма первенства, на мой взгляд, принадлежит Габриэлле Безанцони. У нее был красивый, благородного тембра голос, а ее музыкальности и чувству сцены могла позавидовать любая певица. Меня Габриэлла Безанцони больше всего поразила в ролях Кармен и Миньон. Но совершенно потрясающее впечатление произвела она в маленькой роли Слепой в опере «Джоконда». С искренним восхищением относилась я и к Джанне Педерцини, обладавшей отличной техникой. Особенно горячие аплодисменты выпали на ее долю в операх «Кармен» и «Миньон».

Другой меццо-сопрано с превосходной вокальной школой была Кончита Супервиа, предельно убедительная Золушка и Розина.

Я постаралась вспомнить всех, с кем мне довелось выступать на сцене и поддерживать дружеские отношения.

Но я наверняка забыла упомянуть еще кого-либо. И поскольку такого рода упущения всегда неприятны, я снова прошу извинения у тех, кого не назвала, право же, не по злому умыслу.

Признаюсь, меня так и подмывает посвятить отдельную главу импрессарио и театральным агентам, ведь они играли весьма важную роль в тот славный для итальянской оперы период.

В мое время, тридцать-сорок лет назад, опера, драма и театр оперетты не получали столь щедрой помощи от государства, как сейчас. Тогда судьба театра зависела в основном от частной инициативы.

Крупные и мелкие импрессарио одинаково рисковали очень многим и часто с замиранием сердца ждали исхода своего предприятия. Иногда достаточно было случайной задержки спектакля, чтобы разорить самого ловкого импрессарио из провинции. Правда, даже в тех случаях, когда им удавалось заключить выгоднейшие контракты и сделки, умелые импрессарио и театральные агенты кляли свою злосчастную судьбу и божились, что у них нет гроша за душой.

Весь этот мир импрессарио, театральных агентов и всяких представителей был весьма живописным. В те годы они оказали оперному театру действительно неоценимую услугу, и заменить их было просто некем.

Я уже рассказывала о грозном Вальтере Мокки. И если мне, вопреки ожиданиям, удалось в самый разгар турне по Южной Америке уговорить его и он согласился изменить контракт, то это было не меньшей удачей, чем самый крупный выигрыш в лото. Но мне, очевидно, помогли безрассудство и смелость молодости.

Вальтер Мокки был настоящим диктатором и умел превратить в жалкую букашку любого, кто был связан с ним

контрактом. Но он был великодушным тираном и помог выдвинуться многим певцам — великим и малым.

Среди наиболее могущественных импрессарио и театральных агентов не могу не упомянуть Лусарди, державшего в своих руках все театральное дело в Италии и за рубежом. Высокий, худой, подтянутый, с неизменным моноклем в глазу, он был весьма авторитетным и уважаемым импрессарио и превосходно знал все достоинства и недостатки певцов, зрителей и разных театральных залов.

Во мне он сразу же угадал будущую известную певицу, и такая проницательность безусловно делает ему честь.

Я до сих пор с благодарностью вспоминаю об энергичном Ренцо Минольфи, который долгое время был моим представителем, неизменно проявляя высокую честность и корректность. Он очень поддержал меня в трудные минуты, особенно в тот год, когда я разводилась с Де Муро. Моей близкой подругой была и осталась его жена Лючия.

Среди итальянских импрессарио я хотела бы упомянуть еще Ферроне и Лидуино; из зарубежных — моего импрессарио в Австралии мистера Тейта и мистера Строка, организовавшего мои гастроли в Китае и Японии.

XXIX. Альпийские звезды

Настало время вернуться к рассказу о моем артистическом пути.

После мучительного разрыва с мужем я вся ушла в работу, находя в ней утешение от горьких мыслей и чувств, нередко приводивших меня в полнейшее смятение.

Мне удалось преодолеть душевный кризис благодаря напряженнейшей творческой деятельности и тем коротким передышкам, что позволяли мне немного набраться сил и побыть с моей дочуркой.

Должна честно сказать, что Энцо тоже пользовался любым случаем, чтобы повидаться с дочкой. Несмотря на ветреность и юношеское легкомыслие, он всегда оставался нежным отцом, и привязанность эта пустила глубокие корни в его сердце.

Оставшись в одиночестве и столкнувшись с неизбежными трудностями нашей профессии, я нелегко привыкала к «полной свободе». Это может показаться странным, но абсолютная свобода решений, выбора действий, хотя и наполняет нас гордостью, рано или поздно начинает огорчать и удручать женщину. Иной раз желание поделиться с кем-то своими сомнениями было так велико, что я открывала душу друзьям, сотоварищам и даже самим импрессарио. И неизменно слышала в ответ:

— Ты что, с ума сошла? Не говори глупостей. Ты еще слишком молода, чтобы киснуть на вилле в Барбизанелло или в Венеции. Да ты через несколько месяцев места себе не найдешь и будешь мечтать лишь об одном — поскорее бы вернуться на сцену!

Я, конечно, понимала, что друзья целиком правы. В глубине души мне больше всего хотелось еще не раз услышать ободряющие слова и всякие хвалебные отзывы. В конце концов эти уговоры столь сильно подействовали на меня, что я еще добрых пятнадцать лет не покидала оперную сцену, а затем отважилась попробовать свои силы в драматическом театре.

Прав был Мемо Бенасси! К тому времени он окончательно поселился в Венеции и жил неподалеку от моего дома, на Большом канале. Мемо не раз говорил мне:

— Знаешь, Тоти, когда столько лет дышишь пылью кулис, очень трудно, просто невозможно расстаться с театром. Воздух сцены так насыщен ядовитыми микробами, что тут никакой пенициллин не поможет.

Бенасси был натурой беспокойной. Он всегда что-то искал, к чему-то стремился. Хотя как драматический артист он достиг

завидных успехов, он через всю жизнь пронес мечту о карьере певца. Обладатель приятного, но не очень сильного тенора, Бенасси в юности пытался стать оперным певцом и буквально сходил с ума от «Искателей жемчуга», «Любовного напитка», «Манон Леско», «Вертера», где были подходящие для его голоса партии. Незабываемым событием в театральной жизни явилась осуществленная Бенасси в 1946 году постановка «Вертера» с Тальявини в заглавной роли. Эта режиссерская работа Бенасси отличалась продуманностью и была овеяна духом подлинного романтизма.

Из всех моих друзей и советчиков я особенно выделяю Мемо Бенасси еще и потому, что его своеобразные по форме указания и бескомпромиссная критика были для меня просто бесценными. А о его постановке «Вертера» я вспоминаю и по той причине, что все репетиции происходили у меня в доме. Те, кто знал Мемо, наверно, уже поняли, что он перевернул все вверх дном и в доме происходили «битвы» и «геройские схватки». Тальявини, Тассинари и остальным певцам пришлось подчиняться его беспощадной тирании. Досталось от неутомимого Мемо и художникам-декораторам.

Но вернемся назад, к моим выступлениям сразу после разрыва с Энцо Де Муро Ла Манто.

Тысяча девятьсот тридцать третий год. 28 февраля в «Ла Скала» состоялся один из самых памятных спектаклей «Риголетто» с моим участием. Дирижировал Франко Гионе, один из молодых тогдашних маэстро, выдвинувшийся за последние годы. Тосканини к этому времени уже пришлось эмигрировать. Моими партнерами были Бениамино Джильи и Бенвенуто Франчи.

Успех превзошел все ожидания. Достаточно сказать, что 5 марта кассовый сбор побил все рекорды, составив двести тридцать тысяч лир, то есть примерно нынешних двести миллионов. После спектаклей в «Ла Скала» я выступила в Королевском театре Турина, где шла «Линда де Шамуни». Кроме меня в состав труппы входили восходящая звезда тенор Манурита, уже приобретшая известность Эбе Стиньяни, баритон Строччари, бас Ригетти. И здесь нас ждал настоящий триумф. В «Линде» тоже есть сцена безумия, правда, не столь выигрышная, как в «Лючии ди Ламмермур», но, на мой взгляд, более проникновенная в своем трогательном реализме. Поэтому я репетировала эту сцену с особой тщательностью.

Через несколько недель я вернулась в «Ла Скала», где ставили «Лючию». Моим партнером был Тито Скипа. Он тоже выступил с огромным успехом, и как раз тогда он и совершил свой на

редкость благородный поступок, о котором я рассказывала в предыдущей главе. Несколько дней спустя мы перебрались в Геную и здесь, в театре «Карло Феличе», «Лючия» также завоевала сердца зрителей. На этот раз грандиозный успех я разделила с несравненным Пертиле.

Я могла бы еще долго перечислять мои успешные выступления в том памятном 1933 году, но мне не хотелось бы отягощать книгу чрезмерно подробной хронологией. Отныне я ограничусь передачей более серьезных и важных событий моей артистической жизни.

Знаменательным событием, по крайней мере для меня, был вечер памяти Барбары Маркизио в годовщину пятнадцатилетия со дня ее смерти. 31 октября 1934 года в консерватории Неаполя, где Барбара Маркизио много лет возглавляла кафедру пения, состоялся торжественный концерт, в котором я была счастлива принять участие. Приглашенная также Роза Райза не смогла выступить, так как гастролировала за рубежом.

Концерт оставил неизгладимое впечатление у каждого. Я исполнила все те арии и песни, которые когда-то разучивала под руководством моей замечательной наставницы, и в моем голосе звучало неподдельное волнение. Меня проводили бесконечными аплодисментами, но в глубине души я понимала и чувствовала, что они предназначаются ей, великой Барбаре Маркизио.

Почти весь следующий год я провела в непрерывных заграничных турне. Моим неизменным партнером был мой искренний и дорогой друг баритон Монтесанто.

В сентябре после выступления в Ассизи, у могилы святого Франциска Ассизского, я вернулась в «Ла Скала» и спела главную партию в опере «Сомнамбула». А затем концерт в парижском зале «Плейель». И хотя здешние меломаны славятся своей исключительной придирчивостью, публика приняла меня с энтузиазмом.

После Парижа — Вена. В «Штатс-театре» я успешно выступила в «Сомнамбуле» и «Севильском цирюльнике». Эти же две оперы с моим участием шли и в Будапеште. Каждый раз после спектаклей мне приходилось давать сольный концерт. Казалось, зрители никак не могли наслушаться моего пения. Такие концерты очень утомляли меня, потому что я ни разу не уходила, не спев на «бис» бесконечное число вещей. Обычно эти концерты заканчивались прямо-таки истерическими проявлениями восторга.

Я просматриваю мои дневники и нахожу записи о новых выступлениях в Будапеште, Барселоне, Париже, Лондоне, Осло, Праге, Вене, опять в Лондоне и Будапеште. И, наконец, в… Падуе,

где мой концерт состоялся в необъятном зале старинного Палаццо делла Раджоне.

Приятные воспоминания сохранились у меня о повторном выступлении в двух дунайских столицах. Наступило лето, и мне не терпелось вернуться домой, в Барбизанелло, и вновь обнять дочурку, которую я не видела уже целый месяц. Желание поскорее увидеть дочку было столь непреодолимым, что я решила отправиться из Вены в Барбизанелло на… машине. Пятнадцать часов езды, а может и больше, по нелегкой дороге. Подлинное безумие!

Напрасно Монтесанто пытался разубедить меня. Я сказала, что, если он не хочет меня сопровождать, поеду одна. В конце концов он примирился с неизбежностью, и мы тронулись в путь.

Выехали мы рано утром и, словно беззаботные туристы, наслаждались пейзажем. Но после Земмеринга дала себя знать усталость. Монтесанто, видимо, надеялся, что уж теперь-то я соглашусь остановиться на ночь в Клаген-фурте, Виллахе или, на худой конец, в Тарвизио. Но где там! Я уперлась на своем и стоически боролась с нарастающей усталостью. Миновав границу, я почувствовала, что ужасно хочу есть, но все еще не сдавалась. Однако Монтесанто просто умирал от голода и, не переставая, ворчал, получив могучую поддержку в лице шофера и нашего аккомпаниатора.

— Ну хорошо, — согласилась я. — Давайте остановимся в первом же местечке на нашем пути и перекусим. Но учтите, больше никаких остановок до самого Барбизанелло.

Первым таким пунктом оказался Понтебба. Было уже двенадцать часов ночи, и в уснувшем безлюдном городке царила полнейшая тишина.

Добравшись до центра, мы увидели маленький ресторанчик. Через неплотно закрытые ставни пробивался слабый луч света. Мы остановились, вылезли из машины и буквально ворвались в помещение. За большим столом пятеро мужчин играли в карты и грелись у очага.

К нам подошли хозяин ресторанчика и совсем молоденькая служанка. Они были слегка удивлены столь поздним визитом.

— Дайте нам что-нибудь поесть! И поскорее! — воскликнула я притворно строго.

Хозяин ресторана озадаченно воззрился на меня, почесал затылок и пробормотал:

— Но… понимаете… печь давно потухла… Уже поздно… ресторан закрыт. Мне очень жаль… но…

— Да полно вам, — возразил Монтесанто. — Мы не требуем от вас деликатесов, ну, скажем, жареных мозгов и всяких

паштетов. Тащите, что у вас есть: какую-нибудь колбасу, сыр, хлеб и вино!.. Поймите, мы зверски проголодались.

— Ну, коль так, садитесь.

Мы уселись за стол, и юная служанка спросонья, буквально валясь с ног, принесла нам вина, хлеба, большущий кусок сыра, нарезанную ломтями ветчину, показавшуюся нам необыкновенно вкусной. Хозяин принялся готовить на тлеющих углях грандиозную яичницу. Игроки отложили карты и стали разглядывать нас с живейшим интересом, обмениваясь вполголоса своими впечатлениями.

— Ну конечно… Ручаюсь, это Тоти… Точно… та самая. Тоти Даль Монте.

Наконец служанка, протягивая мне сыр, отважилась громко спросить:

— Правда, что вы — Тоти Даль Монте?

Я улыбнулась и пригласила всех за наш стол. Весьма смущенные и до неловкости церемонные понтеббцы подсели к нам. И сразу же посыпались вопросы: один слышал меня в Удине, другой — в Триесте, третий — по радио…

Когда мы разделались с яичницей, с фатальной неизбежностью наступил момент раздачи автографов. Из-за отсутствия какой-либо бумаги мы с Монтесанто поставили свои подписи на игральных картах.

За первой бутылкой вина последовала вторая, затем третья, без числа произносились тосты, но в конце концов нам все же пришлось распрощаться с этими простыми, гостеприимными людьми.

Но тут вернулся шофер и объявил, что бензина не хватит даже до Удине.

Двадцать пять лет назад бензоколонки встречались далеко не так часто, как теперь. Хозяин ресторанчика сказал, что в Понтеббе есть бензоколонка, но ее владелец наверняка спит сладким сном. А где живет этот человек, трактирщик не знал. Но нам любой ценой надо было его отыскать и привезти. Один из наших собеседников пообещал «раздобыть» драгоценного хозяина бензоколонки — ему был известен его адрес.

Мы вышли из ресторана, и я стала прогуливаться по узкой улочке, освещенной единственным фонарем. Внезапно из-за угла словно метеор выскочил юноша на велосипеде. Он резко затормозил, увидя меня, и, не успев даже отдышаться, спросил:

— Ради всех святых, скажите, где мне искать Тоти Даль Монте?

— Я и есть Тоти Даль Монте, милый юноша.

— О, синьора! Это настоящее чудо. Возьмите эти альпийские

звезды. Я их нарвал вчера специально для вас и хотел отправить в Милан. Это вам на память, а уж вы не откажите в автографе.

Я вынула из сумочки мою фотографию и, приложив ее к стене, в потемках написала несколько ласковых слов.

Тем временем появился владелец бензоколонки, и вскоре, распрощавшись с добродушными жителями Понтеббы, мы продолжали наше путешествие. Лишь к утру, полумертвые от усталости и бессонницы, мы прибыли наконец в Барбизанелло. Я тут же побежала в комнатку, где Мари спала вместе с бонной. Но у меня не хватило духу разбудить дочурку, крепко прижать ее к груди и отнести в мою постель. Я лишь поцеловала темно-каштановую головку моего сокровища, сделала бонне знак молчать и на цыпочках удалилась к себе.

XXX. Выигранное сражение. «Травиата»

Вспоминая о моих выступлениях в 1935 году, я уже упоминала Осло. Это был очень важный этап в моей артистической карьере. Именно здесь, в живописной столице Норвегии, я впервые спела партию Виолетты в «Травиате».

Этот столь человечный образ страдающей женщины — трагическая история любви, растрогавшая весь мир, — не мог оставить меня равнодушной. Излишне и говорить, что я готовилась к своему первому выступлению с особой тщательностью и огромным воодушевлением. Я старательно изучила партитуру под руководством маэстро Калузио, первого помощника Тосканини, и в музыкальном отношении чувствовала себя вполне уверенно.

Но перед отъездом в Осло я решила подвергнуть себя еще одному трудному испытанию. Мне хотелось услышать отзыв о моей игре кого-нибудь из крупных драматических актеров.

В эти дни в Милан приехал Эрмете Цаккони, этот подлинный мастер сцены. Он сразу же согласился послушать меня и пришел ко мне на виа Куадронно.

Пропустив более легкое и требующее лишь известной сценической техники первое действие, мы начали со второго, где Виолетта почти мгновенно переходит от высшего драматизма к полной растерянности и ужасу.

Я пела, полагаясь на свою интуицию, и в каждой фразе стремилась передать разнообразные чувства героини. Когда я кончила, Цаккони, пристально следивший за каждым моим жестом, сказал лишь:

— Давайте перейдем прямо к четвертому действию.

Но вот я умолкла. Цаккони поднялся и подошел ко мне.

— Дорогая Тоти, — взволнованно сказал он. — Мне нечему вас учить. Одно могу сказать: если мне доведется еще раз ставить «Даму с камелиями», я счастлив был бы найти на роль Маргариты такую же проникновенную и тонкую актрису, как вы. Единственный совет — в минуту смерти Виолетту нельзя оставлять одну. Тенор и баритон должны подбежать к вам, поддержать вас и бережно уложить на кровать или диван. Уверен, что зрители по достоинству оценят вашу игру и голос.

Премьера «Травиаты» в Осло состоялась 13 июня, как раз в день моих именин. Успех был исключительный. Я убедилась, что скандинавы, несмотря на кажущуюся холодность, обладают

чувствительной душой и горячо любят подлинное искусство. Моим партнером в роли Жермона был Монтесанто.

Мы случайно встретились с ним за несколько месяцев до этого. Нас обоих пригласил в Неаполь выступить в концерте в артистическом клубе барон Прочида, тогда критик «Маттино».

Нежданная встреча глубоко взволновала нас. Да это и понятно. Моральное состояние у меня было тяжелое, вокруг — чужие люди, гнетущее чувство одиночества. Но теперь во мне пробудилась надежда, и сразу стало как-то легче на душе. Монтесанто, зная о печальном эпилоге моего замужества, был внимательным, чутким и преданным другом. Он очень помог мне в дальнейшей работе над ролью Виолетты. Ведь он пел в «Травиате» под руководством Тосканини и многое мог мне подсказать. И в этот раз нашу тесную дружбу скрепила любовь к искусству.

Эхо моего блистательного дебюта докатилось и до Италии, и вскоре итальянскому радио удалось передать из Осло запись третьего представления «Травиаты». Дирижером был Добровейн, редкий знаток театра и вдохновенный музыкант. Испытание действительно оказалось весьма трудным, да к тому же внешне я выглядела на сцене не очень эффектно из-за маленького роста. Но я работала не щадя сил и добилась успеха.

Образ Виолетты захватил меня, но одновременно вызывал чувство, близкое к страху. Меня пугали не вокальные трудности первого действия, а сложный драматический рисунок роли, требующий большого актерского мастерства. Заботили меня и костюмы, которые должны были «помочь» моему небольшому росту.

В конце концов я всецело доверилась вкусу известного венского костюмера Кцеттеля. После бесконечных примерок и экспериментов Кцеттель создал весьма пышные, в духе той эпохи, костюмы, делавшие меня выше и тоньше.

С 1935 года партия Виолетты заняла одно из главных мест в моем репертуаре, и мне пришлось выдержать далеко не легкий поединок с очень серьезными «соперницами».

Наиболее известными Виолеттами тех лет были Клаудия Муцио, Мария Канилья, Джильда Далла Рицца и Лукреция Бори. Не мне, конечно, судить о своем исполнении и делать сравнения. Но я могу смело утверждать, что «Травиата» принесла мне не меньший успех, чем «Лючия», «Риголетто», «Севильский цирюльник», «Сомнамбула», «Лодолетта» и др.

Норвежский триумф повторился на итальянской премьере этой оперы Верди. Она состоялась 9 января 1936 года в неаполитанском театре «Сан Карло». Дирижировал маэстро

Капуана. Неделей раньше в том же самом театре, не знаю уж, в который раз, я с успехом выступила в «Севильском цирюльнике». Блестяще прошел и мой концерт в королевском дворце, организованный принцессой Марией Хозе.

Словом, похвалы и знаки внимания сыпались на меня со всех сторон. И все же я с трепетом ждала «спуска корабля на воду», ведь музыкальный неаполитанский зритель традиционно славился своей требовательностью. Правда, неаполитанские любители музыки всегда встречали меня восторженно, но, когда в зале погасли огни и раздвинулся занавес, я на миг растерялась. Инстинктивно я чувствовала, что публика готова наградить меня горячими аплодисментами, но только по заслугам. Иначе говоря, уж ты сначала покажи все, на что способна, а судить мы будем потом.

В театре присутствовали пьемонтский принц, графиня д'Аоста и критик Паннейн, самая настоящая заноза в сердце многих музыкантов и певцов. Но все прошло как нельзя лучше. После бурных аплодисментов по окончании первого действия восторг публики все нарастал. А когда во втором и третьем действиях я сумела передать, как мне кажется, весь пафос чувств Виолетты, ее безграничное самопожертвование в любви, глубочайшее разочарование после несправедливого оскорбления и неотвратимый уход из жизни, восхищение и энтузиазм зрителей были беспредельны и растрогали меня.

На следующий день критика единодушно рассыпалась в похвалах по моему адресу.

Сам грозный Паннейн писал, что мое исполнение партии Виолетты надо немедля записать на пластинки и демонстрировать в консерватории на показательных уроках вокала.

Два дня спустя я вместе с Монтесанто и Бурк была приглашена на торжественное открытие неаполитанского клуба печати. Само собой разумеется, мне пришлось выступить, и, все еще наэлектризованная успехом в «Травиате», я не скупилась петь на «бис».

После спектаклей в Неаполе мне снова довелось петь в «Травиате» лишь поздней весной в венецианском театре «Фениче». Всего три спектакля, но каких! Мои добрые венецианцы не отставали от неаполитанцев в проявлениях бешеного восторга. Третье же представление «Травиаты» вылилось в настоящий бенефис Тоти Даль Монте.

Еще раз я выступала в «Травиате» уже осенью в городе Мерано, а на следующий год — в Генуе.

И, наконец, памятное турне по Прибалтике и Польше. В Риге,

Каунасе и Варшаве я пела в «Травиате» и «Риголетто» и, разумеется, дала ряд концертов.

Моим верным партнером в этом турне был Монтесанто — великолепный, убедительный Жермон. Он не слишком одобрительно относился к моему решению попробовать свои силы в «Травиате» и предупреждал меня, что это очень рискованный шаг. Но я упорно, с твердой верой в себя разучивала трудную партию Виолетты. Монтесанто восхищался моей игрой и, испытывая ко мне глубокое чувство, именно поэтому опасался неудачи, вернее, среднего успеха, успеха, вызванного не артистическим мастерством, а лишь моей популярностью.

Хотя я по натуре своей не отличаюсь самомнением и нетерпимостью, критическое отношение моего друга Монтесанто еще больше дало мне почувствовать счастье победы. Впоследствии мой дорогой друг без устали побуждал меня не успокаиваться и беспрестанно добиваться тончайших нюансов исполнения.

В последующие годы, вплоть до самой смертоносной войны и даже во время ее, мой возрастающий успех в «Травиате» позволял импрессарио снова и снова организовывать турне с моим участием. Билеты на все спектакли обычно бывали проданы заранее, и мне приходилось петь и больной, и усталой, а порой даже под угрозой воздушного налета.

Я могла бы привести здесь бесчисленное множество любопытных, печальных и забавных эпизодов. Но ограничусь лишь наиболее примечательными.

Зимой 1943 года, простудившись в Венеции, после одного из спектаклей «Сомнамбулы» я заболела бронхитом. Болезнь затянулась, и я никак не могла от нее отделаться. В конце концов, желая как следует полечиться, я решила отдохнуть на прекрасной вилле графов Перего в Мерате, куда перебралась в начале войны из Милана.

Вместе со мной на вилле поселились моя золовка Рина и, конечно, Мари. Мой брат Пьеро совершал беспрестанные переезды из Мерате в Милан и обратно.

Прибыв на виллу, я сразу же улеглась в одну из огромных роскошных кроватей весьма древнего происхождения. Чтобы забраться на это пышное ложе, пришлось подставить табуретку. В комнате было страшно холодно: чудесная вилла, увы, плохо отапливалась. Глядя на поникшие от снега ветви деревьев, я еще сильнее ежилась от холода.

Потекли бесконечно унылые дни. Я лежала, погребенная под ворохом одеял, с компрессом на груди. Близкие любовно ухаживали за мной, но я нервничала, злилась и приходила в

раздражение из-за любого пустяка. После нескольких дней лечения я почти оглохла от всевозможных сульфамидных препаратов и совсем пала духом.

И вот однажды является импрессарио Кастельмонте. Он сразу понял, что петь я пока не в состоянии, но все же завел дипломатический разговор и для начала прибегнул к небольшой уловке. Желая возбудить во мне гордость, он сказал, что в Брешии на мой концерт все билеты были раскуплены в мгновение ока. Когда же публика узнала, что я заболела, никто не пожелал взять деньги обратно. Все в один голос сказали, что будут ждать моего выздоровления.

После этого хитроумного вступления Кастельмонте перешел к сути дела. Он не потерял надежды, что я соглашусь выступить в Брешии.

Обычно я в таких случаях легко поддаюсь на уговоры. И на этот раз дала обещание ровно через неделю петь в Брешии. Короче говоря, хоть я и не вполне окрепла, но решила отправиться в Брешию на три дня раньше срока.

Легко сказать, отправиться. В те времена самое короткое путешествие было подвигом. До станции я в сильный снегопад кое-как добралась на повозке.

В поезде яблоку негде было упасть. Наконец меня через окно буквально втиснули в один из вагонов. К счастью, кто-то из пассажиров узнал меня и уступил свое место.

Всю дорогу я отчаянно чихала и приехала в Брешию еле живая. Хозяева гостиницы, где мне забронировали номер, увидев меня, не могли скрыть свое изумление и даже выражали сострадание. Преклоняясь перед моим талантом и желая угодить мне, они постарались как можно лучше протопить номер. Затем накормили меня сытным завтраком, заставили выпить хорошую порцию отменного вина — словом все пустили в ход для борьбы с проклятым гриппом, который все еще продолжал меня изводить.

Вместе со мной приехала сестра Лена. Я попросила ее съездить в театр приготовить артистическую уборную и костюм Виолетты.

Виолетта. «Травиата» Дж. Верди

Чио-Чио-Сан. «Чио-Чио-Сан» Дж. Пуччини

Оставшись одна, я попробовала спеть несколько вокализов.

Голос звучал довольно чисто, и это немного приободрило меня.

Вернулась сестра и, послушав меня, сказала, что я в отличной форме, а мой голос слышен даже на площади. Она совершенно уверена в блистательном исходе спектакля. Это удивительно легкомысленное отношение так взорвало меня, что я обрушилась на Лену с градом упреков. Но приближался час спектакля, и надо было отправляться в театр. Загримировавшись и надев костюм Виолетты, я вызвала Кастельмонте и попросила его объявить зрителям о моем недомогании.

— Ну что вы, дорогая Тоти, мы же вас отлично знаем… Зачем пугать зрителя… всем известны ваша техника и мастерство, — ответил мне Кастельмонте.

Я настаивала, но оркестр уже заиграл вступление. Можете себе представить, с каким чувством я вышла на сцену. Дуэт с тенором прошел сносно, но ведь в «Травиате» публика обычно судит о певце по каватине и анданте. Лишь они позволяют в полной мере оценить, какое у певицы дыхание, фразировка, насколько гибок и выразителен ее голос.

Помню, в тот момент я буквально собрала в кулак всю волю и с невероятным напряжением пела ноту за нотой, ни на миг не теряя, однако, самообладания. Первую часть анданте я исполняла сидя, а затем подошла к рампе. Когда настал момент каденции, которую я обычно пела очень уверенно, заканчивая ее долгим и крепким «до», господь сжалился надо мной, и на этот раз мне удалось с блеском взять трудную ноту.

Совершенно обессилев от напряжения, я обернулась и увидела сидящих за кулисами Кастельмонте, его жену и мою сестру. Они отчаянно жестикулировали и посылали мне воздушные поцелуи, словно желая сказать: вот видишь! А ты еще не хотела петь! Эта эгоистичная троица не понимала, чего мне стоили эти минуты. Я еле держалась на ногах и боялась, что вот-вот упаду в обморок прямо на сцене.

В таком плачевном состоянии я вернулась в артистическую уборную.

Ценой нечеловеческих усилий я добралась до последнего действия. Но самые тяжкие испытания ждали меня впереди.

Четвертое действие. Я лежу на постели, портниха поправляет мне прическу, а заодно и простыню. И тут я обнаружила, что забыла спрятать под подушку носовой платок. Без носового платка мне явно не обойтись. Чувствую, нос заложило так, что невозможно дышать. Все же я кое-как спела дуэт с доктором. Потом встала с постели, села за туалетный столик и начала петь речитатив «Прощай, о прошлое». Нос словно пробкой закупорило. Я с ужасом думала о долгой ноте в конце речитатива. Что делать?

Как быть? Решение пришло в последнюю секунду. Обычно я проводила всю эту сцену, полулежа в кресле. А тут я опустилась на колени, разразилась горькими рыданиями и, низко склонив голову, взяла резкую финальную ноту. Зрители ничего не заметили. Но я-то понимала, что долго мне не продержаться. Если не высморкаюсь, будет катастрофа.

Выручил меня карнавал. Спотыкаясь о кресла, я подошла к окну, завешенному двумя прелестными шторками. Недолго думая, левой рукой я облокотилась о подоконник, а правой схватила шторку и энергично высморкалась в нее, не обращая внимания на служанку, которая дважды испуганно повторила, что пришел Альфред.

Прочистив наконец бедный нос, я повернулась к тенору и запела: «О Альфред! Любимый мой! О счастье!..» И тут я заметила, что тенор смотрит на меня с ужасом. Он еле слышно пробормотал:

— Что случилось? У тебя все лицо черное!

Ох уж эти шторки! Насквозь пропитанные пылью, они оставили на моем лице заметные черные полосы. Но стоило ли отчаиваться из-за такого пустяка? Ведь самая страшная опасность уже миновала. Со всей нежностью и чувством я пела дуэт с Альфредом «Покинем край, где так страдали», причем старательно терлась лицом о плечо тенора, вконец испачкав ему великолепный фрак.

Положение было спасено, сцена закончилась с блеском, публика устроила громовую овацию, а комический эпизод лишь поднял мое настроение.

В бурные годы войны мне довелось петь «Травиату» и в Удине.

Город жил под страхом воздушных налетов, но огромный зал театра «Пуччини» был полон, и спектакль прошел с большим успехом. Выйдя из театра, мы с Монтесанто поспешили в гостиницу «Италия», владелец которой, остроумный и веселый Бенедетто, приготовил в нашу честь замечательный ужин.

— Если дадут сигнал воздушной тревоги, — предупредил он, — сразу же бегите в городское бомбоубежище. Оно находится рядом, на другой стороне площади.

Лучше бы он этого не говорил! Не успели мы поужинать, как завыла сирена. Мы выбежали из гостиницы и в два счета очутились в огромном бомбоубежище, где стояло множество скамей и стульев.

В то самое время, как я поручила душу богу, с ужасом прислушиваясь к громовым взрывам, сидевшая рядом пожилая синьора шепотом сказала:

— Вы Тоти Даль Монте?

Получив утвердительный ответ, она протянула мне листок бумаги, карандаш и попросила:

— Не откажите в любезности подарить ваш автограф.

В первую минуту я хотела ей ответить, что момент для раздачи автографов совершенно неподходящий, но сдержалась и покорно исполнила просьбу синьоры. На мое горе, остальные заметили маневр моей соседки, и вскоре пришлось раздавать автографы налево и направо. Любители подобных «сувениров» примчались даже из боковых коридоров, и сразу в бомбоубежище поднялась суета. Шум и беспорядок крайне возмутили сторожа убежища, в обычное время курьера местного муниципалитета, о чем свидетельствовал его форменный берет. Блюститель порядка, принимавший очень близко к сердцу свои новые обязанности, не разобравшись, в чем дело, стал ворчать на все лады, что надо покончить с подобным безобразием и пора уже итальянцам перестать паясничать. Многих это так разозлило, что они с грубой бранью набросились на ревностного служаку. От слов спорщики быстро перешли к рукоприкладству, и ссора не обошлась без потасовки.

К счастью, раздался сигнал отбоя, и «битва» тут же прекратилась.

В Генуе исполнение «Травиаты» тоже не раз прерывалось сигналом воздушной тревоги. Столь памятный мне театр «Карло Феличе» был превращен бомбежками в груду развалин, и теперь все спектакли шли в «Аугустусе». А так как воздушные налеты происходили почти всегда вечером, начало спектаклей было перенесено на пять часов дня.

Премьера прошла великолепно, несмотря на все трудности, вызванные войной. После спектакля я вместе с сестрой Леной вышла из театра и направилась к конечной остановке трамвая, курсировавшего от площади Феррари до станции Порто Принчипе. Мы жили в гостинице «Колумбия». О том, чтобы найти такси, в те дни нечего было и мечтать. С трудом нам удалось втиснуться в трамвай, и нас сразу же сдавили так, что нельзя было рукой пошевельнуть. Но и в этой невероятной давке ко мне умудрились пробиться неизменные… охотники за автографами.

Наконец я сошла с трамвая, но спастись от «искателей» автографов не было никакой возможности. Буквально осажденная моими недавними попутчиками, я укрылась в холле гостиницы, но и здесь, к великому изумлению портье и швейцара, они не оставляли меня в покое. Последним ко мне подошел элегантно одетый господин и сказал:

— Синьора, я ехал в одном с вами вагоне и просто

восхищаюсь вашим терпением и выдержкой. Совершенно недопустимо, что такая актриса, как вы, выступавшая в спектакле, не щадя своих сил, должна не только трястись в битком набитом трамвае, но и выдерживать осаду этих бесноватых фанатиков. С завтрашнего вечера вас будет ждать у дверей театра мой автомобиль.

К сожалению, я забыла фамилию моего спасителя. Все время, пока я гастролировала в Генуе, меня ждала у театра комфортабельная машина.

* * *

Однажды в антракте оперы «Чио-Чио-Сан» ко мне в артистическую уборную постучал неумолимый Кастельмонте. И хотя в римском оперном театре еще не кончились мои гастроли, настойчивый импрессарио уговорил меня выступить вне программы в падуанском театре «Верди». У меня было несколько свободных дней, и мне не хотелось огорчать отказом моего честного импрессарио, скрупулезно соблюдавшего все условия контрактов. Происходило это зимой, и я выехала из Рима ночным экспрессом в удобном спальном купе. Но в купе было, видимо, слишком жарко, и, прибыв в Падую, я обнаружила, что голос у меня не звучит. Добравшись до гостиницы, я заперлась в номере и легла отдохнуть, надеясь к утру быть в полной «боевой готовности».

Все билеты были проданы заранее, и публика с огромным нетерпением ждала начала спектакля.

Ночь я провела скверно, долго не могла уснуть. Утром попыталась спеть вокализы — полнейшая неудача! Я окончательно потеряла голос. Тогда я вызвала Кастельмонте и сказала ему о случившемся. Бедняга очень расстроился: отмена спектакля ставила его в затруднительное положение, и я от души его жалела. Но, увы, ничего не поделаешь, и я посоветовала моему импрессарио заменить меня другой певицей, сопрано Марией Джентиле, женой дирижера Ротондо, которая в это время была свободна. А так как Джентиле отличалась невысоким ростом, я изъявила готовность одолжить ей мои театральные костюмы.

У бедняги Кастельмонте не было иного выхода, и он скрепя сердце последовал моему совету. Мария Джентиле охотно согласилась меня заменить. Администрация позаботилась немедленно напечатать объявления о моем вынужденном отказе от выступления и о том, что недовольным заменой театр

возвратит деньги за билеты.

Однако на этом мои беды не кончились. Полиция заподозрила, что тут кроется какая-то афера, и не поверила объяснениям моего импрессарио. Более того, ревнивые блюстители закона предположили, что я вообще не приезжала в Падую, несмотря на уверения администрации гостиницы, что я значусь в их списках.

И вот в мой номер ворвались двое полицейских. Когда эти синьоры убедились, что я лежу с припарками на груди и почти совсем оглохла, они стали извиняться и позволили Кастельмонте произвести замену. Так в последний момент вконец отчаявшемуся импрессарио кое-как удалось избежать полной катастрофы. Я могла бы рассказать и о других постановках «Травиаты» периода войны, но это увело бы меня слишком далеко.

Хочу привести лишь одну любопытную подробность: почти каждый раз спектакль прерывался сигналом воздушной тревоги в тот самый момент, когда я начинала петь: «Возьми ее, это я в те прежние дни…» Казалось, что слова эти как бы предвещают налет. Стоило мне подойти к этой арии, как меня охватывала дрожь в тоскливом предчувствии воя сирены. Нередко мне приходилось прерывать арию на полуслове и со всех ног мчаться в ближайшее бомбоубежище.

XXXI. Моя любимая Чио-Чио-Сан

Я уже рассказывала о моем удачном дебюте в опере «Чио-Чио-Сан». Но это было в далеком 1918 году в миланском «Театро-лирико». Тогда я тщательно разобрала партитуру вместе с Тито Рикорди, который был уверен, что мне подходят партии как легкого, так и лирического сопрано.

Другие крупные режиссеры и авторитетные критики советовали мне ограничиться репертуаром легкого сопрано и не перетруждать голос. И хотя я следовала их совету, мне все годы хотелось вторгнуться в запретные для меня владения оперной музыки. Конечно, своей славой я обязана прежде всего тому, что оставалась всегда верна репертуару легкого сопрано. Но мне надоело петь одни и те же вещи. Каждый день я должна была упражняться, следить за малейшим изменением в голосе, дабы сохранить певучесть, высокую технику и крепкое дыхание, позволяющее легко брать высокие ноты. Увы, легкое сопрано должно подчиняться железной дисциплине. Так же как балерине полагается ежедневно заниматься у станка, так и горло нуждается в постоянной специальной тренировке. А я жаждала перемены. Меня неудержимо тянуло отпустить вожжи и пустить вскачь душу! И вот в грозные предвоенные годы я задумала вернуться к моей любимой Чио-Чио-Сан.

Впрочем, я думала об этом уже во время турне по Японии. Там я познакомилась с одним знаменитым костюмером. Он снял с меня мерку, мы вместе выбрали нужные цвета, и любезный японец пообещал скопировать для меня знаменитые кимоно Кабуки, причем уверял, что пришлет их при первом моем требовании. И я еще больше укрепилась в своем желании спеть партию Чио-Чио-Сан.

Мечта сбылась в начале 1939 года.

И на этот раз мой дебют состоялся за границей, в Швейцарии. Мне представилась возможность выступить в театре города Берна, куда вскоре прибыли два ящика костюмов, заказанных мною у прославленного токийского костюмера. Все из шелка с чудесной вышивкой, ну просто загляденье!

Но я совершенно растерялась, глядя на все эти кимоно, халаты, ленты, повязки, сандалии, парики, шпильки, зонтики, веера — непременную принадлежность весьма сложного японского наряда. Хотя я крайне внимательно рассматривала одежду японских актрис в театре кабуки и ноо, получив все это богатство, я просто не знала, как к нему подступиться. К каждому предмету одежды была прикреплена объяснительная записка, но,

увы, на японском языке.

Не растерявшись, я позвонила в японское посольство в Берне и попросила выручить меня. Посольство немедленно прислало весьма милую даму, которая перевела эти таинственные надписи и даже вызвалась помочь мне одеться перед спектаклем. Словом, мне опять повезло.

Без помощи любезной японки я вряд ли разобралась бы в тонкостях красочных восточных нарядов, и пришлось бы выписать из Милана костюмы, обычные для наших постановок «Чио-Чио-Сан». Успех спектакля был огромным, и я безмерно радовалась, что наконец-то могу отдаться со всем пылом новой роли.

Нежное и наивное создание, Чио-Чио-Сан после первого действия предстает перед зрителем тоскующей, верной своей мечте женщиной. Но вот наступает прозрение и гибнут последние иллюзии. В конце оперы это гордая, потерявшая всякую надежду на счастье мать.

Похвалу критиков заслужило не только мое исполнение, но и костюмы.

Чтобы читатель получил хоть некоторое представление о том, с какой тщательностью я работала над ролью Чио-Чио-Сан, хочу рассказать об утомительнейших упражнениях, которые я проделывала, прежде чем научилась свободно и без всякого напряжения двигаться по сцене.

Я еще раньше пристально наблюдала за легкой, чуть шаркающей походкой молодых японок, за их церемонными поклонами и жестами. Я поставила себе целью в точности скопировать их и много дней подряд «отрабатывала» поклоны, мелкие шаги, умение красиво держать веер, пока не добилась полной непринужденности и естественности. В то время довольно много известных певиц с успехом исполняли роль Чио-Чио-Сан. Лучшими из них следует признать Джильду Далла Рицца, Розетту Пампанини, Ирис Адами Корадетти и Тамаки Миура. Но подобная конкуренция не помешала моему успеху.

Больше того, я просто физически не могла принять предложения заключить выгодные контракты, которые сыпались на меня со всех сторон.

Да, в нашем мире найдется место для всех, и каждый может получить свою долю славы!

Из певиц, которые исполняли партию Чио-Чио-Сан, я позаимствовала многое у одной лишь Черви Кароли. Она была великолепной, просто гениальной актрисой и обладала отличной дикцией. Еще раньше, когда я выступала только в партиях для легкого сопрано, мне не раз случалось восхищаться ее проникающим прямо в душу голосом.

После удачного дебюта в Берне я повезла Чио-Чио-Сан в турне по городам Италии. «Пробным камнем» была Новара. Театр «Кочча» имел славные традиции, и заполнявшие его зрители отлично разбирались в музыке. Спектакль вылился для меня в подлинный триумф. Приехали дирижеры, импрессарио и критики из Милана, и по окончании оперы мне была вручена золотая пластинка на память о моем итальянском дебюте в опере «Чио-Чио-Сан».

Столь же успешны были выступления в Неаполе, Генуе, Венеции, Милане. Я безмерно радовалась, что удачно «отправила в плавание» две лирические оперы: «Травиату» и «Чио-Чио-Сан», и решила добавить к ним еще парочку. Мой выбор пал на «Богему» Пуччини и «Манон» Массне.

Разучивая партию Манон, я отправилась за советом к Розине Сторкьо, в ее уютную, приветливую миланскую квартиру. Знаменитая певица встретила меня очень радушно и горячо поздравила с успехом в «Чио-Чио-Сан».

— Я уверена, — сказала она, — что и Манон станет одной из твоих любимых ролей. Опера эта труднее, чем кажется на первый взгляд, но ты сможешь передать все разнообразные душевные переживания и сложный характер героини. Учти, что «Манон» — это живой документ определенной эпохи и в образе героини воплощен особый тип французской женщины. Несмотря на легкомыслие, жажду богатства и развлечений, несмотря на все свои измены, Манон в глубине души хранит детскую невинность. Умоляю тебя, Тоти, не пользуйся стандартным и ошибочным клише, которым и так весьма злоупотребляют наши сопрано. Не изображай Манон неисправимо порочной и сладострастной. Старайся в своем исполнении следовать французским певицам, которые создают сложный психологический образ. Когда Манон идет в церковь на свидание с Де Грие, она не собирается обманывать его с помощью обычных уловок падшей женщины. В ее голосе звучит любовь… любовь, вспыхнувшая внезапно и согретая огнем воспоминаний. Она, правда, поет о «прикоснувшейся руке», о «жаждущих устах», но ее слова проникнуты истинным чувством. Не забывай, что Манон была еще очень юной, а отнюдь не ловкой, умудренной долгим опытом падшей женщиной. Кавалер Де Грие тоже ведь еще совсем мальчик, влюбленный и отчаявшийся, потеряв Манон. Я всегда видела в несчастной любви двух юных героев оперы отблеск невинности и простодушия. Возлюбленные гибнут под тяжестью событий, которые сильнее их: из-за жестокости тирании, социальных предрассудков и корыстных интересов окружающих их людей…

Эти слова Розины Сторкьо глубоко запали мне в сердце, тем более что я представляла себе образ Манон примерно таким же, как прославленная артистка.

Впервые я спела Манон в Пизе, уже во время войны, и моя тщательная и увлеченная работа над новой ролью была вознаграждена горячими аплодисментами зрителей.

Но волею судьбы мне не посчастливилось долго исполнять эту интересную роль. Увы, я была… обречена петь только в «Травиате» и «Чио-Чио-Сан». Этого требовали от меня импрессарио и публика. И все же мне удалось не без успеха спеть партию Манон в Санремо, Вероне и в других городах Италии.

Дольше удержалась в моем репертуаре «Богема». К роли Мими я тоже тщательно готовилась, она покорила меня своим лиризмом. Сколько раз мне приходилось петь на «бис» знаменитый романс из первого действия и финал третьего. Крещение моей «Богемы» состоялось в неаполитанском «Сан Карло», с которым у меня связано великое множество самых волнующих воспоминаний.

И в этот раз благородный неаполитанский зритель принял меня восторженно и от всей души сказал мне «да».

Затем я спела партию Мими в Фодже, Падуе, Вероне и во многих других городах.

Но вернемся к моим выступлениям в роли Чио-Чио-Сан в годы войны.

Сколько спектаклей прерывалось из-за воздушных налетов! Прерывалось «в нужный момент» потому, что кассовый сбор оставался в руках театра (а значит, певцы, оркестранты и хористы получали свои деньги) лишь в том случае, если сигнал тревоги раздавался уже после начала второго действия. Нередко по «счастливому» стечению обстоятельств вой сирен совпадал с минутой, когда я исполняла на «бис» арию Чио-Чио-Сан. Стоило мне начать, и в этот же миг, почти синхронно, раздавалось пронзительное «у-у-у-у» сирен. Молниеносно опускался занавес, и все бросались к выходу. Нечего и говорить, что частенько мне приходилось спускаться в убежище в костюме Чио-Чио-Сан. Особенно мне запомнился случай, который произошел со мной в городке Аккуи.

Возможность провести несколько дней в красивом и тихом курортном городке очень улыбалась мне, о воздушных налетах на Аккуи до сих пор не слышно было. В городке всегда лечилось много больных, и власти не очень строго соблюдали продовольственные ограничения. Поэтому я охотно приняла предложение импрессарио и дирижера оркестра Делилле выступить там.

Неразлучные с моей сестрой Леной, мы прибыли в городок на день раньше и удобно устроились в роскошном номере, где — подумать только! — была ванна. Я решила побаловать себя и Лену вкусным «довоенным» обедом и чашкой настоящего черного кофе. Словом, я чудесно отдохнула перед спектаклем.

Поздно вечером должны были приехать остальные артисты, оркестранты и хористы. Костюмы и декорации уже прибыли.

Не успели мы с сестрой воздать должное отличному ужину, как раздался сигнал тревоги, а немного спустя близкий грохот яростной бомбежки. Мы тут же помчались в убежище. Там нас успокоили — Аккуи не угрожает ни малейшая опасность, все «прелести» бомбежки испытывает на себе соседняя Александрия с ее крупным железнодорожным узлом.

На следующий день ко мне в панике прибежал маэстро Делилльe и сообщил, что поезд, в котором ехали актеры, сошел с рельсов и пассажиры рассеялись по окрестностям, чтобы укрыться от бомбежки. В итоге в Аккуи прибыли полуоглохший тенор, баритон и несколько оркестрантов. Что делать?

Я, разумеется, посоветовала импрессарио отменить спектакль. Но Делилльe не захотел отступать перед роковым невезением. Билеты были проданы все до одного, и, чтобы не потерять весь сбор, смелый импрессарио решил поставить «Чио-Чио-Сан», полагаясь на волю судьбы. Главным камнем преткновения была партия Сузуки. Надо было срочно отыскать меццо-сопрано, способную более или менее прилично спеть эту важную партию.

— Ну, если все дело в этом, — воскликнула Лена, — то я могу спеть Сузуки. Я уже исполняла эту роль, и как будто удачно.

Лицо Делилльe расплылось в довольной улыбке, а я похолодела от ужаса. Я попробовала было возразить, но сестра уже окончательно осмелела и уверенно повторяла:

— Клянусь тебе, Тоти, я уже пела Сузуки, и совсем неплохо. Не волнуйся, все пройдет «на ура».

Я робко пролепетала:

— Дорогая, я верю тебе, но ведь… нет нужных костюмов.

Но Лена тут же отпарировала:

— Пустяки. Подумаешь, надену твой японский халат, Тоти!

Делилльe был в восторге от идеи моей сестры, и мне пришлось сдаться, хотя я прекрасно знала, что Лена никогда не пела Сузуки. Особенно меня пугала сцена с цветами во втором действии.

Вечером опера «Чио-Чио-Сан» «ускоренного выпуска» приняла боевое крещение. С самого начала у меня было такое впечатление, что мы ходим на ходулях и без толку суетимся.

Бедняга режиссер прилагал поистине героические усилия, чтобы удержать спектакль, готовый вот-вот рухнуть. Я всячески старалась помочь ему в этой нелегкой задаче. Пришлось подойти к самому краю авансцены и петь у рампы. Таким образом мне удалось как-то сгладить расхождение певцов с оркестром. Совсем осипший тенор прошептал мне, что «до» в финале первого действия ему не взять. Тогда я решила спеть и за него и за себя, взяла такое долгое и крепкое «до», что зрители устроили мне овацию. Первое действие закончилось без особых инцидентов. Но, должна признаться, я молила бога, чтобы завыли сирены. В моем безумном страхе я даже забыла, сколько бед может причинить бомбежка мирным жителям. Когда один из партнеров осип, а другой ни разу до этого не пел своей партии, спектаклю грозит верный провал!

Началось второе действие. Первый дуэт с Сузуки прошел неплохо, но я, не переставая, молила господа ниспослать нам воздушную тревогу. Едва я спела монолог Чио-Чио-Сан, зрители принялись громко скандировать: «То-ти, То-ти!» Пришлось повторить романс на «бис». Пою первую фразу, и вдруг раздается долгожданный для меня сигнал тревоги. Мы опрометью бросились в бомбоубежище, и сестре, к великому ее огорчению, так и не довелось исполнить партию Сузуки.

Милая Лена! В это тяжкое и грозное время она не расставалась со мной в моих бесконечных переездах и скитаниях. Воздушные тревоги и бомбежки были не единственными врагами Чио-Чио-Сан. Я могла бы написать целую главу о тех заботах и неприятностях, которые причинили мне маленькие исполнители роли сынишки Чио-Чио-Сан.

Из-за любви к подлинному реализму я хотела видеть в этой роли настоящего малыша. Ведь в тексте прямо сказано, что прошли три года со дня расставания Чио-Чио-Сан с Пинкертоном. Между тем мне нередко приходилось довольствоваться шестилетними исполнителями (в большинстве своем девочками), да вдобавок рослыми и хорошо развившимися. На премьере в Берне я сама выбрала трехлетнего мальчугана, сына итальянского эмигранта. На репетициях малыш вел себя очень спокойно и был само послушание. Я завоевала его симпатию ласками и… конфетами. Но вечером, перед самым спектаклем, малыш вдруг испугался и расплакался. Все же второе действие прошло без происшествий. Но в третьем действии то ли усталость, то ли нервная обстановка сцены так подействовала на мальчугана, что он совсем раскис.

Когда я, прижимая его к груди, запела: «Ты мой маленький божок», он начал хныкать. Я не отчаялась, одела малыша, пустила

его играть, а сама стала готовиться к самоубийству. Но тут малыш отчаянно разревелся, и я, пытаясь его успокоить, прошептала:

— Не плачь, не плачь, милый, потом мы с тобой поиграем.

Но мальчуган заревел еще громче и как закричит чуть ли не на весь зал:

— А когда играть будем?

Вовек не забуду того, что произошло в Савоне. В роли сына Чио-Чио-Сан выступала красивая девочка, которая для своих шести лет была, однако, довольно толстенькой и высокой. Увидев ее за несколько часов до начала спектакля, я опротестовала эту «великовозрастную» исполнительницу, пригрозила отменить выступление, если не будет найдена замена. И тут швейцар гостиницы, в которой я остановилась, подвел ко мне своего трехлетнего сынишку. Получив от отца клятвенные заверения, что мальчик на редкость тихий и послушный, я согласилась. Лучше бы я этого не делала!

Вечером, увидев загримированных актеров, мальчишка так испугался, что его никакими силами невозможно было успокоить. Тут же привели второго малыша, затем третьего, четвертого…

К началу спектакля вся артистическая уборная превратилась в один из кругов ада, где орали и визжали маленькие дьяволята. Заразившись один от другого страхом, ребятишки ревели во все горло.

Ну что ж, пришлось сдаться и «поклониться» отвергнутой шестилетней девочке, которая уже мирно спала дома, в своей постели. Ее безжалостно разбудили и, сонную, привезли в театр. Все же ради сценической достоверности я потребовала, чтобы в письме слова «прошло три года» были заменены на «прошло шесть лет».

Хотелось бы в заключение рассказать еще об одном мальчугане, который едва не испортил мне финал третьего действия. Когда мы вышли на сцену, малыш увидел статую Будды, освещенную мрачным зеленым лучом прожектора. Он до того испугался, что тут же, словно мышь, юркнул за кулисы под громкий смех зрителей. Пришлось мне на ходу изменить всю игру, и каждый мой жест и движение говорили о присутствии сына… только уже в моей душе. Не скажу, чтобы это было легко, но чуткие и благосклонные зрители вознаградили меня за мои испытания бурными проявлениями восторга.

Вспомнился и еще один курьезный эпизод, связанный с оперой «Чио-Чио-Сан» разве лишь тем, что на мне в финале был кроваво-красный газовый шарф, а в моем рассказе тоже будет фигурировать красный цвет, правда, уже носового платка.

Я уже рассказывала о моих венских концертах накануне второй мировой войны. На одном из таких концертов я была в чудесном красном костюме. Как всегда, в руке я держала красный носовой платок из шифона, великолепно расшитый изумительной искусницей Ольгой Асти. Не успела я взять последнюю ноту, как сцену буквально затопила волна моих поклонников с ручками, карандашами, моими фотографиями и просто с клочками бумаги — словом, во всеоружии охотников за автографами. Я трудилась в поте лица, а когда наконец отразила натиск всех этих безумцев, то обнаружила, что мой великолепный платок исчез. Я, конечно, сильно огорчилась, но… ничего не поделаешь.

Два года спустя я снова давала концерт в том же самом зале.

На этот раз я была в белом с черным костюме, а в руке держала носовой платок, но только уже из белого шифона.

Кончился концерт, и сцену снова заполнила толпа любителей автографов… Окруженная живой стеной, я случайно заметила в глубине зала довольно молодого человека, который всячески старался привлечь мое внимание. Он отчаянно размахивал чем-то красным. Я присмотрелась — без сомнения, это мой бесследно пропавший два года назад платок. Инстинктивно я жестом попросила вернуть платок, однако незнакомец весело помахал мне рукой и… тут же исчез.

Я очень быстро простила его… ведь этим похищением, пусть весьма своеобразно, незнакомец тоже хотел выразить мне свое восхищение.

XXXII. Прозаическое интермеццо. Роль Лючеты в «Кьоджинских перепалках» Гольдони

Из любви к живописным сценам и ради того, чтобы поскорее добраться до грозных военных лет, которые серьезно отразились на моей артистической карьере, я не останавливалась на многих этапах моего долгого сценического пути. Так, я даже не упоминала о моем первом выступлении в драматическом театре и кратком дебюте в кино. Решение попробовать свои силы в драме созрело у меня в промежутках между бесчисленными турне в те пять лет, которые предшествовали разрушительной мировой войне. Я нахожу в своем дневнике запись о длительном и довольно неспокойном турне по Румынии в 1935 году.

На первом концерте в румынской столице, явившемся знаменательным событием в музыкальной жизни страны, присутствовал весь королевский двор с его морганатическими женами, принцами и фрейлинами. Меня приглашали к себе многие высокопоставленные лица, я познакомилась и, как истинный гурман, вдоволь насладилась очень странными и острыми блюдами румынской кухни. Меня буквально завалили подарками, и среди них знаменитыми скатертями и рубашками с яркой живописной вышивкой.

Столь же горячо и радушно меня встретили в Софии в 1938 году. (Кстати, недавно я снова побывала в Болгарии в качестве вице-президента жюри Международного конкурса певцов.) Моим партнером в этих поездках неизменно оставался Монтесанто.

После концерта нас пригласили на ужин, устроенный местным хоровым обществом. Я отлично помню, что на столе возвышался жареный поросенок в окружении кебаба (небольших ароматных котлет, приправленных разными специями), затем хаканки (разновидности нашей салями), соссеты (кусочки бараньего мяса, поджаренного на вертеле). Все это мы обильно запивали знаменитой мастикой, очень крепким ликером типа «Перно» и другими чудесными винами.

Когда кончился ужин, хористы встали и спели заздравную в нашу честь. Мне и Монтесанто дали по стакану какого-то особо старого вина и, осыпав нас лепестками роз, заставили, не отрываясь, выпить его до последней капли, пока не смолкла песня. Интересная подробность: слушая хор, я поразилась красоте голоса одного из басов, выделявшегося своей могучей

бархатистой силой. Я сказала:

— О! Да среди вас есть обладатель прекрасного голоса!

Мне представили Бориса Христова. Я не ошиблась. Этот певец с того времени прошел большой и славный путь, и к нему по заслугам пришло всеобщее признание.

В 1936 году, закончив выступления в неаполитанском «Сан Карло» и в «Ла Скала», я отправилась в длительное турне по Великобритании. Мой «дебют» состоялся в Бристоле, а второе выступление — в лондонском королевском театре «Квинс-холле». Затем я дала концерты в Ньюкастле, Глазго, Абердине, Эдинбурге, Дублине, Ливерпуле, Бирмингеме, Шеффилде, Манчестере. Словом, я как волчок крутилась по городам страны, переезжая из Англии в Шотландию, из Шотландии в Ирландию, а оттуда в Уэлс.

Я навсегда сохранила самые теплые воспоминания об английской публике, которая очень любит музыку и особенно итальянское бельканто.

В те годы англо-итальянские отношения были весьма натянутыми, что объяснялось удручающей политической слепотой тогдашних наших правителей.

Лишь частые выступления итальянских артистов в какой-то мере смягчали недоверие и враждебность, которые зрели у англичан к нашей стране. Два других очень трудных турне я совершила по Польше и Прибалтике, объехав Эстонию, Латвию и Литву.

В этих районах атмосфера уже была крайне накаленной из-за угрозы вторжения гитлеровской армии и первых проявлений жестокого и подлого расизма.

На протяжении 1937–1938 годов я несколько раз выступала в Познани, Варшаве, Риге, Каунасе, Таллине и в ряде других городов.

Во время этих путешествий с болью в сердце я впервые увидела на станциях настоящие бивуаки евреев — беженцев из Германии. В большинстве своем это были старики, женщины, дети, отчаянно пытавшиеся спастись от слепой ярости расистов, избежать трагической участи узников лагерей смерти.

Высунувшись из окошка вагона, я с глубокой печалью смотрела на этих несчастных, словно предчувствуя, что это пролог страшной эпопеи, которая привела миллионы невинных людей в Аушвитц, Бельзен, Маутхаузен и в другие лагеря смерти.

И хотя мне было до боли жаль этих беженцев, которые, сидя на чемоданах и тюках, мерзли и голодали на вокзалах, я ничем не могла им помочь. Разве что раздать конфеты и печенье худеньким ребятишкам, смотревшим, как я стою у окна спального вагона, и

отчаянно завидовавшим моей счастливой судьбе.

В начале лета 1936 года я получила предложение сниматься в кино.

И тогда кинопродюсеры лихорадочно искали знаменитостей, а так как я была в зените славы, меня не очень удивило предложение приехать на пробные съемки.

И вот я в Чинечитте[14] участвую в пробных съемках сначала под руководством Кармине Галлоне, а затем Марио Маттиоли. Обоих кинорежиссеров соблазняла возможность привлечь зрителей громким именем известной оперной певицы.

Примерно в это же время аналогичные предложения получили Джильи, Бекки и другие мои коллеги. Больше всех притягательной силе киноэкрана поддался Джильи, с успехом сыгравший в целом ряде фильмов. Галлоне и Маттиоли остались очень довольны моим кинодебютом и пообещали вскоре подыскать наиболее подходящие для меня роли.

Но куда проворнее оказался Джентильомо, подсунувший мне сценарий из венецианской жизни. Мне сценарий показался сентиментальным и малохудожественным. Моими партнерами были Басседжо, Сибальди и еще несколько венецианских актеров. Во время съемок Джентильомо был в совершенном восторге, причем не столько от моего пения, сколько от живости и непосредственности исполнения. В самом деле, съемки с моим участием проходили без малейшей заминки и почти не требовали предварительных репетиций. Вспышка магния ни разу не застигла меня вялой или неготовой к выступлению.

И все же первый опыт в кино изрядно меня утомил, особенно из-за уймы времени, потерянного на томительные ожидания, бесконечную подготовку, обдумывание эпизодов по ходу съемки и т. п.

Мой первый и единственный фильм назывался «Карнавал в Венеции», и, как я узнала позднее, ему сопутствовал большой коммерческий успех. Я получила вполне приличный гонорар, но он не вознаградил меня полностью за потерянное драгоценное время.

Так или иначе, но я познакомилась с доселе неведомой мне областью искусства. Впоследствии я все же отказалась от новых предложений, хотя и не оставила мысли сняться, если представится возможность, в фильме с высокими художественными достоинствами. Этой надежды я не потеряла до сих пор.

Несравнимо больше удовлетворения я получила в следующем году от моего дебюта в качестве драматической актрисы. Об этом я втайне мечтала уже давно, хотя и не предпринимала никаких

практических шагов.

Драматический театр всегда привлекал меня, и я как в Италии, так и за рубежом не упускала случая побывать на лучших спектаклях, особенно в исполнении крупных артистов.

Поздней весной я приехала в Палермо на гастроли. Однажды вечером, когда я гримировалась в артистической уборной, ко мне с неожиданным, но приятным визитом пожаловал дорогой Ренато Симони, глава итальянских критиков драматического театра. Я встретила его с огромной радостью, но не скрыла своего удивления, не подозревая даже, какова причина его прихода.

Было это в антракте между первым и вторым действиями «Севильского цирюльника».

Симони уселся в кресло и, ласково поглядев на меня своими добрыми голубыми глазами, сказал без обиняков:

— Тоти, я хочу предложить тебе сыграть на Венецианском фестивале Лючету в «Кьоджинских перепалках».

— Но, дорогой Симони, я ни разу не играла в драматическом театре.

— Вот тебе и на! А в «Севильском цирюльнике» ты разве не играешь Розину? — И потом добавил — Не волнуйся. Раз я предложил тебе эту роль, значит, ты отлично с ней справишься. Ну, конечно, ты споешь и две венецианские канцоны.

Я не видела «Кьоджинских перепалок» и не знала, как трудна и ответственна роль Лючеты.

В первый момент я думала, что Симони решил поручить мне второстепенную роль, а главное — это спеть две песни. Его убедительные доводы и глубокое уважение к нему заставили меня вслепую принять это заманчивое предложение, и даже не без удовольствия. Уходя, Симони сказал, что через несколько дней помощник режиссера Гуидо Сальвини передаст мне текст комедии. И вот, едва я вернулась в Милан, мне вручили текст «Кьоджинских перепалок». Ознакомившись с центральной ролью Лючеты, я похолодела от ужаса. Прежде всего я решила выучить текст роли наизусть.

Я оставила всех и вся и отправилась в Порретту, куда ездила каждый год принимать ингаляцию и грязи.

Я упросила Джени Садеро, великолепную актрису, хорошо знавшую стиль и характер венецианцев, поехать со мной. Там, в тиши маленького курортного городка, Джени помогла мне выучить роль, подавая все реплики и внимательно следя за мной.

Я трудилась усердно, в поте лица, повинуясь своей интуиции, голосу сердца и врожденной музыкальности, которой требует сам стиль этой комедии Гольдони. Меня несколько раз вызывали телеграммой в Венецию, где уже начались репетиции. С трепетом

и сознанием важности того шага, который делаю, выехала я в Венецию, зная, что моими партнерами будут первоклассные артисты Джанфранко Джаккетти, Ческо Баседжо, Джулио Стиваль, Маргарита Сеглин, Карло Микелуцци, Кики Пальмер.

Буквально вся Венеция жила ожиданием спектакля, тем более что сыграть комедию Гольдони предполагалось в Джудекке на Кампо Сан Косма, на естественной, удивительно красивой площадке.

Начались репетиции в театре «Гольдони».

Прежде чем приступить со всеми остальными актерами к работе над пьесой, я пожелала, чтобы Симони, живший в той же гостинице, где и я, послушал меня. Я очень волновалась и не решалась идти в театр до встречи с Ренато Симони.

Добрейшая Джени Садеро взялась его разыскать. Она нашла нашего режиссера на площади Сан Марко и рассказала ему о моих сомнениях. Симони и сам немного волновался за меня. Кто-то из досужих критиков и трагических пророков, которых всегда предостаточно, преждевременно успел ему нашептать, что Тоти Даль Монте наверняка внесет в свое исполнение элементы мелодраматизма, столь несвойственного яркому реализму Гольдони.

Объяснив Симони, что я готовилась старательно и вдумчиво, Джени уговорила его послушать меня в гостинице.

Симони был вечно занят на репетициях, и у него не оставалось ни минуты свободного времени. И все же, придя в мой номер, он ласково поздоровался со мной и поудобнее устроился в кресле. Держа в руках текст пьесы, Симони с места бросал мне реплики, попросив играть как можно естественнее, словно я выступаю на сцене перед зрителями. В середине первого действия, когда я совершенно освоилась с ролью, Симони внезапно поднялся, захлопнул книгу и радостно воскликнул:

— Я не ошибся! Это великолепно, Тоти! Если ты сыграешь так же и на премьере, спектакль надолго запомнится. А теперь марш в театр, мы и так опаздываем.

До этого на репетициях роль Лючеты исполняла хорошая актриса Чезира Вианелло из труппы Джанетти. Желая облегчить диалог и придать ему большую живость, Симони сделал в пьесе несколько купюр, слегка сократив и мою роль. Перед началом репетиции Симони еще раз посоветовал мне положиться на мой безошибочный инстинкт актрисы и ни о чем больше не думать.

Утомительнейшая репетиция длилась уже несколько часов, но я так вошла в роль, что даже не заметила, как летит время, и совершенно не чувствовала усталости. Меня поддерживал энтузиазм неофита. В третьем действии притворный плач Лючеты

так хорошо мне удался, что даже мои коллеги не удержались от похвал. Когда отзвучали последние реплики, ко мне подошел Джанфранко Джаккетти и, улыбаясь, сказал:

— Дорогая Тоти, позвольте вам сообщить, что вы играете лучше нас. И не мудрено, ведь вы не отравлены ядом профессионализма.

На следующей репетиции присутствовала Дина Галли, великая актриса и моя хорошая подруга. Изящество и сочность комедии совершенно ее покорили. По окончании она поднялась на сцену и поздравила каждого из нас. Меня она обняла и сказала:

— Тоти, я не раз наслаждалась твоим пением в «Ла Скала» и других театрах. Но никогда не думала, что ты доставишь мне столько радости в этой венецианской пьесе.

Затем, обратившись к Симони, воскликнула:

— Ты уж посмотри, Ренато, чтобы она в этих «перепалках» голос не потеряла!

Правда, голоса я не потеряла, но почти три месяца хрипела после грандиозной постановки «Кьоджинских перепалок» на Кампо Сан Косма. Но сколько счастья доставил мне этот спектакль!

Симони вложил в него все свое театральное мастерство, «выжав» из каждого актера максимум возможного. А ведь актеры были калибра Джаккетти, Стиваля, Сеглин, Баседжо, Микелуцци, Пальмера. Превосходную игру показали Джино и Джанни Кавальери в ролях Агонии и Мармоттины.

С какой печалью я вспоминаю имена умерших участников того незабываемого спектакля. И прежде всего добрейшего Ренато Симони, талантливого Джаккетти, очень тонко сыгравшего роль Кодигора, пылкого Стиваля, милейшего человека и вдохновенного актера Джанни Кавальери, мудрого Кики Пальмера, превосходно подражавшего говору венецианцев. Кроме Симони, все они ушли из жизни совсем молодыми, в полном расцвете сил и таланта.

Мой успех в новом для меня жанре был поистине ослепительным, и я совсем потеряла голову от радости. Однако, когда через год Симони предложил мне принять участие в повторной постановке «Кьоджинских перепалок», у меня хватило ума отказаться. Слишком велик был риск потерять голос. Роль Лючеты была поручена Изе Пола, которая уже приобрела известность как артистка кино.

На драматическую сцену я вернулась уже двенадцать лет спустя. Похоже, что вирус, которым меня заразил тогда Симони, гнездится во мне и по сей день.

Мне приятно закончить воспоминания об этой необыкновенной постановке «Кьоджинских перепалок» маленьким рассказом об оплошности одного заграничного критика. Он, по-видимому, не знал, что я певица. Похвалив в своей газете спектакль, работу режиссера, игру исполнителей главных ролей, он написал обо мне: «Очень хорошо сыграла и Тоти Даль Монте. К тому же у нее приятный голосок, и она прелестно спела свои песенки».

Из множества итальянских и зарубежных критиков, присутствовавших на спектакле, он единственный, к моему большому удовольствию, принял меня за профессиональную драматическую актрису.

XXXIII. Грозные сороковые годы

Не могу не вернуться к грозным сороковым годам.

Мне еще многое, многое хотелось бы рассказать о пережитом за время войны. Подробное описание событий тех лет заняло бы много места. Но я ограничусь лишь самыми важными из них еще и потому, что теперь все по молчаливому уговору стремятся окутать, милосердия ради, густым покрывалом ужасную эпопею жестокости, разрушения и горя.

Я уже рассказывала о страхе, который нам довелось пережить во время бомбежек. А воздушные налеты с каждым днем становились более яростными и охватили почти всю Италию.

Одно из самых горестных воспоминаний осталось у меня о воздушном налете на Трапани в конце 1942 года. По воле случая это трагическое событие совпало со смертью маэстро Анджело Феррари. Хотя к этому времени Сицилия стала объектом непрерывных бомбежек, я не смогла отказаться от выступлений в Мессине, Палермо, Трапани. Наша труппа ставила «Дон Паскуале» с чудесным певцом Аугусто Беуфом в заглавной роли.

Чтобы не переутомиться, я ограничила свои выступления участием в этой опере Доницетти. К моей великой радости, я наконец-то смогла взять с собой Мари, которая уже подросла и мечтала попутешествовать, увидеть новые места и подышать воздухом сцены, все сильнее манившей ее.

В репертуаре нашей труппы была и «Чио-Чио-Сан», но заглавную партию в ней исполняла другая певица.

Гастроли в Палермо и Мессине прошли вполне спокойно. Ни единой бомбежки, переполненные театры, самый горячий прием. Лишь серо-зеленые шинели итальянских и немецких солдат на каждой улице напоминали нам о войне.

Беды подстерегали нас в Трапани. Едва мы туда приехали, я заболела сильнейшим гриппом. У меня поднялась температура, и пришлось слечь в постель, доставив массу неприятностей импрессарио и бедняге Феррари.

В первый вечер вместо «Дон Паскуале» дали «Чио-Чио-Сан». Я стала глотать сульфамид и взывала ко всем святым с мольбой поскорее излечить меня, чтобы выступить на следующий вечер. Пришла Мари и попросила отпустить ее в театр на «Чио-Чио-Сан». Я согласилась, узнав, что ее обязательно проводят.

Потом задремала и внезапно проснулась от воя сирен. Первая мысль была о дочери, и я мгновенно вскочила с постели. В комнату вбежал Беуф, чтобы отвести меня в бомбоубежище.

— Обо мне не беспокойся, беги… скорее… В театре Мари…

Нельзя терять ни секунды… Беги же…

Я спустилась в бомбоубежище, которое, впрочем, было таковым лишь по названию. Попади в него хоть одна бомба, мы бы все задохнулись под развалинами. Беуф что есть духу помчался в театр.

Бомбежка уже началась, и в воздухе беспрестанно свистели осколки зенитных снарядов, с грохотом рушились здания. При каждом новом взрыве у меня замирало сердце. Я была не в состоянии думать ни о чем, кроме моей дочери, которой грозила смертельная опасность. Словно безумная я что-то бессвязно бормотала, шептала слова молитв и, если б меня не удержали, бросилась бы по темным, усеянным обломками улицам на отчаянные поиски Мари.

С божьей помощью Беуф благополучно добрался до убежища вместе с моей доченькой, которая ничуть не испугалась этого светопреставления. Я крепко прижала ее к груди и разрыдалась от счастья… Увы, бомбежка была на редкость ожесточенной и причинила городу огромные разрушения; много людей в тот страшный вечер было убито и ранено.

В полночь раздался сигнал отбоя. Мы с Мари вернулись в нашу комнату и легли спать.

Опасность миновала, и вместе с ней как-то сразу отступила болезнь. Мы уже спали глубоким сном, когда около четырех часов утра меня разбудили возбужденные голоса и шум шагов в коридоре.

— Что там происходит?

Я высунулась из двери и спросила у первого, кто попался мне на глаза:

— Что случилось?

— Маэстро Феррари… умирает.

Феррари много лет страдал сердечной недостаточностью, и волнения, связанные с адской бомбежкой, окончательно подкосили его. Ночью у него начался сильнейший сердечный приступ — инфаркт, как говорят теперь; тогда это называлось ангина пекторис.

Какое горе, какой удар для всех нас!.. Умереть вдали от семьи, в номере гостиницы… Мы все были потрясены и не знали, что делать. Каждый в глубине души желал лишь одного — поскорее вернуться в Милан.

Но импрессарио поневоле приходилось заботиться о своих интересах. Он уговорил нас остаться и сыграть в уже объявленных спектаклях. Мы хоть и с неохотой, но согласились.

Утром состоялись похороны маэстро. Мы хотели, чтобы несчастному Феррари, работавшему до последней минуты, были

возданы все почести. Мы шли за гробом до самой церквушки при кладбище, и этот трагический путь наполнял наши сердца величайшей скорбью. Мы оставили гроб в церкви открытым до приезда из Милана сына покойного.

Все мы возвращались в гостиницу, убитые горем, неспособные обрести веселье и легкость, столь необходимые для оперы Доницетти. В гробовой тишине все стали готовиться к выходу на сцену.

Отзвучал последний звонок, и представление началось. Я из-за кулис слушала, как мои коллеги — тенор, баритон и бас — исполняют первую сцену. У меня создалось впечатление, что спектаклю грозит полнейший провал. Все трое играли и пели вяло, без капли юмора и задора, и зрителям было совсем не смешно.

Что делать? Что бы такое придумать? И тут мне пришла в голову блестящая идея. Я велела официанту из бара принести бутылку коньяку и, когда кончилось первое действие, угостила всех певцов.

Через несколько минут все уже пребывали в состоянии легкого опьянения, и «Дон Паскуале» понесся на всех парусах, к вящему удовольствию зрителей. Но когда каждый из нас вернулся в свою артистическую уборную, жестокая реальность предстала перед ним во всей своей наготе. Жизнь артиста бывает порой суровой, многотрудной и горестной!

Покинув через несколько дней Трапани, мы на короткое время остановились в Марсале, а затем двинулись на север. Хорошо ли, плохо ли, но мы завершили беспокойное турне по Сицилии, потеряв, увы, одного из наших товарищей.

Многим это может показаться невероятным, но годы войны, особенно до конца 1943 года, были самыми напряженными в моей долгой артистической карьере, хотя выступления за рубежом резко сократились. В этот мрачный период, когда беспрестанные выступления чередовались с неприятностями и постоянными треволнениями, мои мысли уносились к тихой, спокойной Австралии, шумной Америке и Дальнему Востоку.

Мои зарубежные гастроли ограничивались теперь редкими концертами в Барселоне и опасными турне по обширной, слишком обширной территории рейха. Я говорю «опасными» не только из-за непрерывных бомбардировок, но и в силу обязывающей к слишком многому любезности нацистских властей.

В какой-то момент мне показалось, что мои выступления могут быть истолкованы как одобрение всех жестокостей нацизма и бесноватого фюрера.

Между тем в глубине души, хотя я стояла в стороне от политики, мне была глубоко отвратительна эта война, вызванная манией величия жестокого диктатора. Я видела предостаточно, чтобы осудить эту бойню. Особенно потрясла меня судьба еврейских беженцев. Я принимала близко к сердцу страдания и горе родных и родственников моих друзей и жила в предчувствии еще худших бед.

И все-таки в 1940–1942 годах я очутилась между молотом и наковальней и не могла отказаться от заранее согласованных концертов в Берлине, Лейпциге, Гамбурге, Вене.

Я выступила по берлинскому радио с концертом, посвященным сражавшимся на фронте солдатам. В 1942 году в том же Берлине мне пришлось принять участие в концерте, который палач Гиммлер дал в честь раненых, вернувшихся с восточного фронта.

Не могу сказать, что мне было неприятно выступать в концерте, но личность его устроителя вызывала во мне отвращение. По мере того как война становилась все более ожесточенной, к чувству моральной неловкости прибавился во время этих вынужденных турне по Германии страх перед массированными бомбардировками, которым подвергали английские королевские военно-воздушные силы территорию рейха. Отразив атаки «люфтваффе», английская авиация перешла в контрнаступление и с лихвой отплатила немцам за их налеты.

Хвастливая бравада тучного фельдмаршала Геринга, который в начале войны торжественно пообещал фюреру и немецкому народу, что ни один вражеский самолет не посмеет вторгнуться в воздушные пределы великого рейха, получила весьма наглядное опровержение.

Целые стаи английских бомбардировщиков, а впоследствии и множество американских «летающих крепостей» буквально не давали передышки и терроризировали немецкие города своими все более длительными налетами.

Мне несколько раз пришлось оказаться в этом огненном аду. К счастью, убежища были хорошие. Вообще вся пассивная защита была организована с тем умением, на какое способны только немцы.

Я попадала под массированные налеты в Берлине, Гамбурге, Лейпциге, Дортмунде, Франкфурте, Бреславе и в других городах на Рейне и в Руре. Тем не менее мои выступления проходили при переполненных залах. Меня это поражало, и я говорила себе: «На город низвергается с неба адская лавина огня. Поразительно, как все эти люди могут слушать пение?»

Иногда я задавала этот вопрос организаторам концертов или

близким друзьям. Большинство удивлялось моей наивности, некоторые пожимали плечами, иные открыто смеялись.

Впоследствии я поняла, что пение и музыка в это время были своего рода лекарством против страха, возможностью забыться.

Немцы — один из самых музыкальных народов в мире, этого нельзя отрицать. Любовь к бельканто и хорошей музыке у них в крови. Кроме того, надо помнить, что довольно долгое время большинство немцев твердо верило в конечную победу немецких войск. И только разгром под Сталинградом открыл им глаза. Однако очень многие продолжали убаюкивать себя надеждой на почетный мир.

Самая страшная бомбежка настигла меня в Гамбурге. Налет продолжался шесть часов; порт был разрушен до основания. Казалось, наступил конец света. А в полдень я давала концерт в переполненном зале. Восторженная публика просто замучила меня бесчисленными вызовами на «бис».

В гостиницу я вернулась взволнованная и совершенно разбитая. Мне подали ужин и я мечтала поскорей лечь спать.

Во время ужина снова раздался сигнал тревоги. Поспешно я спустилась в убежище. Не помню, кто меня провожал, вероятно, кто-то из хозяев гостиницы. Убежище было простое, удобное. Несмотря на большое скопление народа, там царил идеальный порядок. Люди сидели на креслах, стульях, лавках. Мне освободили местечко. Я буквально засыпала на ходу и валилась с ног от усталости. Мною овладело какое-то сомнамбулическое состояние, и даже грохот рвущихся в порту бомб не смог снять с меня оцепенение. Какая-то добрая душа сжалилась надо мной, и появились носилки «скорой помощи». Нашли подушку, и я легла. Меня накрыли одеялом и двумя пальто, чтобы я могла согреться.

Совершенно не помню, что происходило вокруг меня в ту трагическую ночь. Знаю только, что едва я легла, как тотчас же погрузилась в настоящий летаргический сон. Спала я шесть часов подряд, почти до рассвета, когда зазвучал отбой.

Еще не проснувшись окончательно, я открыла глаза и, не соображая, где я, услышала голос женщины, восклицавшей на чистейшем венецианском диалекте:

— Святая дева Мария! Да ведь это Тоти!.. Бедняжка!.. Подумать только, куда ее занесло!..

Это была судомойка из гостиницы, простая венецианка. Она помогла мне подняться с носилок, на которых я спала так сладко, словно на пуховой перине.

В Лейпциге со мной произошел еще один трагикомический случай. Я переодевалась в своей комнате после концерта, когда раздался сигнал тревоги. Впопыхах я стала напяливать на себя

платье при слабом свете свечи. Неожиданно распахнулась дверь, и в комнату ворвался здоровенный мужчина. Вид его не внушал никакого доверия. Одет он был прямо как марсианин, в руках фонарь, на голове немецкая каска. Осветив мое лицо фонарем, он стал кричать нетерпеливо и решительно. Понятно, я начала протестовать, не жалея голосовых связок. Возможно, я тоже кричала, не помню, что именно, скорее всего: «Выйдите сейчас же вон, невежда!» — пытаясь одновременно кое-как прикрыться. Но этот наглец заорал снова: «Идти!.. Идти!.. Вниз!.. Вниз!..» — а затем бесцеремонно схватил меня и поволок вниз.

В убежище мне подали скромный ужин.

«А ведь этот непрошеный гость чуть не надорвался от крика, бедняга, единственно из желания спасти меня», — подумала я.

Во время войны в Германии со мной было много приключений такого рода. Они мне послужили хорошим предлогом для того, чтобы отказаться от всяких других предложений петь в Германии и больше туда не возвращаться.

В общем, атмосфера там стала гнетущей, и виной этому были не только воздушные налеты.

Впрочем, и в Италии в это же время, особенно после 25 июля и 8 сентября 1943 года, обстановка значительно накалилась.

В довершение всего тот памятный год совпал для меня с разочарованием в любви. Мне было очень грустно. Монтесанто любил меня по-прежнему, но сознавал, что наши пути разошлись навсегда. Он страдал, и я страдала вместе с ним. Нам остались лишь нечастые встречи в миланском кафе, неподалеку от арки Мира, словно мы двое юных студентов, полных иллюзий и гнетущей тоски.

Впрочем, у нас это были уже не иллюзии, а разочарования, скорее даже одно-единственное, острое разочарование, не зависящее от нашей воли, фатальное и непреодолимое. Счастье еще, что по работе мне довольно редко приходилось бывать в Милане.

После того печального турне по Сицилии я дала последний концерт в Вене, а потом отправилась в длительную гастрольную поездку по городам Италии. Из Турина я переехала в Ливорно, а оттуда в Венецию, Ровиго, Сарцано. Наши гастроли завершались в Барселоне.

Продолжительное турне не обошлось без неприятных происшествий, и, как всегда, их причиной была война. Но в общем гастроли прошли успешно.

В Испании я дала ряд концертов, а затем летом взяла небольшой отпуск и отправилась на лечение в Сальсомаджоре.

Положение на фронтах становилось все более критическим.

Американцы и англичане высадились в Сицилии. Всюду царили растерянность и страх. Я решила не задерживаться в Сальсомаджоре и укрыться вместе с Мари в Барбизанелло.

Известие о падении фашизма застало нас в Барбизанелло. Почти все лето и начало осени я провела в безопасности в своей вилле, если не считать нескольких поездок в Монтекатини для выступлений в «Севильском цирюльнике».

Наступило суровое время. Наша бедная родина должна была расплачиваться за все свои ошибки, и прежде всего за участие в разрушительной, несправедливой и заранее обреченной на неудачу войне, ведь не было никакой надежды выиграть ее. Вскоре грозное эхо событий докатилось и до Барбизанелло. Целые группы солдат, отбившихся от своих частей, в страхе перед немцами и концентрационными лагерями устремились на мою виллу. Мой сад превратился в пристанище для беглецов, стремившихся как можно скорее добраться к себе домой. Надо было их укрывать, кормить, одевать. Вся мужская одежда, которую я нашла в доме, в основном одежда моего мужа, братьев и знакомых, была роздана этим горемыкам беглым солдатам. Мои запасы продовольствия подошли к концу. В погребе оставалось уже мало вина. Целыми днями в саду кипел котел с супом и стояла бочка с вином.

Вскоре нагрянули немцы. Они расположились недалеко от моей виллы, в Солиго, где и была их комендатура, прославившаяся необыкновенной бдительностью и жестокостью.

Последние беглецы поспешно покидали мою виллу и окружающие дома. Некоторые из них надеялись скрыться от преследований СС, другие вступили в первые партизанские отряды, созданные в Кансильо и горных районах Тревиджано.

Я боялась, что о моей помощи дезертирам станет известно немцам, и несколько недель жила в сильнейшем беспокойстве. Когда в октябре мне принесли разрешение возобновить мои выступления на сцене, я не поверила своим глазам. Я спела Чио-Чио-Сан в миланском театре «Нуово». Затем несколько раз выступила в этой же опере на гастролях, организованных неутомимым Кастельмонте.

Республика Сало относилась «благосклонно» к артистам и их деятельности. Искусство должно было поднимать упавший моральный дух населения.

Поездка прошла довольно удачно, хотя часто спектакли прерывались воздушными налетами. Мы побывали во многих городах, в том числе в Турине, Верчелли, Пьяченце, Бусто-Арсицио, Нови-Лигуре, Бергамо и в других.

Когда турне закончилось, мне предложили выступить в

миланском театре «Олимпия», заменившем полуразрушенный «Ла Скала». Я с радостью согласилась спеть партию Чио-Чио-Сан.

Зимой 1944 года в святую пятницу на Тревизо был совершен страшнейший налет. Город превратился в чудовищную груду развалин. Все спектакли были немедленно отменены. Я очутилась лицом к лицу с суровой действительностью.

XXXIV. Между партизанами и немцами

Человек привыкает ко всему, даже к самому худшему. Но в последний год войны мне стало казаться, что несчастьям не будет конца.

Почти каждый день что-нибудь случалось даже на моей с виду такой комфортабельной вилле. Я решила во что бы то ни стало прожить спокойно месяцы, отделявшие нас от долгожданного конца войны. Но не проходило дня, чтобы я не испытывала тревоги. Прежде всего, вокруг свирепствовал бандитизм. Несколько банд совершали постоянные жестокие налеты на селения. Это были настоящие преступники, которые выдавали себя то за партизан, то за чернорубашечников. Они грабили, уводили скот, насиловали женщин, убивали.

Когда ночью раздавался какой-либо шум, все дрожали от страха, несмотря на надежно запертые окна и двери.

Я укрывала в своем доме Карло Полакко, замечательного музыканта и моего дорогого друга. В Венеции он был известей как хороший аккомпаниатор. В прошлом он неоднократно ездил со мной на гастроли за границу, особенно в Скандинавские страны.

Я приютила его на своей вилле прежде всего потому, что он был необыкновенно приятным и остроумным человеком, а также желая спасти от жестоких преследований расистов. Обычно мы разучивали произведения камерной музыки, а иногда совершали короткие велосипедные прогулки вблизи виллы. Конечно, Полакко старался как можно реже попадаться людям на глаза. Если на вилле появлялись какие-нибудь подозрительные люди, он укрывался в маленькой часовне, примыкавшей к парку, или в будке, приспособленной под трансформаторную подстанцию.

Я поддерживала постоянную переписку со своим импрессарио, коллегами и друзьями.

Именно в это время я совершила одну оплошность. На нескольких почтовых открытках, адресованных друзьям, я написала, что разучиваю французские, американские, английские и португальские романсы для новой программы. Однажды глава провинции Тревизо Беллини вызвал меня к себе.

Я не на шутку испугалась и тотчас же отправилась к нему. Беллини принял меня очень любезно, но я тут же почувствовала, что надо быть настороже. От банальных комплиментов он сразу перешел к делу.

— У вас есть ангел-хранитель, — сказал он. — На сей раз роль ангела-хранителя играю я. Как вы могли так неосторожно написать всем о том, что готовите новую программу из английских, американских и французских песен? Разве вы не знаете, что почту проверяет суровая цензура? Слава богу, что эти открытки лежат на моем столе и я хорошо вас знаю. Иначе могли бы быть большие неприятности…

Через несколько дней я снова приехала к тому же Беллини. На этот раз я хотела вступиться за одного известного и смелого антифашиста, который был недавно арестован. В лучшем случае его ожидала репатриация в Германию. Он командовал партизанами под именем капитана Тоти. Он назвался этим именем с моего разрешения, в надежде, что оно принесет ему счастье. Старый враг фашизма, он в свое время эмигрировал во Францию, затем сражался в Испании вместе с Паччарди и Ненни, а после захвата Франции немцами был выслан в Германию, а потом переведен в Италию и заключен в тюрьму.

После событий 25 июля 1943 года капитан Тоти был освобожден. Он доблестно сражался в рядах Сопротивления, но все же попал в плен.

Страстно желая сделать что-нибудь для него, я отправилась к Беллини. Говоря с ним, я сделала основной упор на то, что после ареста капитана Тоти две его маленькие дочки и старики родители остались совершенно без средств к существованию и минимальной поддержки. Постаралась представить его неудачником, которого беспричинно преследуют власти, а он, в сущности, никому в жизни не причинил зла. В конце концов, пыталась убедить Беллини в том, что капитан Тоти и так уже дорого заплатил за верность своим идеалам юности, идеалам Мадзини.

Беллини любезно выслушал меня, вставляя то одно, то другое замечание. Было ясно, что он знал о прошлой и настоящей деятельности капитана Тоти гораздо больше меня и смягчить его вряд ли удастся. Все же я поняла, что против капитана Тоти не было прямых улик и точных доказательств его участия в подпольной деятельности и в Сопротивлении. Благодаря этому обстоятельству мне удалось вырвать у Беллини что-то вроде обещания помочь ему.

— Послушайте, синьора Тоти, — сказал он. — Я обещаю вам сделать все возможное для вашего протеже, хотя бы в знак благодарности за ваше искусство. Но вы должны понимать, какую ответственность на себя берете, столь настойчиво вступаясь за заключенного. Будьте осторожнее. Мы переживаем тяжелое время, и сейчас очень легко впасть в немилость.

Беллини оказался человеком слова. Спустя несколько дней капитана Тоти освободили с предписанием оставить Тревизо и поселиться в Венеции. Соблюдая большую осторожность, он продолжал бороться в Сопротивлении до самого вступления партизан в Венецию.

Гораздо более рискованными были мои контакты с партизанами Солигезе, создавшими подлинное воинское подразделение, наделавшее много хлопот немцам и чернорубашечникам.

Одной из групп, не входящей в регулярные партизанские части, командовал совершенно исключительный человек. Впоследствии я с удивлением узнала, что он был повинен в нарушении дисциплины, даже в уголовных преступлениях, и сами деятели Сопротивления осудили его. Конечно, внешность бывает обманчива, и я могла поначалу ошибиться. Звали его Мин. Он был талантливым военачальником, отважным и в то же время осторожным, вездесущим и неуловимым. Большинство населения охотно помогало ему. Его или любили, или боялись. Коллаборационисты жили в постоянном страхе, так как знали, что длинная рука Мина достанет их даже под землей.

Однажды моя сестра Эльза, которая с самого начала партизанской войны входила в состав провинциального комитета освобождения Венеции и Тревизо, а после войны была награждена грамотой «Александр», запыхавшись, прибежала на виллу. Когда она ехала на велосипеде по дороге в Солигетто, какие-то вооруженные молодые люди грубо остановили ее.

Вначале Эльза подумала, что они хотят отобрать у нее велосипед. Когда же они убедились, что это «сестра Тоти», ее тотчас же проводили в горы к Мину. Сам Мин попросил передать мне, что собирается ночью прийти на виллу вместе с несколькими своими верными помощниками, чтобы поговорить со мной.

Это было 12 июня. Я хорошо помню дату. Ведь на следующий день были мои именины.

Взволнованная известием о ночном визите Мина и его телохранителей, я приготовила праздничную встречу, решив взять кое-что из своих продовольственных запасов и угостить партизан на славу: спагетти, хорошим вином, а возможно, и тортом. На всякий случай я отпустила обеих служанок домой. Запершись в комнате и внимательно прислушиваясь, мы ждали целых три часа. Кругом все было погружено в темноту, не слышно ни звука. Наступила полночь. Мы легли спать, решив, что какая-нибудь неожиданная опасность помешала партизанам выйти из убежища.

Сквозь сон мы услышали, что в дверь сильно стучат. С некоторой опаской я выглянула в окно и увидела в саду группу вооруженных людей. Один из них заметил меня и сказал:

— Не бойтесь, синьора. Я — Мин.

Мари, Полакко и другие тоже проснулись. Мы наспех оделись, и спустя несколько минут начался странный ночной прием. Мы все были очень возбуждены. Партизаны без конца извинялись. Они оставили у входа ружья, автоматы, ручные гранаты и вошли в кухню. Мин сердечно пожал мне руку и сказал:

— Вы уж извините нас за опоздание, синьора Тоти, но мои ребята решили побриться перед приходом к вам. И вот потеряли уйму времени.

— Полноте, какие там извинения, — ответила я. — Располагайтесь. Представляю, как вы проголодались.

— На отсутствие аппетита жаловаться не приходится, — непринужденно ответил Мин. Он производил очень приятное впечатление.

Мы поставили на стол фиаски с вином, а вскоре появились и роскошные дымящиеся спагетти. Под громкий звон бокалов начался настоящий пир.

Через несколько минут установилась сердечная, непринужденная обстановка. Мин рассказывал нам о трудной жизни партизан в горах, о боевых партизанских делах, о засадах, о бесчисленных опасностях, заставлявших их быть постоянно начеку.

К счастью, местное население, измученное постоянными облавами, угрозами и налетами СС и чернорубашечников, было солидарно с партизанами и помогало им, делясь скудными запасами провизии и предупреждая вовремя о грозящей опасности. Мин рассказывал обо всем этом очень просто, как о вещах совершенно обычных и незначительных.

— Однако, — продолжал Мин, — как правило, в семье не без урода. Шпионы — это наше несчастье. Чаще всего они действуют несознательно, так, из чувства страха.

При этих словах один из партизан подмигнул и вынул из кармана фотографию женщины, которую остальные тотчас же начали рассматривать. Мин объяснил мне, что эту фотографию нашли у одного подозрительного человека, арестованного совсем недавно. Я не удержалась и спросила, что же он сделал с этим несчастным. Честно говоря, я боялась, что они уже успели отправить его на тот свет, но громкий смех партизан в ответ на мой вопрос успокоил меня.

— Мы привели его с собой, — сказал Мин. — Он нас ждет в

саду. Потом мы подумаем, как заставить его заговорить.

— И он… он вас ждет в саду? — удивленно воскликнула я. — Да он уже, наверно, давно удрал!

— Это исключено, синьора, — засмеялся Мин, — мы его привязали к дереву, как колбасу в лавке.

Мне стало жаль этого неизвестного «шпиона», и я начала горячо упрашивать Мина, чтобы его развязали и впустили в дом. Командир согласился. Двое партизан вышли и скоро вернулись с предполагаемым шпионом. Он оказался до смерти напуганным молодым парнем из соседнего селения.

Я усадила его, дала поесть. К счастью, мои гости в это время набросились на торт, я же попыталась приободрить парня.

Постепенно несчастный пришел в себя. Всхлипывая, он сказал, что ни в чем не виноват и ничего не знает о немцах и фашистах. Я видела, что он уповает только на мою помощь. Когда партизаны собрались уходить, я отвела Мина в сторону и попросила сжалиться над несчастным парнем. Мин пообещал разобраться как следует в этом деле и сказал, что я могу рассчитывать на его защиту и помощь.

Вокруг бродили банды грабителей, и, так как моя вилла стояла в стороне от селения, он вызвался каждый вечер присылать мне охрану. У его партизан был пароль «звезда». Каждый вечер ко мне являлись три-четыре партизана и дежурили ночью в саду и в парке, отдыхая по очереди в часовне.

Однажды мы сидели в гостиной и слушали передачу из Лондона. Раздался стук в дверь. Вошла испуганная служанка и сказала, что пришел партизан с автоматом. Я выглянула в окно и спросила, кто он.

— Партизан, — ответил молодой человек. — Меня послал Мин. Вы не могли бы пустить меня переночевать?

Слегка поколебавшись, я открыла дверь и дала ему поесть. Его лицо вызывало доверие. Он был молод, хорошо воспитан и вооружен до зубов.

На следующее утро он позавтракал и, горячо поблагодарив меня, ушел. Я побежала в Пьеве к связному партизан, работавшему парикмахером, где застала другого командира по имени Бруно, который вскоре погиб во время облавы. Я рассказала ему о партизане, так как не была уверена, что его действительно послал Мин, описала внешность незнакомца.

— Не бойтесь, синьора, это настоящий партизан. Его кличка «Лев», он командир отряда «Гарибальди». Наверно, за ним кто-нибудь гнался, а он боялся попасть в засаду. Вы хорошо сделали, что приютили его.

Я уже вошла во вкус борьбы и часто забывала даже об

элементарной осторожности.

Часовня, находящаяся рядом с виллой, уже давно превратилась в убежище для партизан, дезертиров, подозреваемых немцами людей.

Когда же СС и чернорубашечники патрулировали на улицах Барбизанелло, в часовне прятался и маэстро Полакко. Иногда под предлогом выразить свое уважение ко мне заходили офицеры из комендатуры, желавшие познакомиться со мной, а также те, кто знал меня по многочисленным гастролям в Германии и Австрии. Как только они появлялись, начиналось стремительное «паломничество» в часовню. Всегда находился кто-нибудь, кто не имел ни малейшего желания встречаться с посетителями такого сорта, и первым среди них был Полакко.

Некоторое время у меня жили два моих дальних родственника-студента. Они уклонялись от военной службы и принудительной работы на фашистов.

Они тоже устроились в часовне. Притащили матрацы, а на алтарь поставили спиртовую горелку.

Однажды ночью явился Мин.

— Синьора Тоти, я пришел, чтобы просить вас быть осторожнее. Слишком много людей уже знает о вашей помощи партизанам и дезертирам. Многим известно и о часовне. Помните, что у немецкого командования в Пьеве длинные уши… Завтра на рассвете отправьте всех, а я уберу своих людей.

Фашисты готовились к большой облаве в Солигезе. Партизаны собирались вернуться в горы и снять на время охрану моей виллы.

Прощаясь с Мином, я сказала ему:

— Мне жаль, что вы уходите, потому что в следующее воскресенье меня пригласили петь на мессе, а мне бы очень хотелось, чтобы вы меня послушали. Я буду петь для вас и молиться за вас. Пусть вас благословит господь!

В воскресенье я отправилась в церковь. Началась месса, и тут же послышался шум мотоциклов. Прихожане и священник забеспокоились.

Увлеченная пением и молитвой, я не обратила на это особого внимания, но во время проповеди и чтения Евангелия я пошла в ризницу, чтобы немного отдохнуть. Каково же было мое удивление, когда я нашла там Мина и нескольких партизан.

Они безумно рисковали. В церкви могли оказаться фашисты. С минуты на минуту можно было ждать вооруженной схватки. В отчаянии я стала умолять Мина и его товарищей уйти как можно скорее. Они послушались моего совета и ушли. Успокоенная, я вернулась в церковь. Когда я пела последнюю молитву, на улице

раздались выстрелы. Это партизаны прощались со мной.

Этот любопытный эпизод стал известен. Весть о нем разнеслась по всей округе. Распространились слухи, что Тоти — партизанка, что она поддерживала связь с Мином и не раз уже пела в церкви специально для бригады «Гарибальди».

Стоял ноябрь 1944 года.

Однажды в сад въехал большой военный автомобиль. Из него вышли четыре офицера, два немца и два итальянца, и молодая девушка. Увидев их, Полакко незаметно выскользнул из дома и пробрался на трансформаторную подстанцию. Еще минуту назад я и не подозревала о надвигающейся опасности, и у меня сильно забилось сердце. Однако я нашла в себе силы улыбнуться и спросила, что им угодно. Они пришли просить меня «о большом, очень большом одолжении» — от имени комендатуры Тревизо они уполномочены пригласить меня принять участие в концерте, который дают в Конельяно в честь маршала Роммеля и немецких солдат, отбывающих на фронт.

Я вздрогнула, но потом взяла себя в руки и, немного помедлив, ответила, что была бы счастлива, бесконечно счастлива принять их любезное приглашение, но, боюсь, у меня сел голос.

— Иногда так случается в это время года, — пояснила я, — и вот как раз собираюсь поехать полечиться к своему врачу в Венецию.

— Пустяки, — возразил один из немцев на плохом итальянском языке, — это скоро пройдет, и не стоит волноваться из-за такой малости.

— Хорошо, если бы вы были правы, — возразила я. — К сожалению, я знаю, что эта проклятая хрипота не проходит так быстро. Поверьте, мне много раз приходилось из-за этого отменять выступления.

Затем я попыталась перевести разговор на другую тему, спросив нежеланных гостей, не хотят ли они выпить хорошего белого вина. Вино почему-то медлили подавать, и я отправилась за ним в кухню.

Сопровождавшая офицеров девушка пошла за мной. Когда мы знакомились, она сказала, что учится пению. Догнав меня, она прошептала:

— Послушайте, синьора Тоти, доверьтесь мне. Я пришла с ними, потому что один из итальянских офицеров — мой жених. Знайте же — они пришли для того, чтобы испытать вас. Ходят слухи, что вы партизанка. Не отказывайтесь от выступления в концерте, иначе они сожгут вашу виллу.

Вернувшись с вином в зал, я сказала, что в виде особого

исключения согласна пойти навстречу их настойчивым просьбам, но тут же предупредила, что перед концертом мне придется съездить в Тревизо к портнихе. Я объяснила, что у меня нет вечернего платья. На самом же деле мне надо было посоветоваться с партизанами насчет концерта — выступать или нет.

Немецкие офицеры оказались настолько любезными, что предоставили в мое распоряжение машину, бензин и пропуск в Тревизо.

Приехав в город, я вместо портнихи отправилась к одному из руководителей подполья, Дзадре, и другому видному деятелю Сопротивления — адвокату Босколо. Мое прежнее олимпийское спокойствие явно изменило мне.

— Пой, конечно, пой, — сказали мне.

— Да, но я не хочу, чтобы меня потом обвиняли в коллаборационизме, — ответила я.

— Ну что ты, Тоти. Мы же тебя все знаем. Твой патриотизм ни у кого не вызывает сомнений.

Прошло несколько дней. Однажды вечером за мной приехала немецкая машина и отвезла в Конельяно. Аккомпаниатора не было, и у меня хватило дерзости взять с собой Полакко. Надо сказать, что хотя Полакко не был в большом восторге от этого предприятия, но держал себя превосходно. В общем, мы дерзко подшутили над немцами, заставив их слушать игру аккомпаниатора-еврея.

Мы приехали в Конельяно. Когда я выходила из машины, ко мне подошел местный секретарь фашистской партии. Рассыпаясь в комплиментах, он сказал, что в гостинице меня ждет коммендаторе Бьянки, специально приехавший из Венеции на мой концерт. Я задумалась. Что еще за коммендаторе Бьянки? Я не знала никакого коммендаторе Бьянки.

Он оказался нотариусом Бассиньяни, видным деятелем Сопротивления. За его голову немцы обещали сто тысяч лир.

Увидев его, я похолодела. У меня подкосились ноги.

— Да вы с ума сошли! Зачем вы приехали в Конельяко? Хотите навлечь на меня крупные неприятности?

— Я приехал только для того, чтобы послушать вас. Не пугайтесь и не беспокойтесь. В театре будет немало партизан.

Театр был переполнен. У меня сильно билось сердце. Я очень волновалась за Полакко, Бассиньяни, за всех партизан.

В зале было множество немецких солдат и офицеров, а также итальянских офицеров из десятой бригады «Мас». Маршала Роммеля не было. Возможно, его уже подозревали в участии в заговоре против Гитлера. На балконе сидело множество партизан,

переодетых в гражданскую одежду.

Я спела несколько романсов и арий, которые зрители встретили восторженными криками «браво», «бис».

Время от времени поглядывая на Полакко, я видела, что он бледен как полотно и лоб его покрыт испариной, тем не менее он сохранял полное спокойствие. А ведь достаточно было агенту полиции или какому-либо фашисту опознать его — и…

После концерта мы вернулись в гостиницу. За ужином к нашему столу подсел Бассиньяни. Нечего и говорить, что от волнения у меня все поджилки тряслись!

Ночью в окрестностях Канельяно произошел бой. Мы не сомкнули глаз до утра. Раздавались выстрелы, крики, слышался шум моторов, шаги патрулей.

Едва начало светать, я потихоньку улизнула из гостиницы и перебралась в женский монастырь. Здесь, в тихой обители, я немного успокоилась и с глубоким чувством спела молитву, благодаря господа за его милосердное покровительство.

* * *

Наступили бурные и трагические времена. Фашисты планомерно и безжалостно прочесывали города и селения провинции. Позже я узнала, что Беллини исключил из плана карательной экспедиции район Барбизанелло. Вместе с двумя виллами графов Брандолин были сожжены многие дома бедняков в районах Солиго, Пьеве и Солигетто; большое число партизан, заложников и людей, не поддерживавших ни одну из сражающихся сторон, было расстреляно. Запасы продовольствия, скот, ценные вещи безжалостно отбирались. Вокруг царили отчаяние, горе, разруха.

Этот кошмар продолжался четыре дня. Мы заперлись на вилле, но и сюда долетали выстрелы, грохот танков, дикие крики.

Затем наступили внешне спокойные, но полные опасности и смятения дни. Первым, кто появился в нашем саду, был изможденный, напуганный юнец, весь в лохмотьях. Дрожащим голосом он рассказал, что он партизан, чудом спасшийся от облавы, и молил о помощи. Я дала ему немного денег и еды.

Потом у меня возникли сомнения, партизан ли это. Во всяком случае, мне стало ясно, что нам опасно оставаться дальше в Барбизанелло. Мари и Полакко тоже считали, что лучше вернуться в Венецию.

С божьей помощью мне удалось перевезти в Венецию немного мебели, посуды, часть белья и гардероба, и мы с Мари не так уж

плохо устроились в четырех комнатках. Остальная часть была реквизирована.

В нашем скромном жилище часто собирались друзья, среди них — незабвенный Мемо Бенасси и моя любимица Татьяна Павлова. По вечерам обычно приходил капитан Тоти; несмотря на предупреждение суда, он продолжал свою подпольную деятельность. Наступила весна 1945 года, оставались считанные дни до освобождения и окончания этой злосчастной войны.

Венеция кишела заправилами республики Сало, которые по-княжески жили в роскошных отелях. Немало было и немцев; по улицам и площади св. Марка бродили даже солдаты вспомогательных азиатских частей, настоящие ландскнехты, приезжавшие в Венецию отдыхать после убийств и грабежей во Фриули. Да, странный вид имел в то время сказочный город дожей!

Джильда. «Риголетто» Дж. Верди

Норина. «Дон Паскуале» Г. Доницетти

Лючия. «Лючия ди Ламмермур» Г. Доницетти

Тоти Даль Монте выступает в концерте (Париж)

Тоти Даль Монте в комедии «Добрая мать» К. Гольдони

Тоти Даль Монте в опере «Король» У. Джордано

Норина. «Дон Паскуале» Г. Доницетти

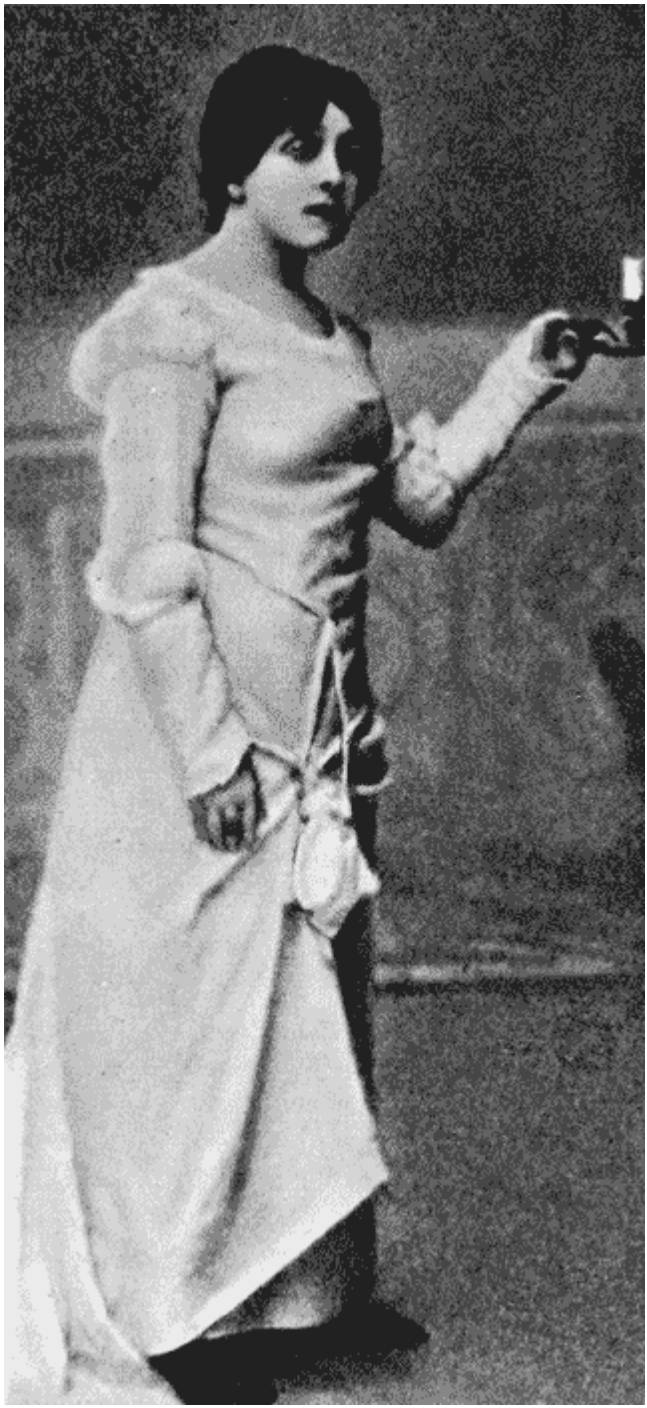
Лодолетта. «Лодолетта» П. Масканьи

Мария. «Дочь полка» Г. Доницетти

Паж. «Бал-маскарад» Дж. Верди

Недда. «Паяцы» Р. Леонкавалло

Лола. «Сельская честь» П. Масканьи



Джильда. «Риголетто» Дж. Верди

Участники спектакля «Севильский цирюльник» Дж. Россини в театре «Ла Скала»: Баккалони, Франчи, Шаляпин, Тоти Даль Монте, Скипа

Лючия. «Лючия ди Ламмермур» Г. Доницетти

Амина. «Сомнамбула» В. Беллини

Тоти Даль Монте и Тито Скипа. «Дон Паскуале» Г. Доницетти

Амина. «Сомнамбула» В. Беллини

Норина, «Дон Паскуале» Г. Доницетти

Тоти Даль Монте. 1956 г. Фото Ал. Лесса

Тоти Даль Монте беседует с Александром Пироговым, Галиной Вишневской и Еленой Катульской. 1956 г. Фото Ал. Лесса

Однажды ко мне постучался взволнованный капитан Тоти и сказал, что мы должны сделать для партизан красные галстуки. Партизаны готовились к изгнанию захватчиков и к последней схватке с фашистами. Я, Мари и моя сестра Эльза распороли все красные вещи, которые нашлись в доме. Но сколько нужно платьев, чтобы сделать по меньшей мере несколько сотен алых галстуков!

— Не волнуйтесь, позабочусь об этом я, — сказал наш Тоти. На следующий день он явился к нам с объемистым свертком красного полотна, которое дал ему Бараттоло из «Скалера-фильм». Он заведовал в то время киностудией в Джудекке.

Целыми днями я, Мари и Эльза шили галстуки, но однажды вечером пришел Тоти и, волнуясь, объявил, что нужно поскорее все это спрятать.

Оказалось, что один из рабочих Джудекки, мясник, узнав о нашей работе, преисполнился энтузиазмом и стал рассказывать об этом своим приятелям. Новость могла дойти до любого шпиона. Короче говоря, Тоти боялся обыска.

В страшной спешке мы завернули готовые галстуки и остаток красного полотна в большущий пакет, и Тоти тут же его унес. Когда 28 апреля мы с Мари вышли на Римскую площадь встречать освободителей, то увидели, что многие партизаны повязали шею нашими красными галстуками.

Огромная толпа несла на руках новозеландских танкистов Восьмой армии. Внезапно меня тоже водрузили на танк. Во весь голос я запела «Братья итальянцы, Италия пробудилась», и тысячи голосов хором подхватили слова песни. Когда я спустилась, австралийские и новозеландские солдаты столпились вокруг меня, крепко жали руку, обнимали, просили автографы.

На следующий день после освобождения меня разбудила перестрелка где-то совсем рядом. Я осторожно выглянула и увидела во дворе дома партизан, стрелявших по фашистам, которые прятались на крышах соседних домов.

В моих четырех комнатах постоянно толпились патриоты, друзья, артисты. Мемо Бенасси уже думал о возобновлении театральной деятельности; он жил рядом, в доме моей сестры. Там же нашла прибежище и Татьяна Павлова, которая страшно волновалась за судьбу своего мужа. Бенасси только и делал, что строил планы и, обсуждая их, часто спорил с известной актрисой. Но дебаты неизменно сменялись дружеским примирением. Бенасси, естественно, мечтал о репертуаре из произведений американских и русских композиторов.

Через несколько дней ему удалось каким-то чудом создать небольшую труппу и вновь открыть театр «Гольдони». Я тоже с

нетерпением ждала того момента, когда смогу возобновить свои выступления в опере.

Закончился мой вынужденный отдых со всеми его треволнениями. Ненни и Пертини от имени Социалистической партии оказали мне высокую честь, публично выразив благодарность за мое активное участие в партизанском движении.

XXXV. «Чио-Чио-Сан» для бандита

Возможность вернуться на сцену представилась очень скоро. По правде говоря, таких возможностей было много. Ведь в той волнующей, приподнятой обстановке, в которой мы оказались после освобождения, недостатка в инициативе такого рода не ощущалось.

Я ухватилась за возможность, которая меня больше всего привлекала, — спеть Чио-Чио-Сан в просторном театре города Адрии, чудом уцелевшем от бомбардировок.

В Адрию я попала после утомительного, беспокойного путешествия.

Железные дороги были парализованы, мосты через Бренту, Адидже, Канале Бьянко взорваны; пришлось воспользоваться невероятно потрепанным рейсовым автобусом. Народу в него набилось тьма-тьмущая. Меня усадили на особую скамеечку и даже освободили рядом место для большого чемодана, в который я уложила самое необходимое из моего японского гардероба.

Весь район Полезине с нетерпением ожидал моего выступления. Переполненный театр, восторженная встреча «Тоти-партизанки». Между Адидже и По шла ожесточенная, беспощадная партизанская война, и ликование по случаю желанного освобождения принимало особенно волнующие и бурные формы.

Я приехала за день до премьеры и, проявив немало изобретательности, устроилась в жалкой комнате, которую мне отвели в единственной открытой тогда гостинице. Здесь стояли две весьма расшатанные кровати, пара колченогих стульев и шкаф со скрипучей дверцей, в котором я развесила все свои платья.

Я тут же отправилась в театр на первую репетицию. Импрессарио, дирижер, певцы, хор, оркестр встретили меня по-королевски. Назавтра — снова репетиция, а во второй половине дня я вернулась к себе в номер. Отдохнув и спев обычные вокализы, я собралась идти в театр, так как было уже семь часов вечера, и открыла гардероб, чтобы взять пальто. Огромный старый шкаф с грохотом рухнул и чуть было не раздавил меня. К счастью, при падении он зацепился за спинку кровати и остался на весу.

Лежа на полу, не в силах приподняться или выкарабкаться, я принялась кричать что есть мочи. Но меня никто не услышал. Испуганная до смерти, с сильными ушибами, я пролежала, наверное, с полчаса, но, сколько ни пыталась, не смогла

приподнять шкаф и высвободиться. К тому же я боялась, что из-за резкого движения кровать сдвинется и шкаф окончательно придавит меня. Наконец в коридоре послышались шаги; я закричала, прибежали люди и не без труда освободили меня.

Я улеглась в кровать. Меня знобило от пережитого страха.

Постепенно успокоившись, я точно в назначенное время, несмотря на боль, явилась в театр. Как видно, по воле рока все спектакли «Чио-Чио-Сан» с моим участием не обходились без волнений и сюрпризов.

* * *

После выступления в Адрии я возвратилась в Венецию. Через несколько дней состоялось представление «Чио-Чио-Сан» в театре «Фениче»; незабываемый, торжественный спектакль в честь союзников.

Новые спектакли «Чио-Чио-Сан» в Падуе, затем в Тревизо, истерзанном и лежавшем в развалинах. Какое печальное зрелище! Но с каким волнением я видела, как при звуках мелодий Пуччини полуразрушенный город словно вновь обретал радость жизни!

В конце июля был организован ряд прекрасных спектаклей на открытой площади в Венеции. В программу была включена «Травиата», и я, естественно, опять пела Виолетту.

Дирижер и концертмейстер маэстро Нардуччи, мои партнеры — тенор Пранделли и баритон Марини, хор и оркестр театра «Фениче» — словом, состав превосходный, и «Травиата» привела в восторг не только венецианцев, но и многочисленных американцев и англичан, наводнивших город.

После короткого отдыха в Барбизанелло в начале сентября я решила перебраться в Милан, который постепенно вновь становился оперным центром Италии. Здесь были лучшие возможности для выступлений. В артистических и театральных кругах меня приняли с восторгом.

Театр «Ла Скала», увы, все еще был закрыт, но его восстановление уже началось.

Неожиданно я получила предложение спеть в «Травиате» в бергамском театре «Доницетти». В Милане я опять встретилась с мужем, который выразил желание быть вместе со мной и Мари. Я, конечно, согласилась, будучи уверена, что этого хочет и моя дочь, которая теперь повсюду ездила со мной. Я поставила одно-единственное условие: Энцо должен порвать все свои связи.

В ожидании, пока положение выяснится, я подписала контракт на двадцать выступлений в неаполитанском театре «Сан

Карло». Вместе с мужем мы решили поехать в Неаполь в его машине. С нами была Мари, моя золовка Рина и мой секретарь Лонгоне.

Это было утомительное, но в общем приятное путешествие.

В пути я смогла воочию убедиться в том, какой ущерб, глубокие потрясения и разруху оставила нам в наследство война.

В Неаполе я остановилась неподалеку от улицы Кьяйа в доме старых и добрых друзей Де Муро — Грилли. Я опять почувствовала себя как в собственном доме: мы с Мари оказались в центре внимания и забот. Но после нашего последнего, довольно бурного объяснения Де Муро уехал в Милан.

Несомненно, мой муж искренне желал примирения, прежде всего из-за дочери. Но, с другой стороны, было ясно, что он не в силах принять твердое и окончательное решение. Мари больше не заговаривала со мной о возможном примирении.

В «Сан Карло» меня принимали удивительно тепло; я поняла, что Неаполь, с которым были связаны воспоминания о замечательных успехах, не забыл меня. Я пела в «Чио-Чио-Сан», «Богеме», «Травиате» и без преувеличения могу сказать, что это был триумф. Все три оперы по хорошей неаполитанской традиции шли в замечательном оформлении.

Единственным моим огорчением за все эти месяцы была долгая болезнь Мари. Мы обе заболели острым тонзиллитом, но я поправилась через несколько дней, а дочь словно никак не хотела выздороветь. В конце концов я обратилась к знаменитому профессору Амато, который нашел у дочки опасную инфекцию паратифа. С помощью профессора Амато и благодаря моим молитвам Мари понемножку восстановила свои силы.

* * *

Однажды ко мне неожиданно нагрянул типичный неаполитанец, одетый весьма претенциозно, полный, важный, с часами на толстой золотой цепочке и с двумя перстнями на пальце.

— Синьора, я пришел предложить вам несколько концертов и выступлений в «Чио-Чио-Сан». Вас ждут в Салеро, Сорренто, Санта-Мария-Капуа-Ветере и в других городах. Не раздумывайте долго. Вы сами подберете труппу из молодежи, а об оркестре я позабочусь. У меня шикарная машина, после каждого концерта я вас буду привозить в Неаполь.

Этот человек мне понравился, а так как мне нечего было делать да и дочка выздоравливала, я согласилась, меня волновала

лишь мысль о том, чтобы были хорошие партнеры, а пианист знал бы репертуар.

Поездки я совершала в славной допотопной машине, черной снаружи как погребальный катафалк и обитой внутри ярко-красным бархатом. Развевавшиеся занавески были из небесно-голубого шелка, но верх изящества являли собой вазочки для цветов, увы, искусственных.

Мне приятно было нести радость жителям провинции, которые совсем меня не знали, но встречали на площадях, словно королеву.

Но вот закончился и этот забавный ангажемент. Я подумывала о возвращении в Милан, когда в один прекрасный день явился веселый и шумный, как всегда, импрессарио, но на этот раз с любопытнейшим спутником. Наряд «джентльмена» составляли пиджак в обтяжку в черную и белую клетку и старомодный галстук с торчащей огромной булавкой, его дополняли желтые перчатки и тросточка, напомаженные очень длинные волосы ниспадали на высокий накрахмаленный воротничок.

— Синьора, на этот раз вы должны украсить своим выступлением открытие крупного театра. Люди приедут со всех окрестных селений, аншлаг обеспечен.

Мне стало смешно. Я спросила, где же находится этот театр.

— В Оттавиано, синьора.

При этих словах слышавшая наш разговор хозяйка дома закричала:

— Да ты с ума сошла! Знаешь, кто подвизается в этом Оттавиано? Ла Марка со своей бандой!

Сознаюсь, что в этот момент я поступила безрассудно, иначе бы не сказала в простоте душевной напомаженному джентльмену:

— Пожалуй, я не прочь познакомиться с этим Ла Марка. Интересно, как он себя поведет с певицей.

Забыв о всякой осторожности, он воскликнул:

— Синьора! Ла Марка прекрасный парень, он тайком кормит бедняков, выдает замуж согрешивших девиц, любит музыку и в лунные ночи играет на губной гармонике.

Красочные описания импрессарио и его «изысканного» спутника развеселили меня, и я с радостью согласилась выступить в Оттавиано, не обращая внимания на ошеломленные лица Мари и синьоры Грилли.

— Но уж ночевать в Оттавиано я не останусь, — решительно заявила я. — После спектакля вы отвезете меня на машине в Милан.

— Как вам будет угодно, мы все к вашим услугам, синьора.

В машину были погружены все чемоданы со знаменитыми костюмами Кабуки. Примерно через два часа мы прибыли в Оттавиано и остановились перед зданием театра. Вокруг машины мгновенно собралась толпа. Раздавались крики:

— А вот и Тоти! Тоти приехала!

Из окружения нас вызволил какой-то весьма вежливый синьор; он подошел и тихо сказал:

— Не хотите ли кофе, синьора?

Незнакомец провел меня в небольшую комнату, уселся напротив и торжественно объявил:

— Он долго тут вас дожидался, но, знаете, перед спектаклем на площади собралось больно уж много народу, ну, и ему пришлось уйти.

Я онемела от изумления, а незнакомец продолжал:

— Если бы синьора согласилась дать ему свою фотографию, это было бы чудесным подарком.

Я открыла сумочку, достала фотографию, подписала ее и с улыбкой протянула посланцу Ла Марки. Затем отправилась посмотреть театр. Громадное помещение, типа «Политеамы». В общем, ничего страшного. Я видывала залы и похуже. Артисты знали свое дело; словом, это был вполне «приличный» спектакль.

Я переодевалась в артистической уборной, когда в дверях показался симпатичный молодой человек. Тенор-неудачник, он был на седьмом небе от счастья, что может побыть рядом с Тоти. Он добровольно взялся исполнять все мои поручения и время от времени стучался ко мне, принося последние новости.

На спектакле присутствовали все местные власти, первые люди городка, барон, коммендаторе, местные львицы в невероятных туалетах. Исполняя сцену из первого действия, я, любопытства ради, выглянула в зал и заметила среди зрителей немало подозрительных типов. В антракте я попросила юношу посмотреть в щель занавеса и сказать, кто это такие.

Он же с типично неаполитанской мимикой, вытаращив глаза, немногословно ответил:

— О, синьора!..

Меня поразил какой-то важный, закутанный в черный плащ мужчина с большой сигарой в зубах; он чувствовал себя здесь хозяином и целовал ручки направо и налево.

— Это Килло, — сказал мой гид, — адвокат бандитов.

Спектакль шел под бурные аплодисменты, публика была в восторге; те, кто не мог попасть в зал, шумели в коридорах. После второго действия импрессарио, как обычно, принес мой незыблемый гонорар.

Он торопился уйти, но я напомнила ему про обещание

достать машину и отвезти меня домой. Мне показалось, что на этот раз он даже вытаращил глаза, но с обычной приторной вежливостью, приложив руку к сердцу, воскликнул:

— Не волнуйтесь, синьора! Пойте себе спокойно третий акт, а я тут обо всем позабочусь.

Едва кончился спектакль, как мне захотелось поскорее очутиться в машине. Костюмерша говорила только на неаполитанском диалекте; она, бедняжка, совершенно потерялась среди множества вещей и не знала, как их уложить. Мне стало ее жаль, и я все сделала сама.

Наскоро, кое-как побросав вещи в чемодан, я уселась в машину. Вокруг не было ни души, тьма кромешная. Коллеги попрощались со мной, они оставались в Оттавиано.

Я нервничала, а тут еще шофер начал возмущаться:

— Синьора, да вы рехнулись, кто же ездит ночью? Подумайте обо мне, ведь у меня жена, дети. Иисусе Христе, избавь ее от этого помрачения.

Я успокаивала его:

— Да не волнуйтесь, сейчас придет импрессарио.

— Ему-то и горя мало! — отвечал шофер.

Наконец примчался запыхавшийся, но торжествующий импрессарио. Он протянул мне какую-то бумажку и сказал:

— Синьора, вот вам пропуск. Вы должны ехать все время с зажженными фарами. Не бойтесь, никто вас не тронет.

Безумно обрадовавшись, я ничего большего и не желала, спрятала бумажку в сумочку и горячо поблагодарила моего «спасителя». Шофер тоже успокоился, и, включив фары, мы двинулись по темной дороге. Я чувствовала себя очень усталой, мрак и тишина ночи не пугали меня, а нагоняли сладкую дрему.

Внезапно машина резко затормозила, и я очнулась. Восклицание шофера: «Вот мы и приехали. Влипли мы в историю, синьора!» — заставило меня вздрогнуть. Молодой пастух, ростом эдак метра в два, с автоматом в руках преградил нам путь. Он уверенно распахнул дверцу с моей стороны и повелительно спросил:

— А вам ничего не дали?

Я совершенно растерялась; поняв, что передо мной бандит, я взмолилась в слезах:

— Но у меня ничего нет — ни денег, ни драгоценностей. Еду из Оттавиано, пела в «Чио-Чио-Сан».

Бандит, не обращая внимания на мои слова и слезы, повторил:

— Значит, вам ничего не дали?

Тут меня осенило; дрожащими руками я открыла сумочку и

достала пропуск.

— Он-то мне и нужен, — сказал бандит и уже другим тоном попросил меня немного подождать. Он скрылся за изгородью; до сих пор помню это леденящее душу ожидание. Наконец бандит появился и галантно вручил мне букет полевых цветов со словами: «Это для вас, синьора». С поклоном захлопнул дверцу, и мы помчались дальше.

Этим приключением завершилось мое долгое и в общем-то приятное пребывание в Неаполе. Вернувшись в Милан, я подписала контракт на четырнадцать концертов в крупных городах Швейцарии. Это была прекрасная поездка. Я поняла, что о Тоти у швейцарцев остались самые хорошие воспоминания.

Я чувствовала, что меня окружает обычное расположение, встретила старых друзей, привычную спокойную атмосферу, те же удобства в отелях, которые учат весь мир искусству принимать гостей. А сады Цюриха, Берна, Люцерна, Лугано были, как всегда, прекрасны. Все так же прелестны оставались утопающие в цветах уступы холмов!

Наша родная Италия еще не залечила раны войны, но жизнь понемногу входила в обычную колею. Признаком возрождения искусства явилось возвращение в Италию Артуро Тосканини. Он приехал из Америки в мае 1946 года.

Завершив гастроли в Швейцарии, я должна была выступить в парижской «Гранд-Опера» в большом концерте под названием «Ночь Сопротивления». Это был своего рода международный фестиваль, и в нем приняли участие знаменитейшие певцы Европы.

После этого памятного концерта, который с истинно французской пылкостью напомнил о трагедии войны и ликовании победы, я предприняла турне по городам Франции. Здесь, как и в Италии, повсюду были видны ужасные следы бомбардировок. Мне показалось, что в отличие от Швейцарии здесь очень многое изменилось. Среди развалин, траура и тревог начиналась новая эра. То же чувство я испытала, приехав в Великобританию. Как сжималось мое сердце при виде неузнаваемо разрушенных кварталов Лондона — этого современного Вавилона. Свой первый концерт я дала вместе с басом Беуфом в «Сентрал-холле», и публика вначале отнеслась ко мне весьма настороженно, если не сказать — прохладно. Но постепенно чарующие итальянские мелодии и классические английские арии и песни, которые я предусмотрительно включила в программу концерта, растопили лед. Я была по-настоящему счастлива, когда почувствовала, что зрителей все сильнее захватывает волшебная сила музыки.

В других английских городах меня принимали столь же

горячо. А на моем последнем концерте в лондонском «Альберт-холле» зрители наградили меня поистине восторженными аплодисментами.

Из других выступлений того же периода можно упомянуть о втором турне по Швейцарии, концертах в Париже, Брюсселе, Антверпене и Льеже.

Вернувшись в Италию, я пела во многих операх, но чаще всего в «Севильском цирюльнике». Однако теперь итальянское оперное искусство было далеко не столь процветающим, как до войны. О подлинном возрождении итальянской оперы и о возвращении к славным временам ее блистательных триумфов не приходится говорить и поныне.

XXXVI. Актриса венецианского театра

Среди смен все более коротких оперных сезонов, новых итальянских и заграничных турне наступил 1948 год. Трагические события военных лет стали воспоминаниями, яркость которых стиралась с каждым днем. К счастью, а может и к несчастью, люди торопятся забыть пережитые горести и… обзавестись новыми. Я по-прежнему не имела недостатка в приглашениях петь, но уже начала подумывать о прекращении артистической деятельности.

Со времени моего дебюта прошло тридцать два года. Я еще чувствовала себя полной сил, голос мой звучал не хуже, но я твердо решила покинуть сцену в расцвете славы. Мне хотелось оставить о себе хорошую память и не омрачать воспоминаний прошлого, которым я, разумеется, очень горжусь.

Короче говоря, в 1948 году я решила перейти на заслуженный отдых, посвятить себя дочери, ставшей изящной девушкой, всерьез заняться моим прекрасным домом и написать воспоминания.

Последнее занимало меня все больше. Уже несколько раз в редкие спокойные часы в Венеции или в Барбизанелло я начинала приводить в порядок мои бумаги, записывать кое-какие факты. Но мои порывы по той или иной причине вскоре угасали. Все же мне удалось составить краткий план работы, записать даты и подробности, «запротоколировать», если так можно выразиться, огромный материал, который я собрала.

Но весной 1948 года я получила предложение совершить турне по Южной Америке. Прежде всего я должна была выступить несколько раз с концертами по радио в Буэнос-Айресе.

Условия были превосходными, и я не устояла перед соблазном вновь повидать Южную Америку, снова пережить опьяняющий успех, который сопровождал меня повсюду в моей первой заграничной поездке. К тому же мне очень хотелось пересечь Атлантику на океанском лайнере, на миг окунуться в шумную пароходную жизнь.

Я решила взять с собой Мари, мечтавшую, как и все девушки и юноши, посмотреть мир.

Мари постепенно взрослела, но она еще не выбрала себе профессию. Дочь артистов, она, конечно, увлекалась искусством, но стремления ее были как-то неопределенны, туманны. Особенно любила она, пожалуй, симфоническую музыку.

Однажды в Буэнос-Айресе, когда я пела на радио, Мари вдруг исчезла. Куда она могла деться? Я провела два тревожных часа. В большом незнакомом городе девушку всегда подстерегают неприятные сюрпризы и опасности. До самой полуночи я буквально не находила себе места. Уже в первом часу ночи Мари спокойно и невозмутимо, словно ничего не произошло, наконец, появилась. Оказывается, она не удержалась, чтобы не послушать концерт из произведений Вагнера в исполнении оркестра под управлением Виктора де Сабата.

Я беспрестанно переезжала из одного города в другой — из Буэнос-Айреса в Кордову, из Кордовы в Росарио, и повсюду меня встречали с необычайным восторгом и симпатией, особенно многочисленные группы прежних и новых итальянских эмигрантов.

В свои нелегкие поездки мне далеко не всегда удавалось брать с собой Мари, которая в юности была слабой и болезненной. На время отсутствия я поручала дочку заботам одной моей замужней подруги, которой я могла довериться с закрытыми глазами. С ней я оставила Мари и тогда, когда уехала на несколько дней в Росарио.

Не успела я вернуться, как меня ждали новые тревоги. На вокзале я чуть не упала в обморок, когда не увидела среди встречающих мою дочку, хотя она была предупреждена телеграммой. Мне осторожно сказали, что синьорину пришлось срочно отвезти в больницу. В отчаянии я бросилась к телефону и узнала, что у Мари был острый приступ аппендицита и ее пришлось немедленно оперировать.

Я не отходила от постели дочери, пока не миновала опасность.

Вскоре Мари совершенно поправилась и смогла хорошенько отдохнуть и повеселиться в последние дни моих гастролей, которые продлились целых два месяца.

Кроме городов Аргентины я с большим успехом дала концерт в Монтевидео.

В день отъезда — новые переживания. Я заранее запаслась билетами на пароход «Италия», и мне официально сообщили, что он снимается с якоря в два часа дня. Накануне мы были приглашены на обед к нашим друзьям Тедески, прощаясь с которыми договорились встретиться на следующий день в двенадцать часов. Конец дня я провела в обычной беготне за нужными и ненужными вещами. Я накупила всевозможные сувениры и безделушки для родственников и друзей, а для себя — крокодиловые и змеиные шкуры, изделия из черепашьей кости, замшу. Все это добро еле уместилось в четырех баулах и

многочисленных чемоданах, составлявших мой багаж.

Я позаботилась о том, чтобы его заранее перевезли на пароход. И, как показали последующие совершенно непредвиденные события, поступила весьма здраво.

Вернувшись в гостиницу уже ночью, мы попросили портье не будить нас рано. Пароход уходил в два часа, и мы спокойно могли выехать из отеля в полдень.

Но оказалось, что отправление парохода несколькими днями раньше было перенесено на десять тридцать утра, и никто не позаботился предупредить нас. К счастью, синьора Тедеска позвонила в агентство и с ужасом узнала об этом. В сильном волнении она телефонировала мне. Было девять утра, значит, до отхода парохода оставалось всего полтора часа.

Звонок телефона, стоявшего на тумбочке у моей постели, звучал настойчиво и повелительно. Спросонья я сняла трубку и услышала новость, подействовавшую на меня, словно удар электрического тока. Я мигом вскочила, но мне не сразу удалось разбудить Мари, спавшую крепким сном юности. Нельзя было терять ни минуты, нам во что бы то ни стало нужно было попасть в порт к четверти одиннадцатого, а до него полчаса езды на машине. Мы с молниеносной быстротой умылись, оделись, расплатились по счету, раздали чаевые. Те несколько минут, пока мы ждали такси, показались нам вечностью. Но вот мы в машине, и скорее… в порт.

Надо ли говорить, что на улицах толпился народ, а движение здесь очень оживленное. Я торопила шофера, но он был бессилен нам помочь. Большей скорости при таком скоплении народа развить невозможно. Казалось, что мы все больше отдаляемся от порта. Когда мы приехали, пароход дал второй гудок и матросы уже убирали сходни.

Мы помчались к пароходу и побросали свой багаж в единственный еще работавший погрузочный кран; люди вокруг смеялись и от души потешались над нами. Капитан приказал тотчас же взять нас на борт, таможенники запротестовали: они хотели сначала проверить чемоданы. Наконец среди всеобщего веселья, подталкиваемые моряками, мы оказались на верхней палубе.

Я ничего не сознавала, голова шла кругом… Когда я немного пришла в себя, то была уже в каюте вместе с Мари, которая тоже выбилась из сил. Вдруг меня поразила отчаянная мысль, и я воскликнула:

— Мари, а наши баулы!

— К черту баулы! — ответила Мари. И она была права: если вещи не успели погрузить, то тут уж ничего не поделаешь.

Позже мне сказали, что все наше достояние на борту, так как таможня не стала проверять багаж Тоти.

Поистине я родилась под счастливой звездой!

После столь головокружительного пролога наше путешествие до самой Генуи протекало очень приятно. Моя дочь расцветала с каждым днем, и я была счастлива! Я возвращалась на родину, полная чудесных воспоминаний о новых успехах, довольная тем, что показала Мари мир.

Запомнилось мне знакомство с Евой Перон, кумиром не только перонистов, но и всех аргентинцев. Ева была чудесной женщиной. Кроме красоты она отличалась изысканностью манер и врожденным благородством.

Вернувшись в Италию, я тут же уехала в Барбизанелло немного отдохнуть. Стояла уже осень.

Однажды раздался звонок, и неожиданно я услышала в трубке голос моего дорогого Ческо Баседжо.

После дружеского обмена любезностями я спросила о причине звонка.

— Что бы ты сказала, — спокойно произнес он, будто речь шла о самых обычных вещах, — если бы я предложил тебе выступать в моей труппе?

Я побледнела, сердце забилось чаще, у меня перехватило дыхание; это приглашение было для меня как гром среди ясного неба. Я бормотала какие-то возражения и чувствовала себя неловко, но потом успокоилась и спросила:

— Что же я буду делать в твоей труппе?

— Ты будешь первой актрисой, — не задумываясь, ответил Баседжо. — В некотором роде ты по-прежнему будешь примадонной, как в опере. Ты выступишь в нескольких пьесах Гольдони, тебе же это не впервой…

— Да, знаменитые «Кьоджинские перепалки». Но мне много лет, чтобы повторять эксперимент с Лючетой…

— На этот раз речь идет не о Лючете. Я хочу, чтобы ты сыграла в «Самодурах», «Доброй матери», «Домоправительнице» и в нескольких современных комедиях или же в пьесах Сельватико и Галлины, в общем, там посмотрим. Ну решайся же, Тоти… Ты рождена для сцены… вспомни, что говорил Симони.

Искушение было сильным, но у меня уже наметились другие планы; не было недостатка и в предложениях от различных импрессарио. Я ответила Баседжо, что подумаю и дам ответ через неделю.

Признаюсь, что в течение семи дней я не знала ни минуты покоя. Всю неделю обдумывала я предложение моего друга. Компромиссное решение тут было невозможно! А перспектива

вернуться в драматический театр неудержимо захватила меня. Любовь к драме пересилила все сомнения, и я приняла предложение Баседжо. Я хотела поделиться со зрителем самыми сокровенными переживаниями, идущими из глубины души.

Я чувствовала себя свободной и счастливой, готовой с энтузиазмом учиться, совершенствоваться под руководством такого замечательного артиста, как Ческо Баседжо.

Итак, решено, вступаю в труппу, польщенная доверием известного артиста, поручившего мне ведущие роли.

Вместе со мной должны были играть самые выдающиеся венецианские актеры — незабываемая Ванда Бальданелло, Карло Лодовичи, Леони Леон Берт, Бенедетти, Джанни и Джино Кавальери.

Я начала репетировать в «Доброй матери» Гольдони, и вскоре эта пьеса стала моим «коньком».

Хочу с глубокой признательностью отметить, что Баседжо заключил со мной контракт на очень выгодных условиях. Он предложил мне один из самых высоких по тому времени гонораров для драматических театров.

Очень быстро я поняла, что репетиции гораздо труднее, чем я предполагала, но все же с энтузиазмом «ринулась в бой». Репетировать с Баседжо было подлинным наслаждением. Он предоставлял мне полную свободу, полагаясь на мой талант и интуицию актрисы.

«Чувство сцены» — это своеобразное шестое чувство, заключающееся в умении актера войти в роль, перевоплотиться в своего героя, переживать вместе с ним радость и горе, боль и веселье, волнение и злобу — словом, все психологические нюансы. Этому нельзя научиться: или это чувство есть, или его нет. Как ни старайся, но, если оно тебе не дано, зритель всегда ощутит фальшь.

Повторяю, Баседжо доверял моей интуиции. Быть может, мне помогала музыкальность, и, кроме того, я обладала врожденной способностью к естественной, легкой, искренней, в современном стиле декламации.

Дебютируя, я инстинктивно избегала ложного пафоса, старых, отживших форм исполнения. Я терпеть не могла штампа, избитых эффектов, проявлений дурного вкуса, рассчитанных на то, чтобы угодить публике. Может быть, поэтому я быстро завоевала уважение зрителей, а позднее, в Милане, и признание крупных критиков, таких, как Симони, Поссети, Пальмери, и других.

Итак, я добютировала в главной роли в «Доброй матери» Гольдони; я играла женщину простую, но с сильным характером,

порой комичную в минуты вспыльчивости, но в то же время трогательную.

Никогда не забуду премьеру в венецианском театре «Ридотто». Казалось, маленький зал раздвинулся, чтобы вместить блестящую публику, какую можно увидеть лишь на знаменательных, праздничных спектаклях. Был субботний вечер 20 декабря 1948 года.

Но предоставляю слово критику Бартолини, который писал на следующий день в «Гадзеттино»: «Бурные аплодисменты и цветы предназначались редкостной актрисе Тоти Даль Монте, которая с честью выдержала испытание в трудной, но богатой красками роли сестры Барбары».

Понятно, что и моих товарищей ждал большой успех. Баседжо, игравший старого волокиту, как всегда, был бесподобен. Хорошо принимали Ванду Бальданелло, Джанни Лепского и всех остальных актеров.

Дав еще два представления, мы оставили Венецию и отправились в поездку по Италии.

Очень скоро я поняла, что мне уготованы не только розы. Повсюду попадались фанатики, превозносившие меня до небес как певицу, но не прощавшие мне… мое «предательство» — переход в драму.

В Парме, музыкальнейшем городе, который гордился своим прозвищем «оперной столицы Италии», наша труппа сделала самые плохие сборы за всю поездку. Казалось, жители по молчаливому согласию решили не посещать наших спектаклей.

В других городах меня неизменно окружали любители оперы, задававшие бесцеремонные вопросы, вроде: «Вы действительно решили бросить оперу?», «Почему вы предпочитаете быть драматической актрисой, а не певицей?», «Правда ли, что вы начали выступать в драме, потому что потеряли голос?»

Признаюсь, что такая бестактность была мне неприятна и приводила иногда в полное замешательство.

Баседжо пришло в голову включить несколько песенок в комедии, которые мы собирались ставить.

В «Домоправительнице» Гольдони в роли Кораллины я спела небольшую арию в стиле XVIII века композитора Джени Садера. Эта ария чудесно подходила к характеру героини. Эксперимент оказался весьма удачным, и мои усердные поклонники успокоились.

Вскоре другая песенка украсила пьесу Карло Лодовичи, актера и режиссера труппы, «Семья в облаках», а затем и пьесу Сельватико «Приготовление к празднику».

Пока я разъезжала с труппой Баседжо, моя дочь заразилась

«театральным микробом». Она тайком вступила в труппу венецианских любителей, которые ставили раннюю комедию Галлины «Папина гитара».

Дебют Мари прошел очень удачно, и я была от души довольна.

Наконец-то у моей дочки, странной и с виду такой равнодушной ко всему, кроме симфонической музыки, обнаружилось артистическое призвание.

Когда я вместе с труппой была в Венеции, Мари смиренно, но довольно настойчиво просила, чтобы Баседжо ее послушал. Хотя у него и без того было достаточно хлопот, милый Ческо согласился прийти ко мне домой на репетицию «Папиной гитары». Он внимательно смотрел, слушал и наконец вымолвил:

— Твоя дочь рождена для сцены.

Вот все, что было им сказано. Но через несколько дней он предложил Мари вступить в труппу. Не могу описать радость дочери.

Я тоже была счастлива, ведь кроме всего прочего теперь пришел конец долгим разлукам с моим божеством.

В то же время я очень боялась за нее. А если театр ей быстро надоест? Может быть, это случайное увлечение юности? Не приведет ли ее неопытность и легкомыслие к столь частым в театральном мире разочарованиям?

Мне повезло и тут.

Мари, которая взяла сценический псевдоним «Марина Дольфин», с большой решимостью, страстью и настойчивостью ринулась завоевывать свое место в мире искусства.

Вскоре стало ясно, что она выбрала правильный путь. Наконец-то и у нее, дочери артистов, обнаружился талант драматической актрисы. Под руководством Баседжо она быстро совершенствовалась. Мари очень удачно выступила вместе со мной в «Самодурах», «Доброй матери», «Кьоджинских перепалках» и во многих других пьесах; она научилась проявлять особенности своего дарования не только в комедиях Гольдони, но и в таких, например, пьесах, как «Приготовление к празднику» Сельватико, «Открой глаза, Юдифь» Лодовичи, «Когда часы бьют полдень» Пальмьери, и в других.

В августе 1949 года в грандиозном спектакле в Венеции Мари вместе с Баседжо, Гандузио, Чезариной Геральди, Карло и Тонино Микелуцци, Маргаритой Сеглин и Андреиной Карли играла в пьесе Гольдони «Два Панталоне».

Но первый большой успех ждал Мари на следующий год в пьесе Гольдони «Честная девушка».

Спектакль, входивший в программу Биеннале, состоялся в

Кампо Сан Тровазо, постановку осуществил режиссер миланского «Пикколо-театро» Джорджо Стрелер.

Кроме моей дочери на главные роли были приглашены из труппы миланского театра Лилла Бриньоне, Тонино Пьерфедеричи, Антонио Баттистелла, Джанни Сантуччо, а также лучшие артисты венецианского театра — Баседжо, Маргарита Сеглин, Джанни и Джино Кавальери, Карло и Тонино Микелуцци, Ванда Бальданелло, Ческо Ферро.

В зале сидели виднейшие итальянские критики во главе с Ренато Симони. Это он предложил дать Мари роль «честной девушки». Он же посоветовал Паоло Грасси и Джорджо Стрелеру съездить в Бергамо, где Мари выступала в пьесе Гольдони «Послушная дочь».

Когда был заключен контракт — а это было для Мари лучшим подарком ко дню ее двадцатилетия, — мы отправились в Милан, чтобы выразить признательность милейшему Симони.

Наш добрый друг щедро поделился с Мари своим огромным опытом и подробно нарисовал ей характер и повадки ее будущей героини.

После блестящего выступления в «Честной девушке» Мари вошла в состав труппы миланского «Пикколо-театро». Там она сумела утвердиться в таких разных и трудных для исполнения пьесах, как «Влюбленные» Гольдони, «Смерть Дантона» Бюхнера, «Лето и дым» Теннесси Уильямса, «Не надо биться об заклад» Альфреда де Мюссе, «Дом Бернарды Альбы» Гарсиа Лорки.

После перерыва, вызванного замужеством и рождением сына и дочки, Мари снова стала выступать. Но теперь уже в постоянном театре области Трентино Альто Адидже под руководством режиссера Фантазио Пикколи. Она с неизменным успехом играла главные роли в пьесах «Донья Росита» Лорки, «Резвушка» Д'Аннунцио, «Благовещение» Поля Клоделя, «Парижанка» Бека.

Свой короткий рассказ об артистической карьере дочери мне хотелось бы закончить упоминанием о ее триумфальном выступлении по телевидению в пьесе Гольдони «Трактирщица». Это произошло в конце 1960 года, а совсем недавно Мари отлично сыграла в пьесе «Кровавая свадьба» Лорки, которую поставил флорентийский «Пикколо-театро».

* * *

Позволю себе небольшое отступление. В труппе Ческо Баседжо я играла два сезона. В конце каждого вечера, уступая

настойчивым требованиям публики, мне приходилось исполнять несколько песен и романсов. Нередко с галерки раздавался громкий крик: «Романсы, хотим романсов!»

При малейшей же возможности Баседжо под любым предлогом вставлял в мою роль одну-две песенки. Естественно, мне приходилось все время упражнять свой голос. Чаще всего я распевала свои неизменные вокализы в номере очередной гостиницы.

Однажды в полдень, когда я заливалась вовсю, кто-то несколько раз постучал мне в стену. Я не придала этому никакого значения. Но через несколько минут в дверь постучался коридорный и смущенно попросил меня прекратить упражнения, так как синьор из соседней комнаты говорит, что мое пение мешает ему отдыхать и что вообще с таким голосом в консерваторию надо бежать.

Я обратила все в шутку, но петь перестала, чтобы не мешать послеобеденному сну моего сердитого соседа.

Из всех ролей, которые я сыграла вместе с Баседжо, моей любимой была роль веселой, хлопотливой и находчивой прачки в чудесной комедии Сельватико «Приготовления к празднику». Однажды перед самым выходом на сцену Баседжо пожелал «проверить» мою прическу и, как всегда, остался ею вполне доволен. Но когда я уже направилась к двери, Баседжо бросил взгляд на мои руки и сказал: «Надо загримировать руки, Тоти, они у тебя слишком нежные и белые. У прачки таких не бывает». Я немедленно последовала его совету.

В конце второго сезона я не без сожаления рассталась с труппой Ческо Баседжо.

Я не считала это окончательным прощанием, а только временным перерывом в работе. От бесконечных переездов, постоянного разучивания новых ролей, частых репетиций, почти каждодневных выступлений я очень устала и нуждалась в отдыхе.

Расставание вышло грустным еще и потому, что Мари осталась в труппе Баседжо. Она-то была счастлива, что наконец нашла свой путь. У меня же благоразумие взяло верх над материнским эгоизмом.

Больше я не вернулась на сцену драматического театра, хотя не раз испытывала такое желание. А вот соблазн вновь дать несколько концертов оказался сильнее меня.

В конце 1950 года меня пригласили выступить в концертах музыки средневековых трубадуров. Аккомпанировать мне на клавесине охотно согласилась венецианка Еджида Джордани Сартори, блестящий музыкант. Для меня это было ново и заманчиво. Я пела в Милане, Болонье, Вероне, совершила

небольшое турне по Франции, и везде публика слушала старинную музыку с большим интересом и вниманием.

Однажды во время выступления в Милане произошла совершенно неожиданная для меня и трогательная встреча.

Концерт происходил в ассоциации «Италия — Франция». Когда я вышла после выступления, ко мне приблизилась немолодая, но еще красивая женщина, одетая во все черное. Обняв меня и еле сдерживая слезы, она тихо, взволнованно сказала: «Я вдова маэстро Паолантонио… позвольте мне выразить вам свое искреннее восхищение». Смущенная и глубоко взволнованная, я обняла ее.

В этот момент я подумала о величии души незабвенного Паолантонио. Бедная женщина услышала в моем пении нечто такое, что говорило о нем. И это так и было!

XXXVII. Прощание

После многих месяцев перерыва я вновь открыла тетрадь своих воспоминаний и постаралась перечитать их как можно более внимательно. Сделала я это без особого энтузиазма, даже с некоторым сомнением, хотя до сих пор не могу себе объяснить, чем оно вызвано. В душе я, как ни странно, испытывала грусть и даже некоторое смущение.

Просматривая ворох статей, писем, телеграмм и заметок, я подумала, что многое здесь наверняка небезынтересно для публики. Той самой публики, которая любила слушать мое пение, но совсем не знала другую сторону моей жизни — жизни женщины, испытавшей не только радости, но и страдания, порой работавшей сверх всяких сил и отказавшейся на долгие годы от тепла самых сокровенных привязанностей, нередко одинокой в целом мире.

После ухода из драматического театра во мне зрело желание окончательно бросить сцену. И вот, дав серию концертов старинной музыки, я внезапно прервала свои выступления, почувствовав, что мне придется снова скитаться, бороться с трудностями и приносить неизбежные жертвы.

Как раз во время моего последнего турне мне попала в руки книга воспоминаний Марии Лабия, и я помню, как меня поразили ее грустные страницы, где Лабия горько оплакивала свое прошлое — отречение от сцены было для нее глубочайшей трагедией.

Нет-нет! Я покинула оперную сцену с иным чувством. Решив навсегда расстаться с артистической карьерой, я действительно испытала какое-то облегчение. Первое время я наслаждалась заслуженным отдыхом и без сожаления отказалась от предложений дать несколько прощальных концертов, что так нравилось Нелли Мельба, когда она уходила со сцены.

Время от времени я все же вспоминаю с легким сожалением о карьере драматической актрисы, которая стала моим вторым призванием, и особенно о своем любимом венецианском театре.

Но мой отдых продолжался недолго.

Хотя я совсем не собиралась стать вокальным педагогом, у меня не было недостатка в предложениях поделиться с молодыми певцами своим богатым опытом. Зная, насколько ответственна и трудна педагогическая деятельность, я не имела никакого желания заниматься ею. Но наступил все же момент, когда мне пришлось сдаться. Получилось это совсем неожиданно, а «свахой» стала моя невестка Рина. Она еще в Милане много раз говорила о желании импрессарио Минольфи показать мне одну молодую

американскую певицу. Помнится, я познакомилась с ней в кафе — это была Долорес Вильсон.

К моему столику подошла девушка и, волнуясь, голосом, в котором звучало глубокое восхищение, сказала, что три месяца ждала этой радостной встречи. Ее беспредельный энтузиазм тронул меня. В ней было много упорства, веры и надежды научиться у меня искусству пения. При следующей встрече я прослушала ее, отметив несовершенство техники и недостатки дикции. Долорес поняла, что понадобится огромная работа, чтобы приобрести все качества, необходимые для первоклассной певицы. Она занималась с большой любовью, и я учила ее с не меньшей. В результате она достигла такого совершенства, что впоследствии выступала с большим и заслуженным успехом в Италии и «Метрополитен-опере» в Нью-Йорке.

Примером настойчивости и целеустремленности была и другая моя ученица — колоратурное сопрано Жанна Д'Анжело. Ее голос тоже имел много недостатков, но после нескольких лет напряженной работы она развила свою технику и достигла такого мастерства, что о ней заговорили как о певице с превосходной школой. Она также выступала в лучших театрах мира. Но я не стану перечислять всех учеников, которые в течение этого десятилетия доверились моему опыту. Здесь были уроженцы разных стран: Америки, Франции, Испании, Германии, Японии, Болгарии. Хотелось все же особо упомянуть о басе Франко Вентрилье, которого ждет блистательная карьера.

Чтобы быть поближе к дочери, которая в 1951 году вышла замуж в Риме, я переехала в столицу и поселилась в прелестном районе Париоли.

Прощай, желанный отдых! Рим поглотил целиком все мое время. Только на несколько летних месяцев я удирала на виллу в Барбизанелло.

Кроме многочисленных уроков я была по горло занята самыми разнообразными делами: концерты, спектакли, приемы, комиссии, неизбежные светские обязанности и, наконец, время от времени путешествия за границу.

Хочу коротко рассказать о моей поездке в Россию. Осенью 1956 года советский посол в Риме Богомолов, человек исключительного обаяния, очень симпатичный, большой ценитель искусства, передал мне приглашение от имени своего правительства.

Но речь шла не просто о приятном путешествии — и в России мне предстояло заниматься вопросами пения, особенно в области итальянской музыки. Прежде чем принять это любезное приглашение, я посоветовалась с несколькими политическими

деятелями Италии. Я была в дружбе с министром Сарагатом и его женой — удивительно милой синьорой Джузеппиной, на редкость доброй и обаятельной женщиной. Я рассказала о приглашении Сарагату, и он без колебания сказал:

— Поезжайте непременно, поезжайте, дорогая Тоти. Все, что может способствовать улучшению отношений между двумя мирами, противостоящими друг другу в наше тревожное время, должно быть сделано. Искусство и культура могут помочь взаимопониманию гораздо лучше всякой политики.

Решив принять предложение Советского правительства, я выехала в конце сентября в сопровождении одной из моих учениц — очень милой и преданной мне Марии Эйра. Родом она была из Финляндии, но вышла замуж и поселилась в Риме.

Выбирая между самолетом и поездом, мы, конечно, решили ехать поездом.

Уже в Вене со стороны советского посольства ко мне было проявлено максимум внимания. Такая же любезность ждала меня в Варшаве. На границе в Брест-Литовске, когда я, так сказать, попала в руки к рачительным работникам «Интуриста», я не могла не заметить многих перемен с момента моей первой поездки двадцатипятилетней давности в пору путешествия с мужем по Дальнему Востоку. Сколько воды утекло с тех времен, времен холодных, как лед, отношений между нашими странами!

Теперь это совсем другой мир! Никакой враждебной недоверчивости, притеснения, недружелюбия, боязни, наоборот — подлинная заботливость, порядок, искренняя сердечность.

После трехдневного путешествия в поезде, где наши спутники, почти все до одного советские граждане, оказывали нам всевозможные знаки внимания, дарили сувениры — словом, были крайне предупредительны, мы прибыли в Брест.

Все пограничные операции были выполнены без малейшей заминки. По счастливой случайности я встретила в «Интуристе» служащего, который увлекался пением и мечтал стать тенором. Его учительница пения жила в нескольких километрах от границы и ждала только знака, чтобы прийти приветствовать меня. Какая искренняя и простодушная влюбленность в искусство!

Покончив с необходимыми формальностями, мы вернулись в купе, а затем направились в вагон-ресторан. Все места были заняты, но два оставили специально для нас. Пассажиры ждали нашего прихода, чтобы приступить к еде. Икра, русский салат во всех видах (который называли почему-то «салат по-итальянски»), вкусный борщ, фаршированная рыба и другие весьма вкусные яства. Словом, это был прекрасный банкет, обильно уснащенный вином и пышными тостами. Оживленные беседы, дружеские

пожелания и бесконечные объятия. Обо всем и не расскажешь.

По радио звучали русские песни.

В Москву мы прибыли 1 октября в полдень. С удивлением я увидела, что к вагону приближается небольшая толпа — преподаватели пения из консерватории; их было человек двадцать, и каждый держал в руке большой букет цветов. Эти люди, в прошлом знаменитые певцы, были намного старше меня. Встреча тронула меня до слез!

Встретить меня пришли также многие певцы, музыканты, писатели и директор консерватории профессор Свешников.

Мне представили мою переводчицу. Встречу на вокзале снимали операторы телевидения. Я поняла, что мой визит был большим событием для музыкальных кругов столицы.

Мы разместились в грандиозном отеле, где нам предоставили номер-люкс с гостиной, телевизором и радио. На следующее утро я нанесла первый визит в консерваторию.

В актовом зале, стоя вокруг огромного стола, собрались все известные преподаватели пения.

Профессор Свешников сказал:

— Мы рады видеть здесь Тоти Даль Монте. Мы хотим услышать от нее не комплименты, а истинное мнение о нашей школе и нашем методе преподавания.

Я похолодела от таких слов, возлагавших на меня огромную, непосильную задачу.

Однако мне удалось овладеть собой и выразить свое восхищение увиденным. Я торжественно пообещала передать все свое искусство и опыт певицы студентам консерватории, что я и делала каждый раз, когда меня приглашали послушать студентов; различные классы прослушивались в большом зале, и затем преподаватели просили меня откровенно высказать свои замечания о всех недостатках.

Приходилось иногда напоминать абсолютные правила классической школы, такие, как свободный подбородок, легкая и глубокая эмиссия дыхания, глубокое носовое дыхание с опусканием диафрагмы ниже реберной дуги, а не брюшное, присущее в последние годы многим певцам; отчетливое произношение, поднятие мягкого нёба, мягкие губы, легированный и свободный вокализ.

Все это — техническая сторона вокального искусства. Что же касается исполнительного мастерства, тут я вспомнила о своих учителях Барбаре Маркизио и Тосканини, стараясь передать подлинное искусство, вдохновение и классическую манеру исполнения, которые они вложили в мою душу. Я видела, как широко раскрытые, внимательные глаза учащихся загорались,

светились доверием, огромным желанием понять меня и петь так, как я советовала.

Однажды меня пригласили в Большой театр, где я была встречена бурными аплодисментами. Пришлось подняться на кафедру и провести настоящую лекцию о моем методе пения и об исполнительском искусстве наших великих мастеров сцены.

Нужно было видеть, с каким огромным вниманием слушали меня!

Затем многие подошли ко мне с просьбой дать им личные советы. Таким образом получилось, что я стала другом всех учеников и учителей. Я уверена, что оставила о себе самую добрую память.

Меня пригласили также выступить по телевидению. Я с жаром рассказывала о нашей Италии, о величии итальянской оперы, о высоком художественном уровне лучших итальянских театров и в конце концов сказала, что пришла в восхищение от той огромной любви к музыке, которую наблюдала в Москве. Я исполнила также несколько итальянских песен. А позже в Доме ученых был организован мой концерт, на котором присутствовали видные деятели культуры и искусства.

Чувствуя большую ответственность, так как уже много лет мне не приходилось петь, я приступила к ежедневным упражнениям с усердием школьницы. Мои вокальные возможности, конечно, были уже не те, что прежде, однако мне удалось подготовить серьезную программу из оперных отрывков, классических и народных песен многих стран. Таким образом, мне удалось продемонстрировать еще раз свою школу и ту музыкальность, которая всегда была моим отличительным свойством.

Зал был переполнен, и сотни людей у входа тщетно пытались достать билеты. Здесь собрались все артисты Большого театра, известные и неизвестные, принимавшие меня с неподдельным восторгом. Я спела на «бис» бесчисленное количество вещей, а по окончании концерта взволнованная публика буквально наводнила сцену. Все обнимали меня и горячо поздравляли.

И все-таки во время концерта я с тоской вспоминала о своем выступлении в Москве в 1931 году. Если бы сейчас, перед столь великолепной аудиторией, я могла вновь выступить в полную силу моих тогдашних возможностей!

Многое я могла бы рассказать о встречах, которых у меня было немало за месяц моего пребывания в Москве и Ленинграде.

Остановлюсь лишь на поездке в знаменитый Загорский монастырь, расположенный в двух часах езды от Москвы.

В монастыре находится несколько царских гробниц.

Древний и величественный, он навевает мысли о временах «Бориса Годунова» и «Хованщины» Мусоргского. Священники и настоятель монастыря показали мне монументальные галереи и очень красивые церкви.

Настоятель монастыря, средних лет, благообразного вида священник, был весьма учтив со мной и моими спутниками (меня сопровождали Мария Эйра, тенор из Большого театра, одна моя советская приятельница и переводчица). Настоятель извинился, что не умеет говорить по-итальянски, однако оказалось, что он прекрасно владеет английским языком и немного французским, и это позволило нам объясняться вполне свободно.

Он слышал пластинки с моими записями и весьма обрадовался, когда узнал о моих глубоких религиозных убеждениях; я рассказала также, что посетила католическую церковь в Москве и слушала мессу. Тогда настоятель монастыря сдержанно заметил, что господь бог не забыт и на «святой Руси».

Посещение монастыря заняло все утро. Примерно в час дня нас пригласили в трапезную, где был подан обед.

Пока рассаживались за богато сервированный стол с дорогой керамикой, настоятель предупредил меня, что обед будет очень скромным.

— Мы не пьем вино и не едим мясо, — сказал он. — Мы можем предложить вам лишь то, что имеется в монастыре: рыбу, овощи, сыр, сладости.

Однако обед превзошел все мои ожидания. Многочисленные блюда были приготовлены очень вкусно, даже изысканно. Если бы я поддалась своей слабости гурмана, меня отвезли бы в больницу с заворотом кишок, особенно если учесть обилие икры различных сортов, к которой я всегда была неравнодушна.

Дни моего пребывания в России пролетели очень быстро.

Ленинградом я буквально была очарована. Это прекрасный город, живущий богатой культурной жизнью.

Расставание было очень теплым, сердечным и трогательным. Конечно же, я обещала приехать еще раз.

На этом я заканчиваю воспоминания о прошлом. Я хотела бы рассказать о моих недавних поездках по Италии и за границу, об участии в учебных и экзаменационных комиссиях, в национальных и международных конкурсах, о преподавании, выступлениях по телевидению и других видах моей довольно обширной деятельности.

Дань, которую я продолжаю платить за свою популярность, все еще значительна и подчас даже тяжела.

Откровенно говоря, я еще не насладилась полностью столь желанным отдыхом, ради которого десять лет назад приняла

решение оставить сцену.

Однако «сладостное безделье» не мой удел. И так как, благодарение богу, на здоровье я не жалуюсь, меня не тяготят ни работа, ни занятость, ни бесконечные дела, ни поездки. Наоборот, они отвлекают меня от грустных раздумий.

К тому же я чувствую себя полезной и нужной моей дочери, которая с успехом возобновила свою артистическую деятельность, и моим любимым внукам — Массимо и Антонелле. Именно благодаря им не иссякает моя жажда деятельности, и я все более убеждаюсь, что вечное горение, а не унылый покой позволяет человеку полнее ощутить радость жизни.

В свободные часы я слушаю оперную и симфоническую музыку, находя при этом верного товарища в лице моей дочери. Когда в «Фениче» или «Ла Скала» нет интересных спектаклей или концертов, мы прибегаем к нашей фонотеке.

Да, симфоническая музыка заставляет забыть все тревоги и огорчения, она воскрешает во мне глубокие чувства. Оперная музыка действует на меня, пожалуй, чуть слабее, но она пробуждает во мне волну печальных, горьких воспоминаний. Когда я слушаю великолепные голоса Пертиле, Джильи, Шаляпина, Де Муро и других артистов, которых уже нет, в памяти мгновенно оживают эпизоды прошлого, наполняя сердце тоской и какой-то растерянностью.

И предо мной молниеносно, словно кадры кино, проносятся годы моей артистической жизни с ее скитаниями по разным странам, блистательными успехами, неизбежными разочарованиями, радостными волнениями, внезапными горестями и тяжким трудом. Я как бы вижу себя со стороны: подпрыгивая на каждом шагу, маленькая девочка с пачкой нот под мышкой садится на паром и отправляется в Мира, где ее ждет великая актриса Барбара Маркизио.

И вот уже невысокого роста, полненькая подвижная девушка, готовая воспользоваться первым представившимся случаем, вчерашняя провинциалка по имени Антониетта Менегель, с трепетом и жадным любопытством переступает порог «Ла Скала». Ее счастью нет предела, когда она узнает, что будет петь Белоснежку на сцене прославленного театра.

Вижу, как маленькая женщина, очень живая и резвая, которая теперь уже зовется Тоти Даль Монте, смело требует у маститого Масканьи дать ей партию Лолы. Вот она в страхе ежится под градом упреков великого Тосканини и радуется потом его отеческим замечаниям.

Вижу теперь уже знаменитую певицу, с триумфом выступавшую в театрах Европы, Америки, Австралии, Китая,

Японии, Гавайских островов, Новой Зеландии…

Боже мой, какой путь я проделала то в бедных деревянных сандалиях Лодолетты, то в оригинальной обуви Чио-Чио-Сан, то в туфельках Амины, то в башмачках Розины, Джильды, Лючии, Виолетты, Линды и многих других лирических, трагических, любящих, несчастных, охваченных радостью или скорбью героинь!

На закате, когда сгущаются тени над моим садом в Барбизанелло, я закрываю глаза, сказочные видения улетучиваются как дым, но я не испытываю печали. Я дожила до того возраста, что приносит опыт и мудрое отношение к жизни, которые позволяют мне по-прежнему чувствовать себя бодрой и деятельной. Быть может, эта умиротворенность и является лучшей наградой за все, что я сделала.

И если я сейчас не испытываю горьких сожалений, способна еще радоваться и быть благодарной за сердечную доброту, которой меня окружают, я вижу в этом благостную руку судьбы.

notes

Примечания

1

«Сердце» — книга известного итальянского писателя Эдмондо Де Амичиса. На русский язык переведена под названием «Дневник школьника».

2

Субретка *(франц.)*.

З

Лапша *(итал.)*.

4

Брюки, штаны *(итал.)*.

5

Брюки, штаны *(испан.)*.

6

Весьма знающий синьор Колодрон *(испан.)*.

7

Мы все *(испан.)*.

8

Простимся без вражды *(итал.)*.

9

Ферма *(англ.)*.

10

Улица Флориды *(испан.)*.

11

Колыбельная.

12

Религиозный праздник.

13

Парсы — религиозная секта.

14

Киногородок.